

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№6 2019

Казань - 2019

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №6 2019г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2019. – 134.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № Е11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – к.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
Н.С. Найденова – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснуллина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2019 г.

СОДЕРЖАНИЕ

10.01.01– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>С.Ф. Меркушов</i> МЕТАФИЗИКА АБСУРДА В ПОВЕСТИ ЕГОРА РАДОВА «ЦАРЬ ДОБР»	7
<i>Е.А. Обухова</i> В.В. НАБОКОВ О ПОЭТИКЕ СТИХА (1920–1930-е гг.)	10
<i>Фэн Мин</i> ОСОБЕННОСТИ «ВЯТСКОГО ТЕКСТА» В РОМАНЕ «БОРЦЫ» Б.А. ПОРФИРЬЕВА	13
<i>О.Ю. Юрьева</i> УЧЕНИЕ ОБ ИДЕЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И ЭЙДОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС СИМВОЛИКИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ	18

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

<i>С.Г. Аксенов, А.У. Киньябулатов, А.Д. Лифанова, Р.Н. Зигитбаев, С.А. Батанин, А.Ф. Мухлисов, Ф.Х. Усманова, Нгуен Тхань Нга, Конг Тхи Хоа</i> ЗНАЧЕНИЕ ВНУТРИВУЗОВСКОЙ ГАЗЕТЫ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ МОЛОДЫХ ЖУРНАЛИСТОВ	22
<i>Р.З. Дарзаманова</i> ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛИЗМ ХУГО ЛЁЧЕРА КАК СИНТЕЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО В ШВЕЙЦАРСКОЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА СТЫКЕ XX И XXI ВЕКОВ	25
<i>М.С. Штейман</i> АГРЕССИВНЫЙ КОМПОНЕНТ НА СОВРЕМЕННОМ ТВ (РЕДАКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ТЕЛЕКОМПАНИЙ)	28

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>Л.К. Байрамова</i> КОГНИТИВНАЯ ДЕФИНИЦИЯ И ТРАНСФЕР ЗНАНИЙ В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ	32
<i>Т.Ф. Волкова, Л.М. Грищенко, Т.А. Демидова</i> ОСОБЕННОСТИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ С СУИЦИДАЛЬНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ	36
<i>К.В. Еленская</i> КУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ НАСИЛИЯ/НЕНАСИЛИЯ	40
<i>Т.Б. Курбацкая, Н.П. Ячина, С.Г. Добротворская, В.С. Минкин</i> ФОРМИРОВАНИЕ КРОССКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В УСЛОВИЯХ СЛОЖНОГО ОБЩЕСТВА	43
<i>Г.И. Мансурова, В.С. Маркелов</i> ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ ФИЛОСОФИИ В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ	46
<i>Супиан</i> ФУНКЦИИ ФОРМ ИМПЕРАТИВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ДИСКУРСА	49
<i>М.Т. Фахрутдинова</i> ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ	54

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>О.П. Емельянова</i> ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАТЬИ АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	57
<i>Н.В. Жарёнова</i> ГЕЛЬВЕТИЗМЫ В ПЕЧАТНЫХ СМИ	64
<i>Ю.Н. Зинцова, И.В. Матвеева</i> ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ МЕЛИОРАТИВОВ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	67
<i>М.А. Кузина, К.Р. Багдасаров</i> К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ТЕРМИНА «ЭКЗОТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА» К ЗАИМСТВОВАНИЯМ В АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ИЗ ЕВРОПЕЙСКИХ И НЕЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ	70
<i>В.Ю. Кузнецова (Барбазюк), А.Е. Воробьев</i> ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВОЕННЫХ АББРЕВИАТУР	73

М.Н. Кузнецова, У.А. Казакова, В.А. Тубальцева	АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ПЕДАГОГОВ ВУЗОВ К МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ	76
Н.А. Левковская	СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИАДИСКУРСА. ПРОБЛЕМА СКРЫТЫХ ОЦЕНОК	80
Д.Ш. Мухамедзянова	ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НАРЕЧИЙ ЧАСТОТНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ	83
Д.А. Романов	НЕДОСТАТКИ ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ИНФИНИТИВНОГО СОЧЕТАНИЯ "VERB + ОБЪЕКТ + BARE / TO-INFINITIVE (CLAUSE)"	86
Т.С. Рыжкова, Н.Г. Хилалова, П.В. Янькова	ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СУБСТАНТИВА FLOWER В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	89
Н.В. Сабурова	КАТЕГОРИЯ АВТОРСТВА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ СМИ	92

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Л.В. Ахметшина	СИСТЕМНО-АСПЕКТУАЛЬНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ЯЗЫКЕ	95
К.Н. Бурнакова, Т.Н. Боргоякова	ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОШЕДШЕГО НЕОПРЕДЕЛЕННОГО ВРЕМЕНИ В ТЕКСТАХ СКАЗКИ	98
А.С. Габышева, Л.И. Заморицкова	СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С СОМАТИЗМОМ «ГЛАЗ» В ЯКУТСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	101
Д.З. Гайнутдинова, А.Т. Галиахметова, М.И. Андреева	ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ФИКСАЦИЯ АРХИТЕКТУРНЫХ И СТРОИТЕЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ – МЕТАФОР В ДВУЯЗЫЧНОМ СЛОВАРЕ	104
К.А. Давыдова	СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ АНГЛИЙСКОЙ АРИСТОКРАТИИ В РОМАНЕ ДЖОНА ГОЛСУОРСИ «ПАТРИЦИЙ»	108
Н.Н. Казыдуб	КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ	111
Л.А. Савельева	РОЛЬ ЧАСТИЦ В ФОРМИРОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ: ОБРАЗ МАСТЕРА И ПОЭТА БЕЗДОМНОГО В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»	114
Е.Б. Савельева, Е.Г. Котова, Е.А. Линева, Т.Г. Юсупова	ДЕЙКСИС В КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОМ КОНТЕКСТЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	117
М.В. Самсонова, Л.С. Заморицкова	АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРА В ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЯКУТИИ	120
М.В. Самсонова, К.А. Пестерева, В.В. Филиппова	МИКРОТОПОНИМИКА ОСТРОВОВ СРЕДНЕЙ ЛЕНЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ УКЛАДА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ	123
	АННОТАЦИИ	126

THE RELEASE MAINTENANCE

10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE

<i>S.F. Merkushev</i> METAPHYSICS OF ABSURDITY IN THE STORY OF EGOR RADOV “GOOD KING”	7
<i>E.A. Obuhova V.V.</i> NABOKOV ABOUT POETICS OF VERSE (1920–1930-ies.)	10
<i>Feng Ming</i> PECULIARITIES OF “VYATKA TEXT” IN THE NOVEL “WRESTLERS” BY B. A. PORFIRYEV	13
<i>O.Yu. Yureva</i> THE DOCTRINE OF IDEA AND IDEOLOGICHESKIE STATUS SYMBOLS OF F. M. DOSTOEVSKY IN RUSSIAN LITERATURE THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY	18

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

<i>S.G. Aksenov, A.U. Kinyabulatov, A.D. Lifanova, R.N. Zigitbaev, C.A. Batanin, A.F. Muhlisov, F.H. Usmanova, Nguen Thanh Nga, Kong Thi Hoa</i> THE IMPORTANCE OF INTRAVUZOVSKAYA NEWSPAPER FOR THE PREPARATION OF YOUNG JOURNALISTS	22
<i>R.Z. Darzamanova</i> THE LITERARY JOURNALISM OF HUGO LOETSCHER AS SYNTHESIS OF NONFICTION AND FICTION IN THE SWISS GERMAN LITERATURE AT THE TURN OF XX AND XXI CENTURIES	25
<i>M.S. Shteyman</i> THE AGGRESSIVE COMPONENT ON MODERN TV (EDITORIAL POLICY OF REGIONAL TELEVISION STATIONS)	28

10.02.01 - PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

<i>L.K. Bairamova</i> THE COGNITIVE DEFINITION AND TRANSFER OF KNOWLEDGE IN THE AXIOLOGICAL DICTIONARY	32
<i>T.F. Volkova, L.M. Gritsenko, T.A. Demidova</i> FEATURES OF LANGUAGE PERSON SELF-PRESENTATION WITH SUICIDAL BEHAVIOR	36
<i>K.V. Elenskaia</i> CULTURAL DETERMINATION OF VIOLENCE/NONVIOLENCE	40
<i>T.B. Kurbatskaya, N.P. Yachina, S.G. Dobrotvorskaya, V.S. Minkin</i> FORMATION OF CROSCULTURAL COMPETENCE IN CONDITIONS OF COMPLEX SOCIETY	43
<i>G.I. Mansurova, V.S. Markelov</i> TEACHING LANGUAGE OF PHILOSOPHY TECHNOLOGIES IN FOREIGN LANGUAGE AUDIENCE	46
<i>Supian</i> PRAGMATICS OF THE IMPERATIVE MOOD DEPENDING ON A DISCOURSE TYPE	49
<i>M.T. Fakhrutdinova</i> THE PROCESSES IN THE MODERN RUSSIAN WORD FORMATION	54

10.02.04 - PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

<i>O.P. Emelyanova</i> GENRE CHARACTERISTICS OF ACADEMIC PAPER	57
<i>N.V. Zharyonova</i> HELVETISMS IN THE PRINT MEDIA	64
<i>Yu.N. Zintsova, I.V. Matveeva</i> LEXICAL SEMANTIC FIELD OF MELIORATIVES IN MODERN GERMAN LANGUAGE	67
<i>M.A. Kuzina, K.R. Bagdasarov</i> ON DEFINING LOANWORDS FROM EUROPEAN LANGUAGES AND LOANWORDS FROM NON-EUROPEAN LANGUAGES INTO ENGLISH AS “EXOTIC VOCABULARY”	70
<i>V.Y. Kuznetsova (Barbazyuk), A.E. Vorobyev</i> PROBLEM ASPECTS OF TRANSLATION OF ENGLISH MILITARY ABBREVIATURES	73

<i>M.N. Kuznetsova, U.A. Kazakova, V.A. Tubaltseva</i> ENGLISH LANGUAGE AS A MEANS OF SOCIAL AND PROFESSIONAL ADAPTATION OF TEACHERS OF UNIVERSITIES TO THE INTERNATIONAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT	76
<i>N.A. Levkovskaya</i> SEMANTICS AND PRAGMATICS OF THE ENGLISH MEDIA DISCOURSE. THE PROBLEM OF HIDDEN MEANINGS	80
<i>D.S. Mukhamedzyanova</i> THE USE OF FREQUENCY ADVERBS TO EXPRESS REPEATED ACTION IN ENGLISH AND SPANISH	83
<i>D.A. Romanov</i> WEAK POINTS OF TRANSLATING THE INFINITIVE COMBINATION "VERB + OBJECT + BARE / TO-INFINITIVE (CLAUSE)" FROM ENGLISH INTO RUSSIAN	86
<i>T.S. Ryzhkova, N.G. Hilalova, P.V. Yan'kova</i> THE DIACHRONIC ANALYSIS OF THE SUBSTANTIVE FLOWER IN THE ENGLISH LANGUAGE	89
<i>N.V. Saburova</i> CATEGORY OF AUTHOR IN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA TEXTS	92

10.02.19 - PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>L.V. Akhmetshina</i> SYSTEM-ASPECTUAL FUNCTIONING OF COMPUTER TERMINOLOGY IN THE LANGUAGE	95
<i>K.N. Burnakova, T.N. Borgoyakova</i> THE USE OF THE PAST INDEFINITE TENSE IN THE FAIRY TALE TEXT	98
<i>A.S. Gabysheva, L.I. Zamorshchikova</i> COMPARATIVE ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH SOMATISM "XAPAX/ EYE" IN THE YAKUT AND ENGLISH LANGUAGES	101
<i>D.Z. Gaynutdinova, A.T. Galiakhmetova, M.I. Andreeva</i> LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION OF METAPHORICAL TERMS OF ARCHITECTURE AND CONSTRUCTION IN THE BILINGUAL DICTIONARY	104
<i>K.A. Davydova</i> SOCIOLINGUISTIC IMAGE OF THE ENGLISH ARISTOCRACY IN THE NOVEL "PATRICIAN" BY JOHN GALSWORTHY	108
<i>N.N. Kazydub</i> COGNITIVE-PRAGMATIC MODELLING OF CULTURAL AND LINGUISTIC CONTACTS	111
<i>L.A. Savelyeva</i> THE ROLE OF PARTICLES IN BUILDING WORD PICTURES: WORD PICTURES OF THE MASTER AND POET HOMELESS IN THE NOVEL "THE MASTER AND MARGARITA" BY M.A. BULGAKOV	114
<i>E.B. Saveleva, E.G. Kotova, E.A. Lineva, T.G. Yusupova</i> DEIKSIS IN THE COGNITIVE-COMMUNICATIVE CONTEXT OF AUTOBIOGRAPHIC DISCOURSE	117
<i>M.V. Samsonova, L.S. Zamorshchikova</i> ANTHROPOMORPHIC METAPHOR IN GEOGRAPHIC TERMINOLOGY OF CENTRAL YAKUTIA	120
<i>M.V. Samsonova, K.A. Pestereva, V.V. Filippova</i> MICROTOPONIMICS OF ISLANDS OF MIDDLE LENA RIVER AS REFLECTION OF PECULIARITIES OF POPULATION LIFE STAND	123

ABSTRACTS	126
------------------	-----

10.01.01– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

С.Ф. Меркушов канд. филол. наук

Тверской государственный университет,
филологический факультет,
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью,
Тверь, stas2305@gmail.com

МЕТАФИЗИКА АБСУРДА В ПОВЕСТИ ЕГОРА РАДОВА «ЦАРЬ ДОБР»

В статье рассматривается абсурдистский срез художественной специфики повести Е. Радова «Царь добр» в ее соотносительности с важнейшими аспектами древних учений (Упанишады и пр.). В качестве основного аналитического вывода путем установления характерного для абсурда кажущегося нетождества утверждается присущее данному тексту субъектно-объектное образное и повествовательное тождество.

Ключевые слова: Е. Радов, «Царь добр», абсурд, субъект, объект.

Литературное направление, в котором работал, на наш взгляд, самый недооцененный автор конца XX — XXI столетий Егор Радов можно представить как «абсурд в его метафизической ипостаси». Произведения Е. Радова в разное время относились критиками то к постмодернизму, то к психоделической прозе, то к авангарду. Сам писатель от всех усредняющих классификаций открещивался, хотя в одном из ранних интервью и обозначил стиль своего первого романа «Змеесос» как «метафизический панк», что также звучит весьма обтекаемо, как своего рода отсылка к жанру научной фантастики «киберпанк» [см., 2]. Действительно, во многих, если не в большинстве текстов Е. Радова рисуется некий антиутопический мир, топика и хронос которого трудноуловимы.

«Мандуэра — эстетическая суть всего <...>, благодать, одинаково присутствующая во всем» [5: 167], — так определяет Е. Радов свое мироощущение, выражаемое в произведениях. Естественно, такое понимание мира отмечено влиянием идей древних восточных учений, в частности, Упанишад, цитаты из которых не только присутствуют в качестве эпиграфов к романам писателя (например, к роману «Суть»), но и рассеяны по их пространству явно и неявно.

Е. Радов не причислял себя к постмодернизму с его «толщей ритмизованных игр, убивающих друг друга» [2] (хотя игры в его прозе предостаточно), считая, что через эту «толщу» «опять должно вырваться наружу живое великолепие человеческого безобразия... и веры!» [2]. В любом случае, думается, можно интерпретировать творчество Е. Радова как синтетическое [подр.: 7: 64—68] или, по нашей терминологии, синкретическое, т.е. приближающее к истине через абсурд, являющийся его исходной точкой и базовой концепцией. Недаром Е. Радов называл А.И. Введенского своим любимым поэтом [2].

В одной из первых повестей «Царь добр» Е. Радов предлагает «конспект фантастической антиутопии» [6: 5], являющийся дальним прообразом реальности «Дня опричника» В.Г. Сорокина: в середине XXI в. «Дальний Восток и Сибирь заселили китайцы...», север захватили скандинавы, «пробудившиеся после долгого исторического сна», западные территории заселили украинцы и поляки, юг «колонизовался Турцией», ставшей членом НАТО [5: 113—114]. В России не осталось ни культуры, ни литературы, «никто уже ничего не знал, не помнил, и самое главное, ничем не интересовался, кроме личных событий своей жизни» [5: 118]. В отношении религии произошло слияние ислама и христианства, причем никто уже не помнил сути ни того, ни другого, а «люди просто ходили в кино, смотрели телевизор и читали иллюстрированные журналы» [5: 118]. Достигнутая высшим

руководством путем манипуляций массовым сознанием цель по созданию и внедрению подобной религиозной абстракции, как следует из текста, напрямую связана с задачами укоренения интеллектуальной и духовной посредственности и равнодушия к искусству и культуре. Расцвет и апофеоз т.н. «попсы» привели к широчайшей общественной деградации, религиозным суррогатам и смысловой депривации. Земная Россия депортирована на Марс, где россияне ведут существование согласно постулатам философии экзистенциализма или догматам бусидо: из абсурдной реальности кто-то выходит в открытый космос без скафандра, «своим самоубийством погубив врагов» [5: 119], большая же часть населения спивается.

Главный герой повести Иван Жуев уже в самом ее начале поставлен в тупик своим отцом, задающим ему вопросы об экзистенциальном выборе: погибнуть, жить, или возродиться, — «Кто это решает?» [5: 119]. В этом эпизоде диалога двух персонажей образы беседующих отца, сына и Бога как предмета разговора сливаются воедино, между ними исчезает граница, — в этом смысле вопрос отца приобретает трансцендентальное значение, связанное с семантикой преодоления иллюзии разделенности (в Упанишадах — майя). Дальнейшая интерпретация повести, таким образом, может развиваться в этом русле. Каждый человек заключает в себе божественную природу, которую способен пробудить, становясь творцом, входя при этом в необычные состояния сознания и духа. Однако превозмочь в себе человеческое можно лишь «уповая», т.е. при наличии абсолютной веры, что и подчеркивает отец: «Я могу уповать» [5: 119]. Иван Жуев в конце текста также мысленно произносит: «я могу уповать», т.е. верить в доброго царя, в руке которого «убить или миловать... возвысить...или втоптать в прах...» [5: 164]. Сама фраза имеет общее значение относительности и незавершенности, характерных для восточных учений и некоторых западных философских концепций, что опять-таки коррелирует с проблемой соотношения реальности и представлений о ней: «могу» предполагает «не могу», а также «и могу, и не могу» и т.п. Сам диалог в завязке произведения ведется в измененном состоянии сознания собеседников в процессе совместного употребления алкоголя, а в финале повести Иван Жуев, ожидая казни за убийство, постигает мировой порядок, при котором «Я» тождественно нирване — мандустре — доброму Царю — Богу — небесной России — всему.

Итак, сюжет повести «Царь добр» — своеобразная трактовка пути освобождения индивида от абсурдности бытия через постижение этой абсурдности и познания того, что в Упанишадах называется «Атман» (Атман — высшее «Я» в человеке, абсолютный аспект личностного «Я», бессмертный Дух [1: 100]). Избрание фантастической формы и абсурдистских приемов диктуется именно сюжетным измерением: развертывание абсурдного, но безупречно выстроенного сюжета, когда в процессе и результате четко структурированного повествования, но тем не менее напоминающего делирий, происходит по сути полное взаимозамещение ситуаций, образов вследствие ликвидации объектно-субъектных рамок, когда конец равен началу, когда декларируется относительность всего во имя торжества истины. «Творческий акт есть уничтожение обыденности, культуры, любых фантомов во имя живой истины», — уверен Е. Радов [4].

Рассмотренное произведение предвосхищает не только эксперименты В.Г. Сорокина («День опричника», «Метель», «Теллурия»), но и, в еще большей степени, опыты В.О. Пелевина, начиная с «Жизни насекомых» и рассказов («Колдун Игнат и люди», «Оружие возмездия», «День бульдозериста» и др.), заканчивая «SNUFF» и «Смотрителем». В первую очередь, конечно, применяемые в «Царь добр» нарративные методы предваряют повествовательные приемы и образы будущих крупных текстов Е. Радова. Специфика этих приемов во многом стала основанием для положительных оценок немногочисленных критиков его прозы как прозы психоделической.

Таким образом, Е. Радов путем абсурдизации сюжетов (в данном случае сюжета повести «Царь добр») стирает границы между субъектом и объектом, создателем и создаваемым, утверждает тождество между ними через характерное для абсурда, но кажущееся нетождество. Поэтому одновременно всё становится аналогичным всему, подобно

«таковости» в буддизме или «великому изречению» *tat tvam asi* в индуизме, когда провозглашается относительность слов и обозначаемых ими явлений реальности (ср., с формулой А.И. Введенского в «Разговорах»: «Поэзия производит только словесное чудо, не настоящее. <...> Я посягнул на понятия, на исходные обобщения, что до меня никто не делал. Этим я как бы провёл поэтическую критику разума — более основательную, чем та, отвлечённая. Я усумнился, что, например, дом, дача и башня связываются и объединяются понятием здание. Может быть, плечо надо связывать с четыре. Я делал это на практике, в поэзии, и тем доказывал. И я убедился в ложности прежних связей, но не могу сказать, какие должны быть новые. Я даже не знаю, должна ли быть одна система связей или их много. И у меня основное ощущение бессвязности мира и раздробленности времени. А так как это противоречит разуму, то значит разум не понимает мира» [3: 593]). В этом случае можно также проводить параллели и с дзадзэн с его принципом извлечения одной колючки с помощью другой, т.е. путем тотальной абсурдизации освобождения читателя-человека из абсурда, порожденного путаницей смешения слов и идей с подлинностью.

Список литературы

1. Бхагаван Шри Сатья Саи Баба. Упанишады. Практика постижения истинной реальности [Текст] / Бхагаван Шри Сатья Саи Баба. — М.: Свет, 2016. — 112 с.
2. Егор Радов: «Я вижу своего читателя странным и неожиданным...» [Электронный ресурс] / П. Васильев. — Режим доступа: http://hylaee.ru/ko_radov.html (Дата обращения: 16.03.2019).
3. Липавский Л.С. Разговоры // Введенский А. Всё. — М.: ОГИ, 2013. — 760 с. С. 582—662.
4. Литература — это способ быть творцом (интервью с Егором Радовым) [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://radov.dlvk.com/press/liter.htm> (Дата обращения: 18.03.2019).
5. Радов Е. Мандустра: Рассказы [Текст] / Е. Радов. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 536 с.
6. Рыжова П. Предисловие [Текст] // Радов Е. Мандустра: Рассказы / Е. Радов. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 536 с. С. 5—6.
7. Цзянхуа Ч. Синтетизм — новое жанрово-стилевое явление современной русской прозы [Текст] / Ч. Цзянхуа // Мир русского слова, 2011, № 2. — С. 64—68.

10.01.01

Е.А. Обухова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
историко-филологический факультет,
кафедра русского языка и русской литературы,
Белгород, katerina-alexandrovna-obuhova@yandex.ru

В.В. НАБОКОВ О ПОЭТИКЕ СТИХА (1920–1930-е гг.)

Литературно-критические статьи Набокова 1920–1930-х гг. являются ценным источником для выяснения взглядов писателя на поэтику стиха. Однако в научной литературе не существует целостного исследования, раскрывающего данную проблематику. В данной работе был проведен мотивный анализ литературно-критических статей Набокова в широком контексте достижений отечественного литературоведения в области поэтики стиха, с учетом эволюции взглядов писателя на проблему взаимодействия поэзии и прозы в его собственном творчестве. Особенный акцент был сделан на изучении мотива прозаизации стиха в литературной критике Набокова в связи с актуальностью этого приема для его поэтической модели. В результате исследования были выявлены теоретические установки Набокова на прозаизацию стиха как на конструктивный прием; определена его позиция в научных и литературно-критических дискуссиях 1920–1930-х гг. по вопросу релевантности прозаизации стиха в эволюции русской поэтической системы. Результаты исследования расширяют существующие представления о теоретических взглядах Набокова на поэтику стиха, в формулировании которых проявляется их формалистский генезис.

Ключевые слова: В.В. Набоков, Ю.Н. Тынянов, формализм, мотив, прозаизация стиха.

В 1920–1930-е гг. В.В. Набоков написал ряд литературно-критических статей о поэтах-современниках. Этот материал представляет значительный интерес для исследования взглядов писателя на поэтику стиха. Особенно это касается такой конструктивной особенности собственной поэтической системы писателя, как прозаизация стиха. Объектом исследования в данной статье являются литературно-критические статьи Набокова 1920–1930-х гг., в которых раскрываются взгляды писателя на прозаизацию стиха. Актуальность нашего исследования обусловлена значительным интересом к поэтическому наследию знаменитого романиста XX в., к особенностям взаимодействия прозы и поэзии в его творчестве. Целью исследования является анализ мотива прозаизации стиха, рассматриваемого на всех его уровнях (идейно-образном, стилистическом, фоническом), в литературно-критических статьях Набокова 1920–1930-х гг. Основная проблема данного исследования заключается в выявлении теоретических взглядов Набокова на прозаизацию стиха, которые нашли отражение в его собственной поэзии.

На наш взгляд, Набоков отчетливо выразил свое поэтическое кредо в рецензии на «Собрание стихов» В.Ф. Ходасевича, которая была напечатана в берлинской газете «Руль» 14 декабря 1927 г.: «Если под *поэзией в стихах* понимать поэтические красоты, узкое традиционное поэтичество, то *проза в стихах* значит совершенную свободу поэта в выборе тем, образов и слов» [5, т. 2, с. 650]. Одним из главных поэтических принципов в творчестве Набокова стали «проза в стихах», или «прозаизм», «прозаизация». При этом, судя по данному писателем определению специфики стихов Ходасевича, его понимание «прозаизма» соответствует распространенному в 1920-е гг. в среде формалистов термину, которым обозначали тематические и стилистические элементы, чуждые поэтическому контексту, играющие конструктивную роль в обновлении лирических форм [9, с. 18–28]. По словам Л.Я. Гинзбург, этот термин формалистам подсказал пушкинский стих о «ненужном прозаизме» [1, с. 204]. Набоков в своих литературно-критических статьях акцентирует

контаминацию в рамках одного лирического текста, условно говоря, «поэтических», или «высоких», мотивов и «прозаических», или «низких», мотивов как знак мастерства. Он может в одном предложении противопоставить эти мотивы, тем самым обнажив, с его точки зрения, один из ведущих принципов развития темы в стихах тех или иных родственных ему по своим творческим установкам поэтов. Например: «Мечту чужого народа, чужую легенду и незаметную для туриста подробность пейзажа Бунин чувствует так же живо, так же пронзительно, как “скрип прогнивших половиц” в родной усадьбе, сырой сад, озаряемый ночной молнией, или простую, грубоватую русскую сказку, — которую он, как никто, умеет оживить творческим дыханием» [5, т. 2, с. 675]. О мотивной структуре в стихах Ант. Ладинского: «Кастальская стужа пленительна; прохладный, утоляющий все чувства рай влечет, как влекут переселяющихся на новую квартиру “никелированные краны и в изобилии вода”...» [5, т. 3, с. 690]. Стихи парижских поэтов-современников, развивающих традиционно «поэтические» темы в одном «высоком» стиле, Набоков называет «прозаическими», то есть «скучными», «водянистыми» и проч. [5, т. 3, с. 691]. В данном случае для Набокова определение стихов как «прозаических», очевидно, не относится к понятию «прозаизм» («проза в стихах», как было сформулировано им по поводу стихов Ходасевича).

Теперь рассмотрим взгляды Набокова на ритмическую сторону стиха в свете его теории прозаизации стиха. Для него работа над планом выражения в поэзии не мыслится вне ритма. Так, он говорит о слиянии темы и ритма в стихах Бунина как о высшем достижении [5, т. 2, с. 673]. В этой связи можно провести аналогию взглядов Набокова на соотношение прозаизированного содержания и ритма в стихе с творческой практикой Пушкина, у которого, по наблюдению Ю.М. Лотмана, «прозаический план может детально разрабатывать содержание поэтического текста, но как только поэт переходит к работе над выражением, оно уже не мыслится вне ритма» [3, с. 702]. «Опрозаивание» стихотворного ритма для Набокова в 1920–1930-е гг. было неприемлемым. Так, в стихах поэтов «Перекрестка» для него неприемлемы такие «прозаические длинноты», как «испытывая страх» или «еще на гимназической скамейке» [5, т. 3, с. 692, 694]. Последний пример Набоков называет «прозаизмом» [5, т. 3, с. 694]. Судя по интервью, которое дал Набоков в январе 1964 г., его взгляды на проблему соблюдения правильного ритма в стихах радикально изменились: «... я никогда не видел никакой качественной разницы между поэзией и художественной прозой. И вообще, хорошее стихотворение любой длины я склонен определять как концентрат хорошей прозы, независимо от наличия ритма или рифмы» [6, с. 60]. Таким образом, в 1960-е гг. Набоков отказывается от генетически пушкинской установки на ритм как необходимое условие для создания приемлемого стихотворного текста.

На уровне композиции стихотворного текста стремление Набокова к прозаизации проявляется в установке на фабульные мотивы. Эта установка явствует, например, из отзыва писателя на стихи Гумилева, которые оцениваются им как образцовые с точки зрения декларируемой им нормативной поэтики: «Стихотворенье должно быть прежде всего интересным. В нем должна быть своя завязка, своя развязка. Читатель должен с любопытством начать и с волнением окончить. О лирическом переживанье, о пустяке необходимо рассказать так же увлекательно, как о путешествии в Африку. Стихотворенье — занимательно, — вот ему лучшая похвала» [5, т. 2, с. 639]. По наблюдению Набокова, фабульные мотивы характерны также для высоко ценимых им стихов Ладинского [5, т. 3, с. 691]. Вновь и вновь Набоков подчеркивает необходимость фабулы для лирических стихотворений [5, т. 2, с. 640–641].

Набоковская характеристика стихов Гумилева и Ладинского опять-таки вписывается в формалистский дискурс. Например, в статье «Преодолевшие символизм» (1916 г.) В.М. Жирмунский замечал, что Гумилев вводил в свои стихи «повествовательный элемент» и придавал им «характер полуэпический – балладную форму» [2, с. 129]. Таким образом, в нормативной поэтике Набокова жанр баллады, под которым в 1920-е гг. понималось всякое стихотворение с фабулой [8, с. 242], оказывается более всего отвечающим его

представлениям об «истинной» поэзии. Интерес к лиро-эпической форме баллады также раскрывает вышеупомянутое поэтическое кредо Набокова: «проза в стихах».

Что касается рифмы, то Набоков был сторонником ее классической, пушкинской, разновидности. Как следует из комментария Набокова к собственному переводу стихотворения Пушкина «Я помню чудное мгновенье...», он не любил охоты за «оригинальными» рифмами [4, с. 401]. Судя по весьма высокой оценке Набоковым рифм в стихотворениях Ладинского, он чуть ли не считал эталоном для современных ему поэтов употребляемые тем богатые рифмы – наследие пушкинской эпохи [5, т. 3, с. 691]. Вошедшие в оборот в начале XX в. ассонансы и левосторонние рифмы Набоков называет «искалеченными рифмами» [5, т. 2, с. 639]. Мужские усеченные рифмы (также модернистское новшество) для Набокова – «смехотворная хромота» [5, т. 2, с. 638].

Об отношении Набокова к тропам в стихотворном тексте можно судить по особенности их употребления писателем в собственном поэтическом творчестве. По точному наблюдению Сечкарева, тропы в поэзии Набокова «не нарочитые, не намеренно поражающие» [7, с. 54]. Они служат не для украшения речи, но для повышения ее выразительной силы и точности. Вывод исследователя иллюстрируется процитированной программной формулой необходимого поэтического стиля из сонета Набокова «Поэту» (1923 г.). На наш взгляд, отношение Набокова к тропам в передаче Сечкарева находит свою аналогию в теории поэтического слова у представителей русской «легкой поэзии» (И.Ф. Богданович, К.Н. Батюшков, Н.М. Карамзин, М.Н. Муравьев), к которой был близок Пушкин. По наблюдению Тынянова, для этих поэтов «в тропах важно не извращение семантической линии слов, а, напротив, большая их ясность. Вследствие этого слова вступают в связи не по эмоциональной окраске или звуковому признаку, но по основным, узуальным (словарным) семантическим их пунктам. [...] теория поэтического слова близится к теории слова прозаического; поэзия начинает учиться у прозы» [9, с. 53].

Таким образом, можно сделать вывод, что в межвоенное двадцатилетие установка на прозаизацию стиха оставалась для Набокова актуальной. Прозаизация тематики и стиля и при этом правильный стихотворный ритм, классические рифмы, связь слов в тропах по семантическому значению, – все эти принципы поэтики стиха, декларируемые Набоковым во второй половине 1920-х–1930-е гг., свидетельствуют о его ориентации в собственной поэтической и литературно-критической практике на пушкинский вариант поэтики стиха. Наблюдения и открытия формалистов могли способствовать сознательности выбора со стороны Набокова своего пути в русской поэзии XX в., осененного именем Пушкина. Уже в первых поэтических сборниках Набокова «Гроздь» и «Горний путь» (1923) содержится достаточно зрелая поэтическая модель, в которой прозаизация играет конструктивную роль. Эту модель Набоков будет развивать в избранном им направлении все последующие годы.

Список литературы

1. Гинзбург Л.Я. О лирике. – М.: Intrada, 1997. – 416 с.
2. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1977. – 408 с.
3. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста: Статьи и исследования: Заметки. Рецензии. Выступления. – СПб.: Искусство–СПБ, 1996. – 848 с.
4. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. – М.: Независимая газета, 1999. – 440 с.
5. Набоков В.В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. / Сост. Н.И. Артеменко-Толстой; предисл. А.А. Долинина; примечания А.А. Долинина, М.Э. Маликовой, В.Б. Полищук, О.В. Сконечной, Ю. Левинга, Р.Д. Тименчика, Г.М. Утгофа, А.Д. Яновского, Г.Б. Глушанок, А.А. Бабилова. – СПб.: «Симпозиум», 2000
6. Набоков В.В. Строгие суждения. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. – 416 с.
7. Сечкарев В.К. тематике поэзии Вл. Набокова // Новый журнал. – 1994. – № 197. – С. 42-66.
8. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие. – М.: Аспект-пресс, 1996. – 333 с.
9. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 575 с.

10.01.01

Фэн Мин

ФГБОУ ВО Вятский государственный университет,
«Кафедра русской и зарубежной литературы и методики обучения»,
Киров, yangguang110120x@icloud.com

ОСОБЕННОСТИ «ВЯТСКОГО ТЕКСТА» В РОМАНЕ «БОРЦЫ» Б. А. ПОРФИРЬЕВА

В статье рассматривается аспект «вятского текста» в романе Б. А. Порфирьева «Борцы». Выявляются мотивы, связанные с локусом Вятки, в котором происходит развитие действия романа, появляется новый герой Никита Сарафанников. Автор рассматривает, как влияют события начала XX в. в Вятке на российский провинциальный цирк и его людей и как они им воспринимаются.

Ключевые слова: Б. А. Порфирьев, «вятский текст», локус, проза о спортсменах, цирковая борьба.

Введение

В последнее время пристальное внимание литературоведов и культурологов обращено к исследованию «городского текста» как показателю своеобразия того или иного места, отразившего историю и культурные особенности. О «городском тексте» писали В. В. Абашев, Н. В. Осипова, А. Н. Давыдова, Л. Д. Попова, И. А. Разумова, Е. В. Милюкова, А. П. Люсый, Н. Ю. Деткова и др.

В нашей статье мы будем опираться на определение В. В. Абашева, который писал, что «историческая жизнь места (локуса) сопровождается непрерывным процессом символизации, результаты которой закрепляются в фольклоре, топонимике, исторических повествованиях, в широком многообразии речевых жанров, повествующих об этом месте, и, наконец, в художественной литературе» [1, с. 11]. По мнению исследователя, «локальный текст» представляется как «смысловое единство, воспроизведенное во множестве отдельных авторских и анонимных текстов (художественных, документальных, публицистических), во всем многообразии речевых жанров, объединенных предметом описания и высказывания – определенным локусом» [1, с. 7–8]. Город в различных филологических и культурологических работах видится как особый «живой организм», выстроенный в соответствии с историческими, культурными и окружающими природными реалиями.

Именно об этой особенности писал Н. П. Анциферов: «Город мы воспринимаем в связи с природой, которая кладет на него свой отпечаток, город доступен нам не только в частях, во фрагментах, как каждый исторический памятник, но во всей своей цельности; наконец, он не только прошлое, он живет с нами своей жизнью, будет жить и после нас, служа приютом и поприщем для деятельности наших потомков. Город для изучения самый конкретный культурно исторический организм. Душа его может легко раскрыться нам» [2, с. 29].

Кировский писатель Б. А. Порфирьев (1919–1990) впервые обратился к теме цирковой борьбы в повестях «Бенефис Ефима Верзилина» (1955) и «Цирк “Гладиатор”» (1958). Автор расширил и объединил эти повести в роман «Борцы» (1974). В основе сюжета романа – жизнь профессиональных цирковых борцов в первое десятилетие XX в.

Творческая деятельность кировского писателя Б. А. Порфирьева осталась не оцененной по достоинству. Однако несколько откликов критиков на тему спорта и цирковой борьбы было. Так, в журнале «Советский цирк» была помещена рецензия Ф. Кафтанов «О книге «Цирк „Гладиатор“», в которой отмечалось своеобразие взгляда писателя на предреволюционный цирк. Критик подчеркивал, что «знание материала, быта артистов цирка, нравов, условий труда и среды борцов свидетельствует о серьезности, с которой автор

отнесся к написанию книги. Рассказов, повестей и романов о цирке, к сожалению, до сих пор пишется еще мало. Поэтому каждая книга встречается с большим интересом. Раскрывая такую книгу, читатель ожидает увлекательного повествования, жаждет проникнуть за кулисы яркого и волнующего зрелища, чтобы раскрыть “тайны” происходящего на арене» [4].

Кировский литератор М. Градобоев написал очерк творчества Б. Порфирьева «И вечный бой... Книги Б. А. Порфирьева» в сборнике «Литературные портреты» (Киров, 1977. С. 180–202). Однако эти материалы раскрывали биографические и идейно-тематические особенности, а не анализировали поэтику произведений Б. А. Порфирьева. В статье рассматриваем один из аспектов поэтики романа на примере «вятского текста».

«Вятский текст» в романе

Б. А. Порфирьев родился в г. Советске Вятской губернии, жил и учился в Вятке, во время Великой Отечественной войны воевал в Ленинграде, и поэтому он хорошо знал топографию этих городов.

Действие романа «Борцы» происходит в Петербурге, Москве, Вятке. Б. Порфирьев с особым вниманием описывал детали городов, улицы, дома, природу, так как хотел подчеркнуть своеобразие «городского текста», связать его с жизнью своих героев.

Действие романа «Борцы» начинается в Петербурге, именно с этим городом связана судьба борца Ефима Верзилина. Писатель с особым чувством и скрупулезностью изображает Петербург, его проспекты, улицы, окрестности, взморье. Глазами Верзилина мы видим многое из жизни Петербурга. Герой-борец попадает в неприятную ситуацию, его травмируют, поэтому он вынужден оставить цирковую борьбу и состязание за мировую корону с борцом Мальтой. Однако он не мирится с этими обстоятельствами, а ищет учеников, готовых продолжить его дело.

Б. А. Порфирьев переносит действие романа из Петербурга в г. Вятку, потому что Верзилину необходимо проверить способности своего ученика Ивана Татаурова в провинциальном цирке. Верзилин и Иван, приезжая в Вятку, не просто меняют координаты своего местонахождения в пространстве, но меняют мир столицы на мир провинции. Это перемещение открывает внутреннее родство Верзилина с этим миром.

Б. А. Порфирьев проделал большой и кропотливый труд по поиску источников, документов, описанию топографии Вятки. М. Градобоев писал, что он «видел у Порфирьева и подшивки газет “Вятский край” и “Вятская речь”, план Петербурга за 1907 год, прейскурант товаров фирмы “Мюр-Мерлиз”...» [4, с. 192].

Вятский городской локус в романе представляется не только как описание улиц, площадей, на которых расположены различные строения, в границах которых происходят какие-либо события, но и символические природные объекты. В этом плане городское пространство видится как открытое пространство, однако не всегда свободное для беспрепятственного пути и перемещения героев в границах локуса. Важным компонентом развития семиотики города является пространство. В связи с пространством Ю. М. Лотман выделяет два типа города: концентрический и эксцентрический. Вятку можно отнести ко второму типу. «Эксцентрический город расположен “на краю” культурного пространства: на берегу моря, в устье реки. Здесь актуализируется не антитеза земля/небо, а оппозиция естественное/искусственное» [6, с. 321]. Вятка – город, расположенный на крутом берегу одноименной реки, давно считался местом ссылки.

Верзилин и Татауров приезжают на железнодорожный вокзал, а оттуда едут в гостиницу. Верзилин приказал извозчику ехать в гостиницу Чучалина, но извозчик рекомендовал гостиницу «Восток» в центре города на Николаевской улице. Это главная улица, на которой была сосредоточена вся общественная жизнь дореволюционной Вятки.

Одна из достопримечательностей города Вятки – это собор Александра Невского, спроектированный Александром Витбергом. Проезжая мимо вятского «величественного собора», Верзилин сравнивает его с петербургским Исаакием. Это не случайное сравнение, по своему архитектурному решению это был один из красивейших провинциальных соборов.

Писатель, зная о том, что в Вятке было много церквей и колоколен, отмечает, что приехавших борцов *«Вятка встретила... колокольным перезвоном, звуками гармоник и пьяными песнями. Было начало пасхи»* [7, с. 47]. В дальнейшем именно эти первые впечатления легли в основу воспоминаний Верзилина о пасхальных праздниках, цветной яичной скорлупе.

Для Верзилина Вятка – это топос-спасение, позволяющее духовно преодолеть невзгоды действительности. На наш взгляд, писатель дает обобщенный образ Вятки, возникающий как идеальный, сказочный топос. Важнейшей составляющей образа города является «сказочная» семантика – отождествление с «чудесной землей», «тридесатым царством», о чем можно судить, например, по золотой окраске отдельных объектов городского пространства. Многоликость вятской жизни подчеркивается тем, что писатель отмечает торговый характер города: так, герои шли по *«улице мимо желтых ларьков, увешанных тяжелыми замками, как медалями»* или *«в желтеньких крошечных ларьках, стоящих вдоль лога, шла бойкая торговля»*, [7, с. 48].

«Вятский текст» связывает Вятку с родиной силачей. По ходу сюжета романа в Вятке Татауров, выступая под псевдонимом Иван Татуированный, польстился на деньги и стал проигрывать другим борцам, то есть предал своего учителя. Однако Верзилин знакомится через дядю Сарафанникова Макара Феофилактыча с богатырем-самородком Никитой. «Собирая материалы для трилогии, – писал М. Градобоев, – Порфирьев не ограничился изучением печатных источников, а попытался разыскать хотя бы тех стариков, которые знали вятского колосса Гришу Кошечеева» [4, с. 192]. Именно этот атлет стал прототипом Никиты Сарафанникова.

Можно отметить, что Порфирьев намеренно выбирает имя и фамилию вятского силача: Никита – это имя отсылает читателя к былинному Никите Селяниновичу, а фамилия Сарафанников подчеркивает связь с народными истоками. Именно в Вятке Верзилин обретает своего истинного последователя и готов передать ему свои умения бороться. Такой поворот в сюжете романа отсылает читателя к русскому эпосу, былинам, в которых старший герой-богатырь должен передать свою силу новому поколению богатырей.

Город Верзилину открывает дядя Сарафанникова, Макар Феофилактыч. Порфирьев очень точен с дореволюционными названиями улиц: центральная – Николаевская, Царевская, Спасская; подмечает особенности построек, заборов, деревянных тротуаров. Вятка производила впечатление зеленого города: *«Вообще, в городе поражало обилие деревьев – тополей, лип, берез, кленов. Подле одноэтажных деревянных домиков цвели рябины и черемухи. За высокими заборами виднелись розовые яблони. Буйно росла трава; даже на центральных улицах она наступала на дорогу, пробиваясь между булыжниками мостовой, ложилась на деревянные тротуары. Цвели желтые одуванчики»* [7, с. 60].

Одной из особенностей местной архитектуры являлись львы на воротах. Эти львы были сделаны из опоки, которая добывалась близ Кукарки. *«В расщелине кирпичей на массивных воротах, подле каменного льва, росла тоненькая березка. Свежевыбеленная стена тянулась на полквартила. Пристрастие вятичей к каменным забороам бросалось в глаза. Заборы напоминали о крепостях – словно жители готовились к длительной осаде. Были и настоящие крепости – с башнями и бойницами. По крайней мере, две из них Верзилин видел: одна на горе, вокруг кафедрального собора, другая – внизу, вокруг монастыря...»* [7, с. 61]

На крутом берегу реки Вятки расположен Александровский сад. На Верзилина произвела впечатление решетка сада, выполненная по эскизам Витберга. *«Гроздь сирени над чугунной оградой Александровского сада были упруги и чисты... Сад был густой. Песчаная дорожка упиралась в белую круглую ротонду, перед которой был устроен фонтан – вытянувшийся лебедь выбрасывал ввысь тонкую струйку воды, и она, падая, разбивалась о замишленные камни. В чистой воде резервуара отражались разноцветные лампочки – по вечерам фонтан, видимо, подсвечивали огнями. Внизу, у забора, доцветала черемуха»* [7, с. 69].

Важной страницей в «вятском тексте» является праздник «Свистунья», в народе назывался «Свистопляска». С ее возникновением связано предание о битве вятчан и

устюжан, спешивших на помощь, но ночью не узанных и поэтому побитых. «До Раздерихинского спуска дойдете – там часовня стоит. В честь того, что при татарском нашествии свои своих тут ночью не узнали и побили друг друга» [7, с. 73]. С этим же событием связан промысел «дымковская игрушка». Игрушку делали на противоположном берегу в слободе Дымково, затем везли на праздничную ярмарку. Порфирьев с любовью и скрупулезностью описывает увиденное Верзилиным на «Свистунье»: «Днем пошли в город. <...> В воздухе плыл малиновый звон – раскатывался, переливался, гудел. Нарядные, веселые горожане шли по промытым дождем улицам. В обжорке пахло пирогами, поджаренным мясом, гороховым киселем, дымком. <...> Толпа. Говор. Смех. Свист. Шныряют мальчишки. Ох и здорово! До самого Александровского сада площадь уставлена балаганами, ларьками – из парусины, из досок. Все битком набито игрушками: мужик с медведем по очереди лупят по наковальне; раскланивается пильщик с деревянной пилой – пилит; курицы мотают шарнирными шеями, клюют зерно – болтается шарик, дергает их шеи за ниточки; гипсовый кот (а может, собака – не поймешь) сидит, скалится, в спине щель – опускай медяки, копи деньги, будешь богатым; рядом, чуть поменьше, император – говорят, Наполеон, а может быть, Александр Первый – в лосинах, в треуголке... Глаза разбегаются – чего тут только нет! Но больше всего свистулек – глиняные, деревянные, жестяные. Они свистят на все голоса: протяжно и прерывисто, пронзительно и мелодично. Вот свисток с горошиной – она перекачивается, дребезжит, мечется, бьется о стенки. Вот свисток душераздирающий – голосит вздох. Вот дудочка – ду-ду-ду – словно пастух играет в свой рожок. Но больше всего глиняных свистулей, небольших – так себе, раскоряка какая-то на трех ногах, с гребешком: лошадь не лошадь, баран не баран, – чудище, в хвосте дырка, а дунешь – приятно так засвистит, как в детстве, когда из липы первый свисток сделаешь: ф-ю-ю. По бокам сусальное золото да красные с зеленым горошины – ни за что не пройдешь мимо, купишь! Больно хороши! А ну подходи, покупай, пятачок цена! Не жалеи, милый человек!» [7, с. 89]

Верзилин не смог отвести глаз от игрушек. «Рядом с раскоряками свистулями стояли глиняные барыни в кринолинах – уперли свои руки-колбаски в бока, расплываются в застенчивых улыбках. До чего хороши! На юбках солнышки всех цветов, пуговицы золотые блестят. Не жалеют дымковские мастера яичного желтка, подкладывают его в краску, оттого и блестят их игрушки, оттого и падают пятаки да семишники в их карманы. Нет, не пройдешь мимо такой штуковины – купишь» [7, с. 90]. Еще одной особенностью вятских эпизодов романа «Борцы» является использование «вятского диалекта», то есть пословиц, поговорок, присловий. Наиболее ярко «вятский диалект» представлен в речи Макара Феофилактыча. Писатель передает его фонетические и лексические особенности. Так, старик объясняет Верзилину присловье: вятские – люди хватские, семеро одного не боятся. «Я, конечно, извиняюсь, – сказал маркер дрожащим от волнения голосом, – но вятские люди всегда своей смелостью славились. Они от татарского нашествия матушку Россию защищали. Я, конечно, извиняюсь, – сказал он, обращаясь к Верзилину, – но когда вы через Спасские ворота в Московский Кремль входите, так всегда шапочку снимаете? Вот то-то. А все почему? Да потому, што наш вятский образ над ними висит – “Спас Колотый”. Его три сотенки годиков назад государь Алексей Михайлович увез из Вятки; Хлыновым ешио тогда Вятка прозывалась <...> Вот столь давно и зовеца главная кремлевская башня Спасской за заслуги вятичей перед Россией...» [7, с. 63]

Индивидуальные «приметы» города, горожан участвуют в создании пространственной модели города и в целом «вятского текста» этого романа. На наш взгляд, иногда важна не столько индивидуальность, сколько некая общность в формировании такого пространственного образования, как «вятский локус» в контексте именно русской действительности начала XX в. Он может быть опосредованно связан, а иногда и вовсе не связан с образами других городов, выступающими в качестве противопоставления или сопоставления. Однако в каждом локальном тексте есть много общего и индивидуального – это отразил Б. Порфирьев в своем романе «Борцы».

Художественный мир романа «Борцы», будучи продуктом творческого воображения писателя, представляет собой более или менее условную модель реального мира начала XX в. В. Ф. Асмус писал, что «у автора может быть могучая фантазия, но, как бы ни была велика сила воображения, то, что изображено в его произведении, должно быть для читателя пусть и особой, но все же реальностью» [3, 56]. Именно этим в большей степени обусловлено обращение к исследованию романа «Борцы» Б. Порфирьева и «вятского текста» в нем.

Список литературы

1. *Абашев В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2000. С. 11.
2. *Анциферов Н.П.* Непостижимый город. Л., 1991. 333 с.
3. *Асмус В.Ф.* Вопросы теории и истории эстетики. М., 1968. С. 56.
4. *Градобоев М.* И вечный бой... Книги Б. А. Порфирьева // Литературные портреты. Киров : Волго-Вят. кн. изд-во. Киров. отд-ние, 1977. С. 192.
5. *Кафтанов Ф.* О книге «Цирк „Гладиатор“» // Советский цирк. 1958. № 12. URL: <http://www.ruscircus.ru/sc1958/gladiator512> (дата обращения 29.05.2019)
6. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. 704 с.
7. *Порфирьев Б.* Борцы. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во. Киров. отд-ние, 1974. 383 с.

10.01.01

О.Ю. Юрьева д-р филол. наук

Иркутский государственный университет,
кафедра филологии и методики,
Иркутск, yuolyu@yandex.ru

УЧЕНИЕ ОБ ИДЕЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И ЭЙДОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС СИМВОЛИКИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

Статья 3

В статье исследуется проблема влияния эйдологической символики Достоевского на русскую литературу начала XX века. Показано, как в мире Достоевского традиционные для российского художественного и мифопоэтического сознания символы «книжного шкапа», «стены» приобретают эйдологический статус, становясь воплощением той или иной идеи, и в этом статусе функционируют в произведениях художников Серебряного века. Анализируются эйдологические символы, представляющие «живой образ» идеи в творчестве Достоевского и художников XX столетия.

Ключевые слова: *Ф.М. Достоевский, эйдологический символ, идея, литература XX.*

Особое место в ряду эйдологических символов Достоевского занимает «книжный шкаф», появившийся в романе «Братья Карамазовы». «Книжный шкаф» становится определяющим фактором становления и формирования личности и мировоззрения «русского мальчика» Коли Красоткина: «После отца остался шкаф, в котором хранилось несколько книг; Коля любил читать и про себя прочел уже некоторые из них. <...> И таким образом Коля прочел кое-что, чего бы ему нельзя еще было давать читать в его возрасте» [3. т. 14. 463]. Коля Красоткин мечтает о лидерстве в борьбе за справедливое мироустройство, а его речь пестрит «чужими» красивыми, но необдуманно идеями и мыслями, почерпнутыми из книг. До Достоевского этот образ в литературе не эксплуатировался, но после стал одним из самых распространенных для обозначения идеи «книжной» жизни и «книжного» сознания образованного человека XX столетия, оторванного от «живой жизни», от «почвы» и стремящегося навязать народу свои идеи.

В автобиографической прозе О. Мандельштама «Шум времени» есть глава «Книжный шкаф», по своей образной и содержательной структуре явственно восходящая к отцовскому «шкапу» с книгами «русского мальчика» Коли Красоткина: «Сейчас нет таких энциклопедий науки и техники, как эти переплетенные чудовища. Но все эти «Всемирные панорамы» и «Нови» были настоящим источником познания мира» [4. 46]. Мандельштам утверждает, что «разночинцу не нужна биография, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел — и биография готова», а «книжный шкаф раннего детства — спутник человека на всю жизнь» [4. 57].

С этой точки зрения представляет интерес и цикл любовных стихотворений И. Северянина «Девятое октября», посвященных жене Фелиссе Круут. Выражая мысль об индивидуальности возлюбленной, поэт подчеркивает исключительную литературоцентричность ее сознания и жизни. Образ героини создается с помощью указания на ее литературные пристрастия. Почти в каждом стихотворении есть упоминание о каком-либо произведении или авторе, которые интересуют героиню и тем самым характеризуют ее как натуру тонкую, образованную, изысканную: «Ты вспомнила строфы священные Блоковы», «Ты в Ахматовой ценишь бессменную боль, стилистический шарм в Гумилеве», «Вместилась в грудь строфа из Мицкевича», «Ты чутко читала Сергея Волконского».

Указывая на особое отношение героини к Лескову («Никаким модернистом ты Лескова не свалишь и к нему не посмеешь подойти свысока, Достоевскому равный, он — прозванный гений, очарованный странник катакомб языка!», поэт маркирует особенно важную для него черту: «русскость» ее души. «Книга! — вот призвание твое!» — восклицает поэт, видя в этом истоки своего спасения: его, изгнанника, она отметила как поэта и спасла, вернув поэта русской культуре.

Эйдология символа «книжного шкапа» определяется идеей Достоевского о воздействии литературы на формирование характера и сознания человека. Оно, по мнению писателя, может быть двойственным. С одной стороны, искусству Достоевский отводит огромную роль в формировании «национальной идеи» и «русской национальной личности». С другой, указывает на опасность сугубо «книжных» представлений о жизни и человеке, которыми руководствуются люди.

Не менее «достоевским» является в русской литературе начала XX века эйдологический символ стены. В романе «Идиот» «стена Мейерова дома» сопровождает мучительные метания Ипполита, становясь страшной, непреодолимой, преградой, преграждающей ему путь к жизни. Структура и форма стены сами по себе предрасполагают к символизации: непроницаемость, высота, непреодолимость. Эйдологический статус символа стены особенно поддерживается «петербургским текстом», ведь в Петербурге стена является основным пространственнообразующим элементом: дома, выстраивающиеся в непрерывную стену и стены, складывающиеся в дворы-колодцы — один из главных символических пространственных локусов романов Достоевского, перешедший в литературу XX века, — давят на человека своей непреодолимостью. Бунтует против «непробиваемых стен» герой «Моих записок» Л. Андреева, «гений страдания», осознавший свое бессилие в столкновении со стеной бюрократического мира и стеной человеческого равнодушия. Отделяет мир живой от мира мертвого стена в романе Е. Замятина «Мы».

Эйдологический символ «глухой стены» («стены невозможности»), стоящей поперек жизненного пути человека, впервые появляется в творчестве А. Платонова в статье «Красный труд» (1920), а как предрассудок, затемняющий истину, содержится в статье «Обучение управлению» (1920). Особую роль эйдологический символ стены играет в «Котловане». Типологически близкий к подпольному парадоксалисту Достоевского, инженер Прушевский задает себе тот же вопрос: «Зачем так страдать и мучиться от этих вопросов?» Осознанию истины мешает непреодолимая стена, которая нависает над героем как обещание неминуемой гибели. Но если подпольный парадоксалист Достоевского отрицал, что наука может сосчитать, сколько будет дважды два, то Прушевский «успокаивается, что вся насущная наука расположена еще до стены его сознания», а за стеной находится лишь «скупое», или «пустое» пространство, куда «можно не стремиться». Стена как эйдологический символ позиционирует идею уединения, идею разлада, преграды между человеком и миром, и преодолеть эту стену невозможно до тех пор, пока человек не осознает, что он «и вселенная — одно», пока не поймет себя, и только тогда «Все стены падут перед ним, и он наконец воскреснет, ибо настоящей жизни еще нет» [5. 181].

Кроме опосредованного воплощения в символе, идеи в произведениях Достоевского предстают в неких материальных или мифологических эманациях, что позволяет писателю представить «живой образ» идеи. Такой материальной эманацией ложной идеи является в романе «Преступление и наказание» образ «трихин» — существ микроскопических, вселявшихся в тела людей, существ, «одаренных умом и волей». Поражая сознание и души людей, лишая их способности понимать друг друга, идеи-трихины приводят человечество к гибели, к страшной «моровой язве». Сон-греза Раскольникова о трихинах становится в романе воплощением идеи наказания, вынесенной в название романа. Наказанием за забвение божественного инстинкта сердца, за стремление определить общую пользу, опираясь на выдуманные гордым и помраченным рассудком теории, за уверенность в том, что ради воплощения чьей-то «спасительной идеи» можно пожертвовать человеческой жизнью, за забвение законов совести и милосердия. Не случайно именно сон Раскольникова

стал источником образности произведений, посвященных изображению событий русской революции и гражданской войны.

Одной из самых загадочных и ярких эманаций ложной идеи является черт, который «ташил» Раскольникова и о котором Иван Карамазов говорил: «Ты воплощение меня самого, только одной, впрочем, моей стороны... моих мыслей и чувств, только самых гадких и глупых» [3. т. 15. 72]. Русская литература XX века в полной мере унаследовала прием эманации идеи в образах дьявола, беса, черта и других, созданных фантазией художника, но напрямую связанных с дьявольской сущностью «представителей» «нижней бездны» как наиболее адекватный для воплощения губительных, ложных идей.

Так, в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» передононская «недотыкомка» — это «маленький бесенок» Ставрогина и Ивана Карамазова, олицетворяющий «темную силу» жизни и смерти, олицетворяющей большую совесть героев. Неясно, существует ли черт Ставрогина и недотыкомка Передонова на самом деле или является лишь порождением больного сознания героя. Недотыкомка является Передонову таким же многоликим, злобным и насмешливым существом, каким Ставрогину является черт. Она — исчерпывающая сущность характера героя, заключающейся, как и у Ставрогина, в «праздной силе, ушедшей нарочито в мерзость» [3. т. 11. 25]. Как писал А. Блок, «это — и существо и нет, если можно так выразиться — “ни два, ни полтора”»; если угодно — это ужас житейской пошлости и обыденщины, а если угодно — угрожающий знак страха, уныния, отчаянья, бессилия» [1. 162].

Недотыкомка серая

Передо мною всё вьется да вертится...

Истомила коварной улыбкою,

Истомила присядкою зыбкою...

Вплетенная, как и ставрогинский черт, в череду фантасмагорических событий — заговоров, подмен, видений, бреда, — она обретает вполне реальные черты, становясь эйдологическим символом абсурда и беспорядка, уныния и отчаяния.

Навязчивый образ княгини из расстроенного сознания героя «Мелкого беса» Передонова смыкается с колдовскими, inferнальными силами, преследующими самоубийц Свидригайлова, Кириллова, Ставрогина, и так же, как в случае с этими героями, желание Передонова освободиться от их воздействия, ведет его к самоуничтожению — в безумии, родственном горячке Ивана Карамазова.

Маска красной смерти в романе А. Белого «Петербург» — того же inferнального, дьявольского происхождения. В том же образном ряду располагаются бредовые видения Дудкина, которому мерещатся какие-то «черные очертания», гонящиеся за ним по «черной, теневой, сырой» лестнице, и некий «персидский подданный Шишиарфна», демонический антураж фигуры которого не вызывает сомнений. Дудкин не может понять, что это за явление — то ли реальность, то ли следствие напряженной «мозговой игры». «Печальный и длинный» незримо присутствует рядом с ним, как «неведомый друг» встречается с Дудкиным на Васильевском острове, обращая «на него невыразимый всевидящий взор».

Рисуя в романе «Часы» подпольное сознание мятущегося и опустошенного жизненными невзгодами интеллигента Николая, А.М. Ремизов показывает ложность его жизненных и умственных устремлений в образе восставшей из гроба обезьяны, которая является герою во сне вместо ожидаемого человечеством Спасителя. Памятуя о том, что черт — обезьяна Бога, становится ясно, что приснившаяся герою обезьяна — travestированный образ Мессии. Колю Ключкова лишает рассудка навязчивая мессианская идея освобождения людей от дьявольской власти времени и часов: «И он убьет время — проклятое! — убьет его с его часами и освободит себя, всю землю и весь мир» [6. 276-277]. Отмеченная критикой «бредовость» и «темнота» созданных Ремизовым образов еще более подчеркивают их inferнальную эмблематичность.

Заявленная Достоевским бесовская, дьявольская природа разрушительных революционных идей представлена в русской литературе XX века, обратившейся к осмыслению событий революции и гражданской войны.

Одержимых этими идеями людей русские писатели вслед за Достоевским ассоциируют с бесами, дьяволом, сатаной, чертями. Так, И.А. Бунин пишет о «сатанинской силе» большевиков, сумевших «перешагнуть все пределы, все границы дозволенного, сделать всякое изумление, всякий возмущенный крик наивным, дурацким». Что-то «нечеловеческое» видел писатель в их неиссякаемой разрушительной энергии: «Люди совсем недаром тысячи лет верят в дьявола. Дьявол, нечто дьявольское несомненно есть» [2. 106].

Бесы XX века явлены и в романе А. Белого «Петербург» в образах провокатора Липпанченко и его подручного сыщика Морковина, «бесовщиной» заражены отец и сын Аблеуховы, беснуется революционер-подпольщик Дудкин по прозвищу «Неуловимый». В облике Липпанченко, внушающем моральное и физическое отвращение, лишь таятся «какие-то следы человеческой природы»

Неминуемость столкновения Руси Святой и России обезьяньей, то есть дьявольской воплощается в символической картине из повести А.М. Ремизова «Крестовые сестры», когда Маракулин видит своего друга купца Плотникова в комнате, на одной стене которой — картина Нестерова, а на другой — клетка с обезьянами.

Таким образом, в творчестве художников начала XX столетия можно обнаружить практически все основные эйдологические символы творчества Достоевского. Осмысленные в контексте новаторских творческих исканий, связанные с осмыслением новых путей искусства и истории России, эти образы стали доминантными в художественном сознании эпохи и во многом определили образную систему литературы XX столетия.

Список литературы

1. Блок А. Творчество Федора Сологуба // Блок А. Собрание сочинений: В 8 тт. – Т. 5. – М.; Л.: Художественная литература, 1963. С. 162.
2. Бунин И.А. Окаянные дни / Сост. А.В. Кочетов; Вступит. Ст. О.Н. Михайлова. – М., 1991.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 тт. – Л.: Наука, 1972-1990.
4. Мандельштам О.Э. Собрание сочинений: В 4 тт. – Т.2. – М., 1991.
5. Платонов А. О любви // Платонов А. Чутье правды. – М., 1990.
6. Ремизов А.М. Часы // Ремизов А.М. Неуемный бубен: Роман, повести, рассказы, сказки, воспоминания. – Кишинев, 1988. С. 276-277.

10.01.10– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

10.01.10

²С.Г. Аксенов д-р экон. наук, ¹А.У. Киньябулатов канд. мед. наук, ¹А.Д. Лифанова,
¹Р.Н. Зигитбаев, ¹С.А. Батанин, ¹А.Ф. Мухлисов, ¹Ф.Х. Усманова,
¹Нгуен Тхань Нга, ¹Конг Тхи Хоа

¹Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии,
кафедра общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
²Уфимский государственный авиационный технический университет,
Уфа, azatur3@yandex.ru

**ЗНАЧЕНИЕ ВНУТРИВУЗОВСКОЙ ГАЗЕТЫ
ДЛЯ ПОДГОТОВКИ МОЛОДЫХ ЖУРНАЛИСТОВ**

В каждом вузе России выпускается внутривузовская газета, которая при определенной направленности может стать первой ступенью в журналистике для студентов. В Башкирском государственном медицинском университете созданы хорошие условия для подготовки будущих членов Союза журналистов Республики Башкортостан, где первый этап — публикации статьи во внутривузовской газете.

Ключевые слова: *внутривузовская газета, журналистика, Союз журналистов, статья, интервью.*

В 1967-м зрители назвали драму Сергея Аполлинариевича Герасимова «Журналист» лучшим фильмом года. По словам Герасимова, это «история молодого журналиста, который, проходя жизненные университеты, из скороспелого всезнайки становится человеком своего времени». После выхода на экраны фильма «Журналист» многие молодые люди мечтали стать журналистами. Сюжет достаточно непритязателен, в основе которого умение провести интервью с собеседником.

Первый номер газеты «МЕДИК» вышел в свет в сентябре 1968 года, в тот период были заложены традиции медицинской журналистики. Инициатором создания газеты «МЕДИК» был ректор Башкирского государственного медицинского института им.15-летия ВЛКСМ профессор Зайнулла Аминевич Ихсанов. Первым редактором газеты «МЕДИК» была Светлана Алексеевна Панасенко. Газета выходила на 4 полосах черно-белой печати ежемесячно тиражом 999 экземпляров, распространялась в БГМИ. В газете были следующие рубрики: О лучших преподавателях, Равняйся на них – об отличниках учебы, пульс БГМИ, Коллективный портрет кафедры, О студенческих строительных отрядах, МНО кузница ученых и др. Долгое время внутривузовскую газету курировал и редактировал доцент Талгат Миньязович Салихов. Многие преподаватели сделали свои первые заметки на страницах газеты «МЕДИК». С 2001 по 2005 год главным редактором газеты «МЕДИК» был профессор Олег Владимирович Галимов. В 1994-2000, 2005-2007 годах газета не издавалась. С 2008 года по настоящее время шеф-редактор газеты «МЕДИК» - член союза журналистов РФ и РБ, доцент Азамат Салаватович Рахимкулов [1, 2, 3].

В настоящее время газета «МЕДИК» выходит ежемесячно на 4 или 8 полосах цветной печати тиражом 999 экземпляров, распространяется бесплатно в БГМУ и ЛПУ города Уфы, где расположены клинические кафедры медицинского университета. В газете имеются рубрики: Факультеты БГМУ, Клиника БГМУ, Подразделения БГМУ, История университета, Научная и Культурная жизнь БГМУ, Юмор и другие.

Отделение журналистики всегда было одним из самых популярных в БГМИ-БГМУ. На отделении журналистики студенты не только изучают литературные жанры, но и успешно применяют их на практике. Газета «Медик» БГМУ часто публикует работы слушателей отделения журналистики ОКМР БГМУ. Слушатели отделения журналистики ОКМР БГМУ в мае 2014 года приняли участие в Республиканском межвузовском проекте по расширению информационного пространства студенческих СМИ «InfoОхота». В число победителей вошли А. Садыков, Е. Некрасова, А. Насретдинова. Слушатели отделения журналистики ОКМР БГМУ участвовали во Всероссийском конкурсе студенческих изданий и молодых журналистов "Хрустальная стрела" в 2013 и 2015 годах. С 27 марта по 1 апреля 2017 года в городе Рязани состоялся XII Всероссийский фестиваль искусств студентов-медиков и медицинских работников, посвященный году Экологии в России и XIX Всемирному фестивалю молодежи и студентов в городе Сочи. В 2017 году участие принимали 24 высших учебных заведения, 7 учреждений среднего профессионального образования, 10 организаций практического здравоохранения, 27 регионов России, 30 городов-участников, 1 зарубежный вуз (Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет, республика Беларусь). Фестиваль признан одним из самых масштабных за всю историю его проведения. Студенты и медицинские работники соревновались в 10 творческих направлениях, всего было более 30 номинаций [4].

В рамках проведения XII Всероссийского Фестиваля искусств студентов-медиков и медицинских работников был конкурс среди изданий в направлении «Журналистика, раздел СМИ». По итогам Фестиваля газета «Медик» БГМУ удостоилась I места в направлении «Журналистика, раздел СМИ». Шеф-редактор газеты «Медик», руководитель отделения журналистики ОКМР, доцент кафедры общественного здоровья и организации здравоохранения ИДПО БГМУ А.С. Рахимкулов завоевал «Золотое перо Фестиваля - 2017» в номинации «Журналистика, авторские работы» - среди руководителей пресс-центров и редакторов студенческих газет. Слушатели отделения журналистики ОКМР, общественные корреспонденты газеты «Медик» - студентка лечебного факультета Гульназ Хабибуллина и студентка педиатрического факультета Эльвина Нурмухаметова завоевали «Серебряное перо Фестиваля - 2017» в номинации «Журналистика, авторские работы» - среди студентов-медиков.

С 9 по 12 апреля 2018 года в городе Ярославле во Дворце культуры им. А.М. Добрынина состоялся XIII Всероссийский фестиваль искусств студентов-медиков и медицинских работников, посвященный Году добровольца (волонтера). Конкурсное жюри в составе журналистов РФ: главного редактора «Медицинской газеты» Андрея Васильевича Полторака, члена редколлегии «Медицинской газеты» Владимира Владимировича Королева и заведующего отделом фотоиллюстраций «Медицинской газеты» Александра Анатольевича Худасова, присудило дипломы в номинациях «Журналистика» и «Видеоконкурс» творческим коллективам из нескольких вузов. Дипломом III степени в номинации «Журналистика. Регулярное печатное издание» награжден коллектив редакции газеты «Медик» Башкирского ГМУ (главный редактор Азамат Салаватович Рахимкулов), дипломом III степени в номинации «Журналистика» награждена общественный корреспондент газеты «Медик» Башкирского ГМУ Лариса Сергеевна Корнейчук. Специальным призом «Медицинской газеты» награжден А.С. Рахимкулов, шеф-редактор газеты «Медик» Башкирского ГМУ, обладатель «Золотого пера» среди журналистов, участников конкурса в номинации «Регулярное печатное издание» XII Всероссийского фестиваля студентов-медиков и медицинских работников (с международным участием) в Рязани в 2017 году. Специальным призом «Медицинской газеты» награждена Г. Хабибуллина (БГМУ) - общественный корреспондент газеты «Медик», обладатель приза «Серебряное перо» за активное участие в развитии студенческой печати в 2016-2017 учебном году. Специальным призом «Медицинской газеты» награждена Эльвина Нурмухаметова (Башкирский ГМУ) - общественный корреспондент газеты «Медик», обладатель приза «Серебряное перо» за активное участие в развитии студенческой в 2016-2017 учебном году [4, 5]. В 2018 году

слушатели отделения журналистики ОКМР БГМУ Г. Хабибуллина, О. Султанов, Е. Чернова приняли участие в Республиканском фестивале Студенческая весна в номинации «Публикация. Индивидуальная работа в направлении «Журналистика». Участвовали БашГУ, БГПУ, БГАУ, БГМУ - всего 12 участников, в финал прошли 8 участников. В 2019 году регулярные авторы внутривузовской газеты приняты в члены Союза журналистов Республики Башкортостан.

Выводы: 1) Внутривузовская газета является первым этапом для студентов и преподавателей для становления журналиста (от первых публикаций до ведения собственной рубрики и выпуска специальных номеров).

2) Союз журналистов Республики Башкортостан создает все предпосылки для поддержания деятельности издательств внутривузовских газет и рассматривает образовательные организации как школу для подготовки будущих журналистов в разных сферах производства и культуры республики.

Список литературы

1. Вклад врачей-членов Союза журналистов СССР, России и Республики Башкортостан в историю медицины / А.У. Киньябулатов, Р.З. Зиятдинов, Н.Х. Шарафутдинова, А.З. Фаюршин, Г.Р. Ахмадиева, И.И. Салемгареев // Казанская Наука. Казань, 2014, №7. – С.22-24.
2. Киньябулатов А.У., Хакимова Г.Р., Хабибуллина Э.Н., Сахибгареева А.Р., Сайтумирова Л.Р. Социология медицины — исследования в Башкирском государственном медицинском университете. Казанский социально-гуманитарный вестник. 2018, №1. – С.15-20.
3. Литературный кружок при Башгосмединституте / А.А. Киньябулатова, А.У. Киньябулатов, А.С. Рахимкулов // Материалы Респ. конференции молодых учёных РБ «Медицинская наука - 2007», посвященной Году Единства Башкортостана с Россией, 75-летию БГМУ, Дню мед. работника — Уфа, БГМУ, 2007. - С.110-111.
4. Роль Министерства молодёжной политики и спорта Республики Башкортостан в формировании здорового образа жизни / А.З. Фаюршин А.И. Иванюта, А.У. Киньябулатов, Н.Х. Шарафутдинова, М.Ю. Павлова, Р.З. Зиятдинов, А.М. Ярмухаметова, Г.Р. Ахмадиева // Бюл. Национального НИИ общественного здоровья. – 2013. – Выпуск 1. – С. 203-205.
5. Программа «Формирование здорового образа жизни у населения республики Башкортостан» / А.У. Киньябулатов, Н.Х. Шарафутдинова, М.Ю. Павлова, Р.З. Зиятдинов, А.З. Фаюршин, А.М. Ярмухаметова, Г.Р. Ахмадинва // Бюл. Национального НИИ общественного здоровья. – 2013. – Выпуск 1. – С. 203-205.

10.01.10

Р.З. Дарзаманова канд. филол. наук

Казанский национальный исследовательский технологический университет («КНИТУ»),
факультет социотехнических систем,
кафедра ИЯПК (иностранных языков в профессиональной коммуникации),
Казань, rezedad@inbox.ru

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛИЗМ ХУГО ЛЁЧЕРА
КАК СИНТЕЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО
В ШВЕЙЦАРСКОЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
НА СТЫКЕ XX И XXI ВЕКОВ**

В данной статье проведён комплексный анализ публицистических и художественно-публицистических трудов Х. Лёчера с целью выявить синтез документального и художественного как одну из основных доминант в творчестве автора. Установлено, что в творчестве Х. Лёчера наблюдается эволюция от ярко выраженной информационной аналитической публицистики к синтезу литературы и журналистики, к художественно-публицистическим жанрам.

Ключевые слова: *швейцарская немецкоязычная журналистика, швейцарская немецкоязычная литература, синтез документального и художественного, жанровый плюрализм.*

Предметом исследования в данной статье является публицистическое творчество Х. Лёчера за весь период творческой деятельности (1960 – 2009 гг.). Материалом исследования явились эссе, репортажи, «условно романы» Х. Лёчера: критический репортаж «Zehn Jahre Fidel Castro. Reportage und Analyse» (10 лет с Фиделем Кастро) (1969), «Ach, Herr Salazar» (Ах, господин Салазар) (1971), «Der Immune» (Неуязвимый) (1975), сборник критических эссе «Die Entdeckung der Schweiz und anders» (Открытие Швейцарии и другое) (1976), «Wunderwelt. Eine brasilianische Begegnung» (Мир чудес. Встреча в Бразилии) (1979), эссе с португальской тематикой «Zur Radiographie der portugiesischen Seele» (О радиографии португальской души) (1979), «Herbst in der grossen Orange» (Осень в большом Апельсине) (1982), сборник эссе «How many languages does man need?» (Сколько языков нам необходимо?) (1982), «Portugal – Geschichte am Rande Europas» (Португалия – история на окраине Европы) (1983), «Brasilien. Die weissen Träume des schwarzen Mannes» (Бразилия. Белые мечты чёрного человека) (1984), сборник эссе с бразильской тематикой «Brasilien. Entdeckung und Selbstentdeckung» (1984), «Die Papiere des Immunen» (Документы Неуязвимого) (1986), сборник критических эссе о Швейцарии «Der Waschküchenschlüssel und andere Helvetica oder Was wenn Gott Schweizer wäre?» (Ключ от прачечной или что, если бы Бог был швейцарцем) (1998), сборник эссе «Vom Erzählen erzählen. Münchner Poetikvorlesungen» (Как пишет автор. Мюнхенские поэтические чтения) (1999), «Die Augen des Mandarin» (Глаза Мандарина) (1999), «Für den Tag schreiben. Journalismus und Literatur im Zeitungsland Schweiz. Eine Anthologie» (Писать на злобу дня. Журналистика и литература в «газетной стране» Швейцария) (1999), сборник репортажей «Durchs Bild zur Wort kommen. Reportagen und Aufsätze zur Fotografie» (Высказываться при помощи изображения. Репортажи и заметки о фотографии) (2001), «Lesen statt klettern. Aufsätze zur literarischen Schweiz» (Читать вместо того, чтобы карабкаться – эссе о литературной Швейцарии) (2003).

«Швейцарская проблематика» являлась ключевой для публицистики Х. Лёчера на начальном этапе его творчества. В эссе "Ключ от прачечной" автор критически оценивает изолированное, с его точки зрения, положение страны, продиктованное принципом невмешательства, нейтралитета; называет этот нейтралитет попыткой швейцарского

общества убежать от проблем, диктуемых современностью, а представления о «гельветической исключительности» (вере швейцарцев в тот факт, что они живут в особенном государстве с особенными условиями) объясняет нежеланием решать внутренние проблемы страны, принимать активное участие в политической жизни своего государства. Мишенью критики Х. Лёчера становится швейцарская демократия, работа швейцарских СМИ, отсутствие социальной ангажированности своих сограждан. В эссе "Открытие Швейцарии" мы также видим социальную критику, но не только швейцарских реалий, но и анализ современного общества в целом: это и бесконечное потребление, урон экологии, погоня за материальными благами в ущерб окружающей среде. Для публицистики Х. Лёчера в целом (в начале 60-х, а также в первой половине 80-х гг.) характерен аналитический, информационный, поучительный тон. Это объясняется тем, что культурно-политическая ситуация в стране побуждала Х. Лёчера прямо обращаться к актуальным проблемам современности, а особенно, к внутренним проблемам страны. Х. Лёчер также обращается к международной политике, вопросам диктатуры, политическим режимам (как в Европе, так и в особенно в любимой и часто посещаемой им Латинской Америке). Это эссе «10 лет с Фиделем Кастро» (1969), «Ах, господин Салазар» (1971), «Португалия» – история на окраине Европы (1983).

Наряду с этим в 70-е гг. начинает наблюдаться тяготение автора к синтезу журналистики и литературы. Упомянутое выше эссе «Открытие Швейцарии» является одним из первых художественно-публицистических текстов Х. Лёчера, представляющим собой сплав острой социальной критики и авторской фантазии, художественно-образного преобразования действительности [1, с. 35-41]. В произведениях Х. Лёчера «Неуязвимый», «Мир чудес. Встреча в Бразилии», «Осень в большом апельсине», «Глаза Мандарина» мы можем наблюдать соединение разнообразных жанров: с одной стороны, они имеют характер художественной литературы, с другой – это репортажи, эссе, дневники, путевые очерки, заметки, хроники, краеведческая публицистика, интервью, журналистские расследования, написанные и изданные в разное время и имеющие чёткие признаки одного жанра; так называемые главы не имеют никаких связей между собой. Объединённые определённой тематикой, задаваемой автором, они образуют пример межжанрового синтеза в рамках одного произведения. Именно фактор условности, обозначенный в этом определении, привлекает читателя. В то же самое время, некоторые произведения можно обозначить, как цикл репортажей («Осень в Большом Апельсине») или путевых очерков («Мир чудес») [2, с. 83-84].

Серьёзную документальную основу имеет вся «литературная журналистика» или же «условно романы» автора. В «Осени в Большом Апельсине» указана точная планировка города, описано расположение магазинов, парков, жилых домов. В «Неуязвимом» мы также встречаем географию Цюриха, его окрестностей, читатель имеет возможность окунуться в процесс работы швейцарских СМИ, газеты «Вельтвохе» и телевидения; для латиноамериканских глав использованы путевые заметки, сделанные самостоятельно, результаты наблюдений, проводимых самим Х. Лёчером во время своих длительных командировок. Написание «Мира чудес» стало результатом путешествия Х. Лёчера в Бразилию для создания фоторепортажа, предпринятого вместе с фотографом Вилли Шпиллером в 1974 г., и имеет за собой богатое документально досье [2, с. 84].

Обращение к реальности означает для Х. Лёчера авторскую конверсию окружающего мира. При помощи домысливания Х. Лёчер создаёт новые модели – своё открытие Швейцарии (идея родилась благодаря действительно заданному вопросу), не прожитую, а выдуманную им жизнь Фатимы из «Мира чудес» – бразильской девочки, умершей в трехлетнем возрасте, в которую вплелась колонизаторская история её страны, сомнительное экономическое чудо, традиции её народа. Х. Лёчер старался создать яркий художественный образ для привлечения внимания читателя к серьёзным социальным проблемам [2, с. 84].

Вопросу пограничного характера творчества Х. Лёчера посвящён целый ряд критических работ зарубежных исследователей, среди которых хочется выделить нескольких учёных.

Мысль, что Х. Лёчеру принадлежит путь одного из первопроходцев в идее объединения журналистики и литературы в одно целое в Европе второй половины XX в., разрабатывали Ю. Альтвегг, Р. Мюллер–Фаргуэлл, Р. Сабалиус, М. Майер, М. Мантовани.

Эти исследователи сходятся во мнении, что Х. Лёчер относится к тем авторам, которые внесли значительный вклад в преодоление пропасти между журналистикой и художественной литературой в своей стране. Стремление Х. Лёчера к синтезу художественности и политической ангажированности, с которым в «немецкоязычном пространстве наблюдались серьёзные проблемы» [5, с.123], было непривычным для швейцарской, европейской мысли в середине XX в. М. Майер относит Х. Лёчера к представителям так называемого «Нового журнализма» [3, с. 146], Р. Мюллер-Фаргуэлл – «литературного журнализма» [4, с. 160].

Х. Лёчер стремился в своём творчестве к достоверности, объективности, документальному подтверждению своих текстов. Таким образом, Х. Лёчер выполняет главные задачи журналиста: быть объективным, достоверным, писать об актуальных темах. Но при этом обращение к реальности означает для Х. Лёчера авторскую конверсию окружающего мира. При помощи домисливания Х. Лёчер создаёт новые модели мира, привлекающие внимание к проблемам современности. В своих последних произведениях, где местом действия становится не только родина автора Швейцария («Открытие Швейцарии», «Ключ от прачечной»), не только отдельно взятое иностранное государство («Мир чудес. Встреча в Бразилии»), а весь мир («Глаза Мандарина»), Х. Лёчер призывает своего читателя быть ответственным гражданином своей страны и человеком с активной гражданской позицией по отношению к миру, в котором мы живём.

Таким образом, для публицистики швейцарского автора Х. Лёчера характерны жанровое разнообразие, идейная неоднозначность и множество трактовок реальной действительности, которым всегда сопутствует критический аспект. Х. Лёчер сыграл значительную роль в преодолении европейским сознанием пропасти между журналистикой и литературой, существовавшей во второй половине XX в. Публицистика Х. Лёчера обнаруживает эволюцию от ярко выраженной аналитической, информационной, носящей поучительный характер к синтезу литературы и журналистики, к художественно-публицистическим жанрам. Для художественной публицистики Х. Лёчера последних десятилетий творчества (конец XX - начало XXI века) характерны видоизменение, реконструкция реальности, опосредование её через эмоциональное восприятие авторским «Я», свободная трактовка фактов, фикциональность, что характерно для литературно-художественного, образного отражения действительности.

Список литературы

1. Дарзаманова Р.З. Многополярный образ мира в публицистике Хуго Лёчера: Диссертация кандидата филологических наук: Казанский государственный университет, Казань, 2010.- 182 с.
2. Дарзаманова Р.З. Многополярный образ мира в публицистических и литературных произведениях Хуго Лёчера: монография [текст] / Р.З. Дарзаманова. – Казань: КНИТУ, 2016 – 194 с.
3. Meier, Marco. La réalité surprasse la fiction: Jurg Fedespiel, Hugo Loetscher und Niklaus Meienberg als Schweizer Vertreter des „New Journalism“ / M. Marco // Biederland und die Brandstifter. Hrsg. von Martin Durrer und Barbara Lukesch. – Zürich: Diogenes, 1988. –S. 146.
4. Müller Farguell, Roger W. Literarischer Journalismus: Hugo Loetscher und Niklaus Meienberg / R. Müller Farguell // Text + Kritik Sonderband IX/98, hrsg. von Ludwig Arnold. – S. 157 – 169.
5. Sabalius, Romey. Eine postkoloniale Perspektive – Brasilien als Beispiel / R. Sabalius // In alle Richtungen gehen. Reden und Aufsätze über Hugo Loetscher., hrsg. von Jeroen Dewulf. – Zürich.: Diogenes, 2005, S. 122 – 137.

10.01.10

М.С. Штейман канд. филол. наук

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
кафедра философии, социальных наук и журналистики,
Елец, shteiman.marina@mail.ru

АГРЕССИВНЫЙ КОМПОНЕНТ НА СОВРЕМЕННОМ ТВ (РЕДАКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ТЕЛЕКОМПАНИЙ)

В статье рассматривается тенденция увеличения агрессивных элементов в контенте современных телепередач. Затрагивается вопрос специфики интерпретации сотрудниками редакций региональных СМИ транслируемой в эфире информации. Подчеркивается, что осмысление механизмов деструктивного воздействия журналистских материалов необходимо для освобождения медиaprостранства от враждебности и непонимания.

Ключевые слова: *агрессия, СМИ, аудитория, коммуникация, телеэкран, журналистика.*

Сегодня в современных средствах массовой информации агрессивный компонент все более очевиден, и формы проявления агрессии в журналистских материалах становятся весьма разнообразными. Отметим, что агрессия имеет многообразное знаковое воплощение в различных сферах жизни общества, в том числе в области научного знания. Как отмечает Ю.М. Лотман, современная теория знаковых систем обладает хорошо разработанной концепцией коммуникации, позволяющей наметить общие черты художественного общения [47, с. 20]. По мнению ученого, всякий коммуникативный акт включает в себя отправителя и получателя информации. Если данное утверждение проецировать на ТВ, то отправителем информации выступает журналист, а ее получателем - телезритель. Нарушение коммуникативных постулатов в материалах СМИ, специализирующихся на подмене информирования управлением, скорее всего, является не следствием каких-либо пробелов в социальной и коммуникативной компетентности, а, напротив, используется сознательно как эффективный прием. Возможность при отражении действительности формировать ее информационный образ в соответствии со своими наклонностями, планами и желаниями на каком-то этапе функционирования журналистики оказалась более важным фактором профессиональной деятельности, нежели декларируемый приоритет информационной функции СМИ. На сегодняшний день ценностная и смысловая переориентация масс-медиа - свершившийся факт. Иными словами, произошла смена базовой функции журналистики: функция информирования сменилась на управление, которому подлежат представления, взгляды, мнения, установки, ценностные ориентации, стереотипы сознания и в целом сознание и поведение аудитории. В результате современная информационная среда становится пространством непрекращающейся агрессии, направленной против реципиента (читателя/слушателя/зрителя), права и психологические границы которого постоянно нарушаются, но, как правило, он об этом, не подозревает.

Вследствие частичного отказа масс-медиа от исполнения функции информирования, общество и отдельные его члены, входящие в категорию «аудитория», получают двойной ущерб: во-первых, как объекты манипуляции; во-вторых, как субъекты, которых лишили возможности получать отражающую реальную действительность информацию.

Отказ от приоритета информирования, причем не декларируемый, а происходящий в режиме изменения правил игры одним из ее участников без извещения об этом других, является, по сути, нарушением общественного договора, определяющего роли и функции в процессе информационного взаимодействия. Иными словами, формирование сознания людей без их ведома - это нарушение границ личности и, соответственно, агрессия.

Вопросы агрессии на ТВ стали предметом научных изысканий и зарубежных, и отечественных исследователей, среди которых: А. Бандура, Л. Берковитц, Э. Маккоби, А. Сигал, С. Фешбах, А. Воробьева, О. Дроздова, Е. Змановской, Н. Матвеева, К. Тарасов, А. Федоров, И. Фурманов, Н. Черных, Т. Яковлева и др. При различных подходах изучения заявленной темы, ученые сходятся на том, что существует высокое совпадение между трансляцией сцен насилия на телеэкране и агрессивным поведением аудитории.

Обратимся к факторам, определяющим возрастание агрессивного компонента в телеэфире.

1. В настоящее время мы становимся свидетелями формирования в РФ свободного медиапространства. В результате, отдельные российские СМИ постепенно перешли на сторону негласного принципа рейтинговой журналистики, когда в центре внимания оказываются скандалы, сенсации, секс и т.д. Вместо того, чтобы противостоять цинизму и безнравственности, масс-медиа начали зарабатывать на рейтинговых программах, содержащих многочисленные сцены насилия и жестокости. На обвинения в некорректном отношении к той части аудитории, которая не приемлет подобный контент, редакторы каналов и передач парируют: «Спрос рождает предложение».

2. Как известно, с дезинтеграцией СССР прекратили функционировать мощные идеологические механизмы, ограждающие зрительскую аудиторию от негативной информации. Перегиб в пользу позитивной советской действительности, оберегающий реципиента от «плохих» новостей и скрывающий многие экономические, социально-политические и прочие проблемы того времени, заменял извечный конфликт «добра» и «зла» на противостояние «хорошего» с «очень хорошим». При этом, определенные слои общества и, прежде всего интеллигенция, были настроены весьма критически в отношении подобных «розовых очков».

3. К сожалению, следует констатировать, что современная аудитория в большинстве своем действительно интересуется непритязательным развлекательством, скандалами, убийствами и их подробностями. Подобная стимуляция основных животных инстинктов уже приносит свои «плоды»: как правило, жестокость порождает агрессивную реакцию.

4. В последние десятилетия особую популярность приобретает продукция массовой культуры и, прежде всего, американские фильмы, музыка, образ жизни и прочее. Безудержная пропаганда и культ западных «ценностей», в очередной раз, наводят на мысль о существовании пресловутых «Плана Даллеса» и других конспирологических теорий.

5. Сегодня вызывает опасение тенденция уподобления российского ТВ западным телеканалам. Создается впечатление, что воспитательную функцию СМИ многие телевизионные руководители игнорируют. И это наблюдается в стране, находящейся в мучительных поисках национальной идеи и самостоятельного пути развития.

Порицание человеческих пороков – мотив, которым зачастую прикрываются многие программы федеральных телеканалов. Но подобное осуждение весьма часто трансформируется в обсуждение и смакование этих пороков. Чрезмерно увлекаясь подобным процессом, тележурналисты забывают о том, что их передачи смотрят несовершеннолетние. И родители впоследствии вынуждены объяснять им многие термины, понятия, которые в подростковом возрасте знать вовсе необязательно. В данном случае пометка «возрастной ценз 16+» сродни индульгенции: сравнительно небольшие усилия гарантируют, хотя и сомнительную, но все же, очистку совести. Агрессия на телеэкране – это не только демонстрация кровавых сцен, жестокости и насилия. Не менее опасным выглядит стремление тележурналистов выставлять на всеобщее осмеяние людей с нестандартной или больной психикой. К сожалению, подобные нелепые примеры нередко встречаются в сюжетах российского ТВ.

На этом фоне выгодно отличаются выпуски региональных телекомпаний. Не подгоняемые оценками рейтинговых агентств, многие из них выполняют социальный заказ. Новости «малой родины», сюжеты о местных жителях, их достижениях, увлечениях и других сторонах жизни города/области формируют большую часть эфира. В качестве примера

остановимся на деятельности МБУ «ЕТРК», выпуски которой выходят в Ельце 12 часов в неделю на канале «Россия 24». Особенности редакционной политики телекомпании наглядно демонстрируют тезисы сюжетов, вышедших в мае 2019 года:

- 74-й годовщине Великой Победы школьники и студенты города посвятили легкоатлетическую эстафету. Забеги прошли на стадионе «Труд» (etrk.ru, 8.05);
- От сквера воинов-интернационалистов до Вечного огня: ко Дню Победы молодёжь Ельца провела традиционный массовый забег по дистанции памяти (etrk.ru, 8.05);
- В Ельце продолжается месячник по санитарной очистке города (etrk.ru, 17.05);
- Театр танца «Эльта» отметил очередной день рождения большим концертом (etrk.ru, 21.05);
- Быстрее, выше, сильнее: в ЕГУ им. И.А. Бунина прошёл день здоровья и спорта (etrk.ru, 22.05);
- Мастер-классы от профессионалов, дипломы, кубки и денежный грант: хореографический коллектив «Росинка» вновь отличился в престижном конкурсе (etrk.ru, 23.05).

Безусловно, и в провинции есть место всякого рода происшествиям, из которых при желании можно «раздуть» сенсацию/скандал, например, когда в результате ДТП разбился автомобиль из свадебного кортежа и погиб водитель. Сообщается в выпусках и о других несчастных случаях, произошедших в городе:

- ЧП со смертельным исходом. На улице Рабочей горел жилой дом, по предварительным данным, в результате взрыва (etrk.ru, 20.05);
- Вновь в ДТП пострадал ребёнок (etrk.ru, 20.05) [5]. Об этих чрезвычайных происшествиях ЕТРК сообщила, используя лишь фактический материал и комментарии сотрудников правоохранительных органов. В своей работе корреспонденты демонстрируют высокий уровень профессионализма, чувство ответственности перед аудиторией, прежде всего, родственниками, близкими погибших и пострадавших. Для провинциального журналиста важна оценка окружающих, которая непременно последует, тогда как журналист федерального канала во время подобных съёмок может быть на месте действия первый и последний раз.

Отметим еще одну черту, отличающую деятельность регионального ТВ от федерального – более взвешенная оценка событий. При этом, конечно, теряется острота материалов, что является одним из существенных недостатков в работе провинциальных телекомпаний. Но этот фактор делает их своеобразным «островком безопасности» для зрителей. Безусловно, авторам телесюжетов следует помнить о том, что любое неосторожное слово, тем более сенсационные догадки, скоропалительные выводы могут нанести человеку непоправимый моральный ущерб.

Следует подчеркнуть, что в деятельности регионального ТВ сегодня еще много пробелов. Уровень отдельных передач по многим параметрам уступает федеральным каналам. Сказывается недостаточность и профессионализма, и технической оснащенности, зачастую не хватает остроты затрагиваемых тем, оперативности, художественных элементов. При этом стимулом работы журналистов в провинции служит, прежде всего, социальный заказ, а не погоня за рейтингом. Как следствие, агрессивный компонент в выпусках региональных СМИ явление весьма редкое.

Сегодня ни одно масс-медиа не обходится без информации о катастрофах, разрушениях, гибели людей; драки, взрывы, зверские расправы, эксплуатация откровенного эротизма в телесериалах приводят к снижению смыслового и эмоционального восприятия демонстрируемого контента на ТВ или вовсе к его непониманию. В основе этого процесса лежит апелляция к чувству страха, когда человек ставит себя на место жертвы, тем самым оказываясь в категории жертвы потенциальной. Все это, безусловно, ведет к повышению негативного эмоционального фона в обществе, для которого характерно усиление чувства тревожности, волнения, страха, более того – явная враждебность и агрессия. Необходимо отметить, что уровень доверия телезрителей к сообщаемой журналистами информации с

каждым годом снижается. Безусловно, общество должно иметь достоверную информацию о происходящем в стране и мире. Но детализирование технологии совершения преступлений, смакование сцен насилия, жестокости недопустимо ни с этической, ни с эстетической точек зрения.

Список литературы

1. *Антонян Ю.М.* Теория человеческой агрессии: почему жестоки люди: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 312 с.
2. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
3. Муниципальное бюджетное учреждение «Елецкая телерадиокомпания»: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://etrk.ru>. (23.05.2019).
4. *Фурманов И.А.* Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция. СПб.: Речь, 2007. 479 с.
5. *Юревич А.В.* Психологическое состояние современного российского общества: новые оценки // Вопросы психологии. 2015. № 2. С. 32-45.

10.02.01 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

10.02.01

Л.К. Байрамова д-р филол. наук

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет,
Казань, luiziana08@mail.ru

**КОГНИТИВНАЯ ДЕФИНИЦИЯ И ТРАНСФЕР ЗНАНИЙ
В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ**

В статье исследуется структура когнитивной дефиниции концептов аксиологического словаря и определяются её новые структурные компоненты, наиболее полно трактующие концепт.

Методологической основой исследования является теории познания, а именно: достижение объективной истины.

Ключевые слова: *аксиологический, дефиниция, когнитивный, концепт, словарь, трансфер знаний, этимология.*

Анализ структуры когнитивной дефиниции концептов аксиологического словаря [1] открывает возможность определить её структурные компоненты, используя, трансфере знаний. В. З. Демьянков поясняет, что «Трансфер знаний – перенос ... мнений или теоретических достижений ... из одной сферы жизни человека в другую» [2, с.19]. Актуальность трансферизации знаний как активного интегративно-коммуникативного процесса подчеркивается В.И. Постоваловой [6, с. 49].

Когнитивная дефиниция концепта включает следующие виды информации.

1. Определение места концепта в системе аксиологии: конвенциональная ценность (*жизнь, здоровье, родина, счастье, труд, отдых, богатство, ум, правда, смех, рай*) / конвенциональная антиценность (*смерть, болезнь, чужбина, несчастье, безделье, бедность, глупость, ложь, плач, ад*).

В системе аксиологии связь концепта с конвенциональной ценностью / антиценностью подтверждается и некоторыми менторными выражениями типа: *Деньги потерял – ничего не потерял, время потерял – много потерял, здоровье потерял – всё потерял*. Как видно, поговорка раскрывает связь здоровья с конвенциональной витальной ценностью.

2. Дефиниция концепта указывает на связь его с определённой сферой науки, и, следовательно, необходимо использовать трансфер знаний.

Так, концепты *Здоровье – Болезнь* связаны с медицинской наукой. Поэтому, определяя их дефиницию, следует учесть информацию, например, в «Большой медицинской энциклопедии», в которой описаны медицинские характеристики здоровья: «Здоровье – состояние полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов» [12, с. 355]. По-видимому, нужно учитывать также информацию: *Здоровье* – «нормальное состояние правильно функционирующего, неповреждённого организма» [11, с.1089].

Концепты *Богатство – Бедность* связаны с экономической наукой. Однако, как справедливо утверждает Г. И. Романова, «Конфликт бедности / богатства имеет две стороны: материальную (имущество, богатство, деньги) и морально-нравственную (доброта и сочувствие, равнодушие и безжалостность)» [7, с. 59-60]. И потому налицо выступает связь этих концептов и с этикой. См.: «Сочувствие является важной формой гуманизма межличностных отношений ... Сочувствие требует большого внутреннего такта и культуры общения» [8, с. 331].

3. Дефиниция концепта раскрывает этимологию названия концепта.

Обращение к истории языка открывает интересные факты. Так, например, М. В. Иванова,

исследовав древнерусский текст «Жития Стефана Пермского», указала на 36 тысяч словоупотреблений [3].

Обратимся к этимологии слов-концептов.

Жизнь < *жить* – существовать как естественный организм [13, с. 304].

Смерть – общеслав.; с помощью приставки *съ-* в значении ‘хороший’ от *мърть* – ‘смерть’; букв. хорошая, естественная своя смерть [14, с. 417].

Здоровье. В. В. Колесов в работе «Мир человека в слове Древней Руси» раскрывает этимологию слова *здоровье*: «В древние времена слово *здоровье* не имело ещё привычного для нас значения, произносилось иначе – *съдо-ровъ* и значило ‘крепкий, как дерево’; употребление его по отношению к человеку было не более чем метафорой» [4, с. 94]. «*Съдо-ровъ* по происхождению связано с выражением *su-dorv-o*, что буквально значит: из хорошего дерева» [4, с. 211].

В. В. Мартынов добавляет ещё одно значение праслав. **-dorvъ*: ‘не только хорошее, но твёрдое дерево’; возможно, уже в позднем праславянском с конкретным значением ‘дуб’ [5, с. 104].

Болезнь – < *боль* – ‘больной’, родственного др.-исл. *bol* – ‘вред, несчастье’ [14, с. 52].

Родина – общеслав. Образовано с помощью суф. *-ин-* и *род* – ‘поколение, происхождение, семья’ [11, с. 391].

Чужбина – < *чужой* – принадлежащий другому (другим), являющийся собственностью другого (других); не свой; не родной; не связанный общими взглядами, совместной работой и т.п. [13, с. 395]. *Чужбина* – чужая сторона, земля [11, с. 1304]. *Чужбина* < *чуж-* + *-бин-* + *-а* [10, с. 382] или: *чуж-б-ин-а*.

Счастье – общеслав. Образовано с помощью приставки *съ-* в значении ‘хороший’. Буквально: ‘хорошая часть, доля’ [14, с. 433].

Несчастье – образовано с помощью приставки *не-* к слову *счастье*: ‘бедствие, горе, крайнее неблагополучие’ [11, с. 1304].

Труд – производительная деятельность человека, работа, требующая умственного и физического напряжения [11, с. 812]. Первоначально это слово означало: ‘тяжелая ноша’ [13, 2, с. 266].

Отдых – действие по глаголу *отдыхать* / *отдохнуть* [13, 2, с. 920].

Богатство – общеслав. Образовано от *богатый* посредством суффикса *-ств-* – ‘состояние, счастье, доля, участие’ [14, с. 50].

Бедность – общеслав. Образовано от *бедный* при помощи суффикса *-ость-* (*бедный* образовано от слова *беда*) [14, с. 38].

Ум – общеслав. Мыслительная способность, лежащая в основе сознательной, разумной деятельности [11, 4, с. 935]. Предположительно: «существительное *умъ* трактуется как суффиксальное, образованное от основы *у-* с помощью суффикса *-мъ-* [14, с. 464-465].

Глупость – общеслав. Образовано от *глупый* при помощи суффикса *-ость-* (*глупый* образовано от основы *глу-* и суффикса *-нь*) [14, с. 38].

Правда – общеслав. Образовано с помощью суф. *-ьда* (совр. *-да*) от *правъи* – ‘истинный’ [14, с. 360].

Ложь – общеслав. Образовано от *лъгати*. [14, с. 244].

Смех – общеслав. Образовано с помощью суффикса *-хъ* от того корня, что и *смеяться* [14, с. 417].

Плач – общеслав. Образовано с помощью суффикса *-j-* от основы *плакать*. Первоначальное значение слова: ‘бить себя в грудь’ [14, с. 343].

Рай – вероятно, общеславянское заимствование из индоиран. языка: авест. *ray* – богатство, счастье [14, с. 382].

Ад – заимствовано из греч. *hades* – ‘ад, преисподняя’ (посредством старославянского) [14, с. 24].

4. Фольклорно-афористическое (народно-индивидуальное) представление о содержании концепта складывается на основе анализа идей пословиц, поговорок, афоризмов, которые

выражают «морально-нравственные установки народной мудрости» [9, с. 781].

Жизнь: *Жизнь прожить – не поле перейти. Где просто – там живут лет до ста. Пешком ходить – долго жить. Жизнь есть небес мгновенный дар* (Г. Р. Державин).

Смерть: *Один раз мать родила, один раз и умереть. Смерть – не свой брат: разговаривать не станет. Смерть без покаяния – собачья смерть. Смерть есть великая тайна, такая же глубокая тайна, как и рождение* (Н. А. Бердяев).

Здоровье: *Деньги – медь, одежда – тлен, а здоровье – всего дороже. Здоровью цены нет. Здоровым быть – горе забыть. Здоровье – первое богатство / счастье, а второе – счастливое супружество. Здоровье – важнейший элемент счастья.*

Болезнь: *Без болезни и здоровью не рад. В здоровом теле здоровый дух. (*Калька < лат. Mens sana in corpore sano. – Ювенал.) Хорошее настроение – половина здоровья. Добрый человек здоровее злого.*

Родина: *В гостях хорошо, а дома лучше. В своём доме и стены помогают. Где родился – там и пригодился. Одна у человека мать – одна и родина. Родина – мать, умей за неё постоять. И дым отечества нам сладок и приятен* (А. С. Грибоедов). *Если жена тебе изменила, то радуйся, что она изменила тебе, а не отечеству* (А. П. Чехов).

Чужбина: *На чужой стороне – что в дремучем лесу. Чужая сторона – мачеха. Чужбина не по шерсти гладит. И ворона по своей родине всю жизнь каркает. На чужбине родная земля во сне снится. В чужбине свято наблюдаю родной обычай старины* (Пушкин).

Счастье: *Не родись красивый, а родись счастливый. Счастье – вольная птичка: где захотела, там и села. Счастливый и в огне не сгорит, и в воде не потонет. Счастлив тот, кто, на одной ноге стоя, двести стихов пишет в один час. (Кантемир). Счастлив тот, кто прокладывает сам себе дорогу, не опираясь ни на кого* (Н. В. Гоголь).

Несчастье: *У скупого что больше денег, больше горя. Несчастливым утешенье – иметь товарищей по несчастью. Горе не море: выпьешь до дна – охнешь, не издохнешь. Мир движется вперёд благодаря тем, кто страдает* (Л. Н. Толстой). *Говорят, что несчастье хорошая школа; может быть. Но счастье есть лучший университет* (А. С. Пушкин).

Труд: *Терпенье и труд – всё перетрут. Счастье и труд рядом живут. Труд создал самого человека* (Ф. Энгельс). *И иногда мне кажется, что, может быть, труд вырабатывает какие-нибудь особые гормоны, повышающие жизненный импульс* (Н. Н. Бурденко).

Отдых: *Когда в работе успех – перекур не грех. Сделал дело – гуляй смело. В субботу на работу, в воскресенье – на веселье.*

Безделье: *Пахарю земля – мать, лодырю – мачеха. Безделье – сестра болезни. Хочешь есть калачи – не лежи на печи. Кто в понедельник бездельник, тот и во вторник не работник.*

Богатый / Богатство: *Богатство – грязь, ум – золото. Богатому не спится, богатый вора боится. Будешь богат, будешь и скуп. Пусти душу в ад – будешь богат. Деньги – это так пошло, простите. (А. П. Чехов). Когда народ кого не любит, полки его и деньги – прах* (Г. Р. Державин).

Бедный / Бедность: *Бедность не грех, а до греха доводит. Когда бедность входит в дверь, любовь вылетает в окно. О бедность, бедность! Как унижает сердце нам она!* (А. С. Пушкин).

Ум: *Птице – крылья, человеку – разум. Голова всему начало. Умная голова сто голов кормит, а худая и себя не прокормит. Лоб как у Сократа, да ума маловато. Сегодня – счастье, завтра – счастье, помилуй Бог, а ум-то где?* (А. Суворов).

Глупость: *Где умному горе, там глупому веселье. С дураком дружбу поведёшь, сам дураком прослывеешь. У короткого ума длинный язык. Лучше быть несчастным, но знать, чем счастливым и жить в дураках* (Ф. М. Достоевский).

Правда: *Хлеб-соль ешь, а правду-матку режь. Правда в огне не горит и в воде не тонет. Кто за правду горой, тот истинный герой. Нет правды на земле, но правды нет и выше* (А. С. Пушкин). *Основная болезнь народная – жажда правды, но не утолённая*

(Ф. М. Достоевский).

Ложь: *От Бога дождь, а от дьявола – ложь. Ложь ходит на гнилых ногах. Тому худа не отбыть, кто привык неправдой жить. Кто лжёт, тот и крадёт. Совесть не помрешь, да вперёд не поверят.*

Смех: *Весёлый смех – здоровье. Смех без причины – признак дурачины. Хороший смех оздоравливает душу* (М. Горький). *Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно* (М. Ю. Лермонтов).

Плач: *Слезам горю не поможешь. Отольются кошке мышьи слёзки. День Победы. Это радость со слезами на глазах* (В. Г. Харитонов). *О люди! Жалкий род, достойный слёз и смеха* (А. С. Пушкин. «Полководец»). *Смех сквозь слёзы* (Н. В. Гоголь).

Рай: *И рад бы в рай, да грехи не пускают. Вольному воля, спасённому рай. Быть тебе в раю за твою доброту!*

Ад: *Пусти душу в ад, будешь богат. И в аду люди живут. Я всё-таки жил на самой глубине избранного мною рая – рая, небеса которого рдели как адское пламя, – но всё-таки рая* (В. Набоков).

В заключение отметим, что в результате анализа структуры когнитивной дефиниции концептов аксиологического словаря были определены структурные компоненты когнитивной дефиниции, основанной на трансфере знаний [2, с. 5] и включающей следующие виды информации:

1) аксиологическую (указывающую, относится содержание концепта к ценности или антиценности); 2) специального научного профиля (на основе научной дефиниции из заданной сферы науки); 3) этимологическую; 4) фольклорную / афористическую (на основе идей, морали, заложенных в пословицах, поговорках, афоризмах).

Работа выполнена при поддержке Гранта РФФИ № 18-012-00056 /19.

Список литературы

1. Байрамова Л.К. Аксиологический фразеологический словарь русского языка: словарь ценностей и антиценностей. – Казань: Центр инновационных технологий, 2011. – 372 с. (Изд. 2-е).
2. Демьянков В.З. Языковые следы трансфера знаний // Когнитивные исследования языка. – Москва–Тамбов: 2015. Вып. XXIII. – С. 17-29.
3. Иванова М.В. Алфавитно-частотный указатель словоформ «Жития Стефана Пермского». Словарь. Депонированная рукопись. ИНИОН № 24353 от 03.03.1986.
4. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л., 1986. – 312 с.
5. Мартынов В.В. Славянские анаграммы // Этимология, 1997–1999. – М., 2000. – 240 с.
6. Постовалова В.И. О путях и принципах трансферизации знания в гуманитарном познании (к постановке вопроса) // Когнитивные исследования языка. – Москва–Тамбов: 2015. Вып. XXIII. – С. 48-58.
7. Романова Г.И. Мотив денег в русской литературе XIX в. – М.: Флинта. Наука, 2006.–216 с.
8. Словарь по этике / Под ред. Гусейнова А.А., Кона И.С. – М.: Политиздат, 1989. – 447 с. – 6-е изд.
9. Телия В.Н. Послесловие. Замысел. Цели и задачи Фразеологического словаря нового типа. – Большой фразеологический словарь русского языка / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
10. Тихонова А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1985. – Т. 2. – 886 с.
11. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия, 1935. – Т. 1. – 1565 с.
12. Фролов В.А. Здоровье // Большая медицинская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1978. – Т. 8. – С. 355-357.
13. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. – М.: Русский язык. 1994. – Т.1. – 623 с. 2-е изд.
14. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1971. – Изд. 2-е. – 542 с.

10.02.01

**Т.Ф. Волкова канд. филол. наук, Л.М. Гриценко канд. филол. наук,
Т.А. Демидова канд. филол. наук**

Томский политехнический университет,
Школа базовой инженерной подготовки,
Отделение русского языка,
Томск

ОСОБЕННОСТИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ С СУИЦИДАЛЬНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

В статье анализируются особенности языковой личности с суицидальным поведением. Материал - тексты, опубликованные в социальной сети «ВКонтакте». Цель - выявление черт речевого портрета, отраженных в высказываниях о себе.

Ключевые слова: *языковая личность, речевой портрет, суицидальное поведение, идиолект, текст.*

Изучение языка личности является одним из важнейших направлений в лингвистике нашего времени. Формируется представление о том, что такое «языковая личность», «идиолект», определяются принципы типологизации языковых личностей и принципы их описания [3, С. 5-12]. Активно анализируется язык и речь творческих личностей [1, 7, 9, 11]. Речь рядовых носителей языка исследуется значительно реже [6, 8, 10]. Примером служит изучение феномена конкретной диалектной языковой личности в Томском государственном университете [4]. Для сопоставления научных результатов актуальным представляется обращение к речи различных людей, в том числе с определенными психологическими и психическими особенностями, например, с суицидальным поведением. В данной работе в качестве объекта анализа выступают фрагменты дискурса языковой личности с суицидальным поведением, т.е. тексты, продуцированные суицидальной языковой личностью и опубликованные в Рунете, в частности, в социальной сети «В Контакте». Всего проанализировано 47 диалогов, что составило около 4 тысяч словоупотреблений. Предмет анализа – вербальные черты лексикона как части речевого портрета языковой личности, имеющей признаки человека с суицидальными наклонностями.

Под языковой личностью понимается «личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отраженная в созданных ею текстах» [3, С. 10]. Суицидальное поведение представляет собой «аутоагрессивные действия человека, сознательно и преднамеренно направленные на лишение себя жизни из-за столкновения с неблагоприятными жизненными обстоятельствами [12, С. 64]. Исследуемая языковая личность – мужчина, совершил акт суицида путем самоподжога. Родился в 1989 году, в г. Томске. Увлекался сочинением стихов и песен. Предпринимал в течение жизни ряд неоконченных попыток суицида различными способами. Покончил с собой в 2015 году. Далее в тексте информант будет обозначен буквой А. Выбор самохарактеристик при составлении речевого портрета, обусловлен, с одной стороны, тем, что именно преобладание личных местоимений является отличительной чертой речи суицидентов [2]. С другой стороны, важным этапом в характеристике языковой личности суицидента является анализ её мировосприятия, отраженного в языке [5, С. 38]. Основные темы, отраженные в имеющихся материалах: смерть, способы самоубийства, самохарактеристика поведения, описание своего угнетенного душевного состояния, отношения с девушками, отношение к работе, собственному творчеству, употребление алкоголя и наркотиков.

Идиолексикон в первую очередь характеризует объект исследования как языковую личность. Состав лексикона с точки зрения соотношения с основными формами национального языка – важный параметр для характеристики языковой личности. Установлено, что большая часть лексических единиц относится к общерусской лексике (71%): *вот что страшно, смысла я понять не успел, а повторить боюсь; мне он как человек почему то не очень нравится, хотя бы псевдоним его*. Зафиксировано большое обцензизмов и скатологизмов [8] (18%): *я там каю (неценз. в значении «лицо») хотел разбить там гавно было на той тусе; а каю я (неценз. в значении «лицо») расшибу при встрече че за (неценз. в значении «ерунда») была; жаргонизмов (5%): ясне, а то я уаще без бабла, хаваю раз в 2 дня если повезет*. Присутствует просторечная оценочная лексика (3%): *а ты, олеся и света прям красотки; разговорная лексика (2%): я конечно не богат, но и не урод) и небольшое количество книжной лексики (1%): не, меня вдохновляют лишения и голод); моя идея мира солипсизм*.

Чаще всего лексика, не относящаяся к общерусской, служит для передачи эмоционального отношения говорящего к предмету речи, в большинстве случаев негативного. Особенно это свойственно нецензурной лексике. При помощи книжной лексики языковая личность стремится продемонстрировать интеллект, склонность к языковой игре. А. проявляет осознанность в выборе языковых средств, меняя стиль общения в зависимости от собеседника. Если он общается с хорошо знакомыми девушками, то нецензурной лексики мало. При общении с друзьями количество нецензурных и сленговых выражений уменьшается в том случае, если сам собеседник не склонен к их использованию. Книжная лексика появляется только в одном диалоге с собеседницей, которую считает умной.

Для языковой личности, имеющей признаки человека с суицидальными наклонностями, экспрессивная лексика является значимой характеристикой, т.к. в ней отражается особое мировосприятие действительности, порождающее аутоагрессивное поведение. Приведем пример диалога: Д.: *у тебя хоть жизнь веселая* А.: *надолго ли* Д.: *в смысле надолго веселая или надолго ли вообще жизнь?* А.: *ну вообще и то и другое* Д.: *А почему ты думаешь, что содохнешь? Если у тебя никаких проблем со здоровьем пока нет и ты не будешь систематически употреблять или слишком много пить, то всё ок* А.: *со скуки вздернусь или несчастный случай, человек смертен, причем внезапно*. Для А. типично использование различных экспрессивных средств: фонетических (частотны восклицания, вопросы, протяжка гласных - *а я чет кааак загулял*), грамматических (противопоставления - *меня держали а он бравировал*; усилители, отрицательные местоимения и частицы (*я уже месяц ни дня без пьянки; да вот теперь боюсь что меня вообще ничего не попрет, и ничего мне не надо*), лексическими (*меня вдохновляют лишения и голод*), в том числе междометиями (*ух, ужс*), фразеологизмами (*я вот не вышел, не вышел ни умом ни фантазией*), а также тропами (*чистый как лист, кажется ща что я сгорел.*) Проанализируем собственно лексические экспрессивные средства. Эта часть лексикона изучаемой личности составляет около 27 % от общего количества словоупотреблений, содержится в 76% высказываний, произведённых от первого лица.

Средствами выражения экспрессии служат в подавляющем большинстве случаев семантические переносы: *я чет далеко зашел*. Корневой способ также представлен: *безысходность, ага. посещает иногда*. Аффиксы для усиления экспрессии отмечены в незначительном количестве: *меня трое держали чтобы я чувака не добил; я просто лопухий, если виски совсем забрить то уши торчат*).

Специфика использования экспрессивных средств состоит в следующем:

1. Своеобразен спектр экспрессивно-эмоциональных оценок.

1.1. Неодобрение, осуждение преобладают. Оценка касается различных внутренних состояний: *мне он как человек почему то не очень нравится, хотя бы псевдоним его; я не понял, но мне его повидение не понравилось; а я чет кааак загулял, ух, ужс; с точки зрения наблюдателя есть пошлость а есть вульгарность, зпт специально пропустил*". Специфично большое количество эмоциональной лексики, с помощью которой выражаются

чувства и эмоции жалости к себе, страха и бравирования: *Нет, отношений вот он и страдает. надо писать "нет отношений, вот он и страдает; а я несмотря на год ужаса и прочих лишений выгляжу как с твоей точки зрения; Ты же знаешь что я одинок; Д.: у тебя хоть жизнь веселая). А.: надолго ли.). А.: со скуки вздернусь или несчастный случай, человек смертен, причем внезапно; безысходность, ага. посещает иногда. Д.: антидепрессанты нужны)))) А.: от них на самом деле еще хуже. А.: да после всего хорошего становится хуже; да, мое воображение надо мной по первости поиздевалось; вот что страшно, смысла я понять не успел, а повторить боюсь; я пауканов ващет боюсь); скажем из всех насекомых эти мне наиболее неприятны чет; остальное лень писать пока, пьянки, драки, и сублимирование.*

1.2. Большая часть одобрительных оценок связана с внешним видом. Присутствуют и прямые обозначения чувств, например, радость, уважение: *я саше и киму прям радуюсь что вы такие клеевые; я когда вас вижу у меня настроение поднимается, в хорошем смысле); найди мне подругу красивую) как ты; ыы, она симпатичная? Единичен случай, когда А. выразил своё уважительное отношение к конкретной девушке: ну ты что, я же тебя дико уважаю).*

1.3. Отмечены случаи выражения неодобрительного удивления: *о как) странно например. Д.: Что например? А.: ну такие пошлости от тебя читать, вот и удивился; причем звуки были странные; и иронической самохарактеристики: смешно мне всегда; да не, я ж панк, чумазым похожу.*

2. Расширение состава экспрессивных единиц происходит за счет включения книжной, разговорной, просторечной, жаргонной и бранной (вульгарной) лексики – 26% от общего количества экспрессивной лексики. Книжные: *не, меня вдохновляют лишения и голод); меня держали а он бравировал; разговорные: я конечно не богат, но и не урод); просторечные: ну это норм; а ты, олеся и света прям красотки, я вот один люблю по магазинам шляться; жаргонные и бранные: ясне, а то я уаще без бабла, хаваю раз в 2 дня если повезет; диджей вроде как, а так бухаю, ем, песни ставлю; а я бухаю угараю, дерусь и не парюсь; хай, приходи на белое озеро) я тут дискотеку мучу.*

3. Использование нецензурной лексики имеется в 18% случаев употребления экспрессивной лексики. Е.В Соломина утверждает: «Результаты наблюдений над коммуникативным поведением информанта опровергают версию бесконтрольного использования мата» [8, С. 20]. Мы также склонны считать, что в большинстве случаев данная лексика способствует повышению эмоциональности речи: *а я вообще кроме 11 классов (неценз. в значении «ничего») не закончил, был в политехе, в шараге, и нигде нет диплома, экзамены сдавал на 5-4; они меня (неценз. в значении «надоели») эти вещества, крайний раз это был (неценз. в значении «конец»). Вышеназванная функция сочетается с демонстрацией раскованности, бравады говорящего: за себя (неценз. в значении «все равно»); в бензовоз (неценз. в значении «врезался») да, машине (неценз. в значении «конец») пришла, ага, не зря камикадзе на плече), или зря; мне вот 26 а я (неценз. в значении «бестолковый человек») злостный; правда так и (неценз. в значении «бездельничая»); у меня (неценз. в значении «вдохновение») творческий пошел, 2 песни написал. Можно отметить заочное оскорбление, унижение адресата речи: а каю я (неценз. в значении «лицо») расшибу при встрече че за (неценз. в значении «ерунда») была; я там каю (неценз. в значении «лицо») хотел разбить там гавно было на той тусе.*

Подводя итоги анализа языковой личности с суицидальным поведением, укажем, что лексикон данной языковой личности весьма своеобразен. Этот факт определяет возможность его дальнейшего изучения в разных аспектах.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Избранные труды: Язык и стиль русских писателей. М.: Наука, 1990. – 386 с.
2. Загоровская О.В., Литвинова Т.А., Литвинова О.А., Середин П.В., Сердюк М.Е. Диагностирование склонности автора письменного текста к аутоагрессивному поведению // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2015. – № 3. – С. 98-104.
3. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 312 с.
4. Иванцова Е.В. Мировидение языковой личности в традиционной русской народно-речевой культуре // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология, 2014. – № 4(30). – С. 27–42.
5. Иванцова Е.В., Гынгазова Л.Г. Ключевые ценности крестьянской культуры в высказываниях диалектной языковой личности о себе // Язык в пространстве речевых культур. Москва-Саратов, 2015. – С. 36-45.
6. Костомаров П.И. Компоненты языкового портрета личности российского немца // Вестник наук Сибири, 2012. – № 1(2). – С. 302-306.
7. Леденева В.В. Особенности идиолекта Н.С. Лескова. М.: Изд-во Моск. пед. ун-та, 2000. – 185 с.
8. Соломина Е.В. Языковая личность носителя городского просторечия: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Томск, 2016. – 24 с.
9. Федорченко И.А. Метафорическая и метаязыковая константы языковой личности академика В.В. Виноградова: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Барнаул, 2002. – 24 с.
10. Харламова М.А., Дик Т.Л. О феномене диалектной языковой личности (на примере речи носителя сибирского старожильского говора) // Славянские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Омск. 2013. – С. 100-105.
11. Цуцьева М.Г. Языковая личность политика как динамический феномен дискурса и текста // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2013. – № 5 (83). – С. 104-108.
12. Шелехов И.Л., Каштанова Т.В., Корнетов А.Н., Толстолес Е.С. Суицидология: учебное пособие / И. Л. Шелехов, Т. В. Каштанова, А. Н. Корнетов, Е. С. Толстолес. Томск: Сибирский государственный медицинский университет, 2011. – 203 с.

10.02.01

К.В. Еленская

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
филологический факультет,
кафедра русского языка как иностранного,
Калуга, kr-elenskaya@yandex.ru

КУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ НАСИЛИЯ/НЕНАСИЛИЯ

В статье на материале некоторых толковых словарей русского языка рассмотрены вопросы дуального понимания насилия, обоснованного принадлежностью людей к той или иной социальной или культурной группе. Эти вопросы рассматриваются на примере лексем, входящих в следующие лексико-тематические группы: 1) религия; 2) военное дело; 3) профессии; 4) обряды и традиции.

Ключевые слова: *насилие, культура, эксплицитная и имплицитная семантика слова.*

Семантическое содержание концепта «насилие», выраженное в тех или иных лексемах, – это языковое воплощение воздействия, которое, по мнению А.И. Кугая, «подчинено единой функции – подавлению или принудительному ограничению свободы выбора субъекта фактами социальной среды» [4, с. 4] и, как правило, воспринимается негативно субъектом, явившимся объектом насилия. Поскольку социум неоднороден, постольку характер и качество оценки подобных воздействий на субъект-объект могут разниться: то, что принято считать насилием в одном социуме, необязательно оценивается как насилие в другом.

Насилие может быть: а) не одобряемым обществом (в том числе осуждаемым); б) одобряемым обществом (в том числе поощряемым).

Цель данной статьи – описать случаи культурной детерминации насилия/ненасилия на примере лексем, входящих в следующие лексико-тематические группы: 1) религия; 2) военное дело; 3) профессии; 4) обряды и традиции. Данный подход к дуальности восприятия одних и тех же лексем, выражающих содержание концепта «насилие», является во многом авторским. Настоящая статья построена на материале некоторых толковых словарей русского языка.

Религия – наиболее противоречивая сакральная сфера человеческой деятельности. Выделим четыре группы слов, которые иллюстрируют противоречие между светским и религиозным пониманием некоторых насильственных действий:

1. Насилие над собой: *вериги, пост, аскетизм (аскеза), власяница, самобичевание, камлание, шахид, монах, мученик.*

2. Насилие над другими (иноверцами, еретиками): *шахид, инквизиция, крестовый поход.*

3. Насилие над людьми своей веры в знак соблюдения религиозного культа: *ураза, мужское обрезание.*

4. Насилие над животными и людьми, связанное с религиозными обрядами: *жертвоприношение, жрец, Курбан-байрам, заклание.*

Насилие, допускающее оправдание, – это осознанное и добровольное насилие человека над самим собой, не перерастающее в клинические случаи. В такой ситуации объектом и субъектом насилия выступает одно и то же лицо. Наиболее жестоким видом насилия над собой является *самобичевание*. В словарях Д.Н. Ушакова и Т.Ф. Ефремовой под этим словом в прямом значении понимается «причинение себе физических страданий из религиозного изуверства» [3,6]. Более широкое понимание дает второе значение, приводимое в этих же словарях с пометой *перен.* Оно находится на границе понимания насилия/ненасилия: «причинение себе нравственных страданий вследствие раскаяния в ошибке» [6], «суровое обличение своих поступков, слабостей вследствие раскаяния, сознания своей вины» [3].

Словарь С.И. Ожегова подобное толкование приводит как единственное. Важно иметь в виду, что самобичевание не имеет суицидальных намерений. Сходные действия понимаются под словом *самоповреждение* («умышленное нанесение себе различных телесных повреждений, увечий обычно с аутоагрессивной целью» [7]). Однако лица, совершающие самоповреждения, могут подвергаться принудительному психиатрическому лечению, в то время как самобичевание имеет религиозное оправдание и не ставится на контроль государства.

Но бывают случаи, когда человек за веру добровольно отдает свою жизнь. Такого человека в христианстве называют *мучеником* («канонизированный христианской церковью святой, подвергшийся мучениям за веру» [2]), а в мусульманстве – *шахидом* («мученик, павший за веру, который именно благодаря такой смерти приобщается к сонму святых» [3]). Однако религиозное насилие часто направлено на лиц иной веры или атеистов. Именно в таком значении отмечено ранее упомянутое слово *шахид* в словаре С.И. Ожегова («террорист-смертник, современный камикадзе» [5]).

Одним из древнейших религиозных обрядов в истории человечества было *жертвоприношение* («обряд принесения жертвы божеству» [5]) как животных, так и человека. Однако в толковании и структуре слова *жертвоприношение* нет указания на способ убийства, в то время как у слова *заклание* («заклать в качестве жертвы» [6]) прослеживается этимологическая связь с глаголом *заколоть*. Такие кровавые действия были свойственны ряду языческих религий и совершались *жрецами* («служитель божества, совершающий жертвоприношение» [5]) в знак восхваления бога. Именно это значение заложено в однокоренных словах *girtwei* «хвалить» (др.-прусс.) и *gr̥nāti* «превозносить» (др.-инд.). Сегодня обряд сохранился в традиции празднования *Курбан-байрама* («ежегодный мусульманский праздник жертвоприношения» [5]).

В военном деле понимание насилия и ненасилия еще более неоднозначно. Как правило, контрдействия, направленные против стороны-агрессора и совершаемые стороной, отстаивающей свою свободу и независимость, воспринимаются положительно, какими бы жестокими они ни были. Например, *камикадзе* (в прямом значении «японский летчик-смертник, погибавший в бою вместе с атакующим цель самолетом» [5]). Для одной стороны камикадзе – герой, для другой – убийца. Словарь Т.Ф. Ефремовой отмечает и переносное значение слова («тот, кто жертвует собою ради каких-либо обстоятельств; безрассудный смельчак» [1]), при этом стирается понимание фатальности действий для самого человека и окружающих.

Профессия *военного*, независимо от ее специализации, всегда подразумевает насилие, т.к. «обслуживает армию и нужды войны» [5], но есть такие профессии, которые в сознании людей до недавнего времени не ассоциировались с насилием над кем-либо, хотя предполагают действия насильственного характера. Среди таковых можно выделить три группы, в основе деления на которые лежит классификация по объекту насилия:

- 1) животное (*дрессировщик, вивисектор, матадор, тореадор*);
- 2) человек (*судебный пристав*);
- 3) субъект и объект насилия – одно и то же лицо (*ковбой на родео, тореадор*).

В этом ключе наиболее спорной является работа *вивисектора* («специалист, занимающийся *вивисекцией*» [6] («вскрытие живого животного, живого организма с научной целью» [5])). Хотя эти действия осуществляются во благо науки, их насильственный характер отражает словарь Д.Н. Ушакова, который фиксирует и второе значение слова *вивисекция* – «перен. насилие» [6].

В профессиональной деятельности возможна регламентация насильственных действий или введение полного запрета на их осуществление, однако насилие, являющееся частью некоторых культурных традиций и обрядов, практически невозможно изжить, поскольку оно берет начало в вековом опыте предков и безоговорочно принимается членами конкретных сообществ. В этом контексте насилие приобретает разнообразные формы, которые с трудом поддаются классификации. Эти действия условно можно разделить на 3 группы:

- 1) гендерная дискриминация (*умыкание, многоженство*);
- 2) обряды инициации (*татуировка, шрамирование, пирсинг*);
- 3) защита чести (*дуэль, кровная месть, линчевание*).

В большинстве мировых культур гендерной дискриминации подвергаются женщины, что подтверждают перечисленные в первой группе лексемы. Явлений, связанных с традиционным насилием над женщинами, существует гораздо больше: бинтование ног в Китае, непальская традиция чаупади (выселение женщин из дома в сарай во время менструации), женское обрезание в странах Африки, Ближнего Востока и горных районов Дагестана, вытягивание шеи женщин мьянманского племени за счет надевания многочисленных колец и т.д. К сожалению, современные толковые словари русского языка не фиксируют слова, называющие эти явления. Примеры слов, иллюстрирующих мужскую дискриминацию, нами также не были найдены.

Традиции некоторых народов предполагали или предполагают до сих пор осуществление насильственных действий в ситуации защиты чести. Наиболее ярким примером служит *кровная месть* (*этнол.* пережиток родового быта - обычай мстить за убийство родственника убийством одного из членов рода убийцы [6]). Подобные действия не только не осуждаются, но и безоговорочно оправдываются членами конкретного социума.

Таким образом, можно сделать выводы: 1) насилие – это любое воздействие на себя или иное лицо, воспринимаемое объектом насилия как унижающее, ограничивающее в чем-либо или грозящее смертью; 2) восприятие насилия/ненасилия определяется отношением человека к той или иной социокультурной группе.

Список литературы

1. *Ефремова, Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. Том 1. А-Л / Т.Ф. Ефремова. - М.: АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2005. - 1168 с.
2. *Ефремова, Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. Том 2. М-П / Т.Ф. Ефремова. - М.: АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2006. - 1168 с.
3. *Ефремова, Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. Том 3. Р-Я / Т.Ф. Ефремова. - М.: АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2006. - 976 с.
4. *Кугай А.И.* Насилие в контексте современной культуры. Диссертация... доктора философских наук, СПб., 2000. – 311 с.
5. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – Москва: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2018. – 1360 с.
6. *Ушаков, Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний / Д. Н. Ушаков. - М.: Альта-Принт [и др.], 2008. - 1239 с.
7. *Чуприков А.П., Пилягина Г.Я., Войцех В.Ф.* Глоссарий суицидологических терминов. Киев, 1999

10.02.01

¹Т.Б. Курбацкая канд. психол. наук, ²Н.П. Ячина канд. педагог. наук,
³С.Г. Добротворская д-р педагог. наук, ⁴В.С. Минкин д-р хим. наук

¹Российский Открытый Университет Транспорта,
кафедра Экономическая теория и менеджмент,
Московский Университет им. С.Ю. Витте, кафедра менеджмента и маркетинга,
Москва, alterego123@yandex.ru,

²Казанский (Приволжский) федеральный университет,
кафедра методологии обучения и воспитания, Институт психологии и образования,

³Казанский (Приволжский) федеральный университет, кафедра педагогики,
Институт психологии и образования,

⁴Казанский национальный исследовательский технологический университет,
кафедра физики,
Казань, nadegda_777@mail.ru, sveta_dobro@mail.ru, yrus@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КРОССКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В УСЛОВИЯХ СЛОЖНОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются проблемы формирования кросс-культурной компетентности в сложном обществе. Процессы глобализации привели к тому, что изменился качественный состав общества.

Ключевые слова: *кросс-культурная компетентность, общество эмпатия, культура.*

На современном этапе развития мирового взаимодействия исключительную значимость приобретает знание иностранных языков, поэтому в образовательных учреждениях не только возросла тенденция к изучению иностранных языков, но и к формированию кросс-культурной компетентности.

Кросс-культурная компетентность (грамотность) (англ. cross-cultural competence) может трактоваться как особая область психологии, отвечающая за формирование у личности понимания культуры других. При этом различные стороны формирования кросс-культурной компетентности, уровни её развития представлены в исследовании Р. Хенви «Достижимая глобальная перспектива» [4].

По проблеме формирования кросс-культурной компетентности существует достаточное большое количество психолого-педагогических работ. Так, вопросы формирования профессиональной компетентности студентов в вузах изучались Ю.В. Варданян, И.П. Родионовой, А.М. Кочневым, В.А. Адольфом и др.; разные аспекты профессиональной подготовки студентов - будущих учителей представлены в исследованиях Н.В. Кузьминой, В.И. Андреева, Н.М. Яковлевой, А.В. Усовой, В.А. Сластенина и др. Проблемы основ формирования одного из основных компонентов профессионально-педагогической культуры - коммуникативной культуры изучались Т.А. Ильиной, А.А. Леонтьевым, В.Г. Костомаровым, О.Д. Митрофановой и др.[2].

При этом кросс-культурная компетентность способствует воспитанию традиций и культур, эмпатии и транспекции. Она формирует способность к уважению точек зрения других людей, готовность к оптимальному разрешению конфликтов.

Зарубежные исследователи дифференцируют 4 основных составляющих кросс-культурной компетентности:

- понимание самооценки культурного многообразия;
- способность определить свое место в культурном многообразии;
- признание динамичности и открытости культурного взаимодействия;
- адаптация к культурному многообразию, а также развитию инфраструктуру институтов,

создающую необходимые внешние условия для развития и реализации кросс-культурной компетентности [1].

Вопросы сходств и различий в концептосферах разных народов и языковых картинах мира представителей разных лингвокультур в настоящее время чрезвычайно значимы не только для лингвистики и многих других наук гуманитарной направленности (социологии, культурологии, политологии, социальной психологии, педагогики и др.), но и для практики решения целого ряда проблем существования и развития современного общества в целом с учетом его этнического многообразия и особенностей процессов глобализации на рубеже XX–XXI вв. Сказанное касается, в частности, проблем национальной и языковой политики, а также проблем образования в поликультурном мире.

В современном языкознании ментальные сходства и различия представителей различных этносов (народов) рассматриваются прежде всего в рамках общей и сопоставительной когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. При этом предметом анализа, как правило, избираются или определенные фрагменты языковых систем двух или нескольких языков (лексико-семантические поля, тематические объединения словесных единиц, лексико-семантические группы, единицы паремиологического фонда и т. п.), которые изучаются как репрезентанты тех или иных ментальных сущностей (именуемых в разных исследованиях «понятиями», «значениями», «смыслами», «концептами» и т. п.), или, наоборот, отдельные «концепты», «смыслы», «значения», рассматривающиеся в проекции на их языковую репрезентацию в номинативных полях тех или иных языков (см., например, работы Ю. С. Степанова, В. В. Карасика, В. А. Масловой, В. В. Красных, Е. С. Кубряковой, А. Д. Шмелева, З. Д. Поповой и др.) [3].

Очевидно, что подобный подход дает возможность выявить отдельные факты или отдельные совокупности фактов, касающиеся общего и своеобразного в членении мира представителями тех или иных лингвокультур, но не позволяет представить целостную картину названных феноменов, которая может быть получена лишь на основании сопоставительного изучения лексико-семантических систем разных языков.

Список общекультурных компетенций, который предусмотрен Федеральными государственными стандартами в высшем профессиональном образовании обширен и условно может быть разделен на такие виды:

- компетенции, которые относятся к личности как субъекту жизнедеятельности;
- компетенции, имеющие отношение к взаимодействию субъекта с другими людьми.

Процессы глобализации не проходят безболезненно: миграционные процессы, контакты разных культур вызывают много проблем, которые могут быть порождены несовпадением взглядов, вероисповеданий, традиций, обычаев, ценностей.

Основным фактором, определяющим развитие общества на современном этапе, является глобализация всех сфер общественной жизни, повлекшая за собой изменение академической среды и поставившая проблемы органичной интеграции научных коллективов и ученых в единое мировое научное пространство. Интеграция как форма интернационализации какой-либо сферы общественной жизни характеризуется интенсивностью взаимосвязей и взаимодействия между элементами, их упорядочиванием и самоорганизацией в целостное образование. В научной области таким образованием является международное научное сообщество, использующее различные формы коммуникации. Так в Институте психологии и образования Казанского федерального университета такой формой коммуникации стал ежегодный Международный форум IFTE. Ученые из разных стран приезжают для обсуждения проблем образования. Такая форма коммуникации способствует развитию кросс-культурной компетентности.

Общепринятым фактом в научной среде является понимание того, что сегодня ни научная, ни образовательная среда отдельно взятой страны не может оставаться изолированной от включенности в решение общемировых проблем, являющихся вызовами самого времени.

Что касается российского ученого, то существует мнение, будучи хорошо профессионально подготовленным к осуществлению научной деятельности, оказался не

готовым к современным требованиям изменившейся научной среды, отраженным в теории академического капитализма (определение введено Э. Хэкеттом в начале 1990-х годов, а позднее (1997) представлено в теории Слотер Лесли как трансформация научной и образовательной деятельности (как в некоторого рода-предпринимательство) [5].

В настоящее время явно обозначена потребность в научных кадрах, которые будут готовы к интеграции в мировое научное пространство через осуществление совместных проектов, но по-прежнему остается нерешенным вопрос адекватной подготовки российского ученого к такой деятельности.

Сегодня также особое значение принадлежит подготовке выпускников высшей школы, способного реализовать взаимодействие с другими людьми на основе учета национальных и этнических культурных различий. Значительный рост мобильности студентов Казанского федерального университета и других зарубежных вузов приводит к необходимости взаимодействия с другими культурами, обычаями, нравами, с другими языками. Задача преподавателя высшей школы – помочь студентам в адаптации к изменившимся условиям, в изучении культуры страны изучаемого языка, а также менталитета общества.

Формирование кросс-культурной компетентности у студентов - это важное условие их профессиональной и социальной адаптации к сложным условиям современности.

Список литературы

1. Богданова О.Е. Развитие кросскультурной компетентности – инновационный ресурс современного образования. <https://cyberleninka.ru/article/v/razvitie-kross-kulturnoy-kompetentnosti-innovatsionnyy-resurs-sovremennogo-obrazovaniya>
2. Загоровская О.В. Возможности современной лингвистики в определении ментальных сходств и различий народов Европы. <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/educ/2017/03/2017-03-31.pdf>
3. Колосовская Т.А. Формирование кросс-культурной компетентности будущих учителей. <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-08/dissertaciya-formirovanie-kross-kulturnoy-kompetentnosti-buduschih-uchiteley#ixzz5pQ2Fhlow>
4. Кросскультурная компетентность. <https://ru.wikipedia.org/wiki/4>.
5. Эдвардс, Н.М. Формирование компетентности ученого для международной научной проектной деятельности [Электронный ресурс]: монография / Н. М. Эдвардс, С. И. Осипова. - Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2011. - 239 с.

10.02.01

Г.И. Мансурова, В.С. Маркелов канд. филол. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Подготовительный факультет для иностранных учащихся,
кафедра русского языка,
Казань, mansurova.guzyal@mail.ru, hunan05@mail

ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ ФИЛОСОФИИ В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

Предлагаемый технологический подход стимулирует речемыслительную деятельность обучающихся на иностранном языке в учебно-профессиональной среде.

Ключевые слова: *язык философии, коммуникативно-речевые блоки научного стиля речи, когнитивные стратегии.*

Статья представляет собой описание технологии обучения языку философии иностранных учащихся. Понятие «технология» трактуется в литературе по-разному. Так, Пассов Е.И. считает, что в технологии обучения происходит слом старого представления о коммуникативности как методологии развития иноязычного образования и переход к межкультурному образованию [5]. Ряд ученых считает, что понятие «межкультурное образование» синонимично понятию «межкультурная коммуникация», когда речь заходит о методике обучения иностранным языкам [2]. Считаем, что рано отправлять на свалку истории идею коммуникативности, в основе которой применительно к языку лежит коммуникативный акт, представляющий собой модель коммуникативного взаимодействия [7].

Не углубляясь в разработку теорий межкультурного образования и межкультурной коммуникации, определимся с содержанием понятия «технология обучения». Данное понятие трактуется нами как модель образовательной деятельности, включающей в себя алгоритм образовательного процесса, цели и задачи, содержание и методы обучения. Любая образовательная технология включает в себя систему действий преподавателя и учащихся, результат образовательной деятельности и критерии оценки результата.

Актуальность статьи обусловлена стремлением – определить и описать эффективные образовательные технологии, связанные с формированием знаний, умений, навыков у обучающихся на подготовительном факультете Казанского федерального университета иностранных граждан. Образовательные программы по русскому языку как иностранному диктуют определенный подход к педагогическому процессу и использованию технологий обучения.

В статье нами поставлена следующая цель: описать процесс обучения русскому языку как иностранному в учебно-научной сфере с точки зрения его эффективности и результативности.

Курс «Язык философии» изучается иностранными слушателями из разных стран, которые имеют намерение продолжить обучение в аспирантуре в вузах РФ и которым предстоит слушать курс философии. Считаем, что социокультурные особенности, менталитет, академическая подготовка учащихся предполагают некоторую специфику в технологии обучения языку философии как части гуманитарного образования. Проводимые нами занятия показывают, что самыми продуктивными средствами являются речевые воздействия на учащихся, главной целью которых становится усиление запоминаемости и вовлеченности в процесс обмена информацией или передачи сведений.

Обозначая цель занятия, например, по теме «Определение объекта: основные понятия философии», преподаватель обдумывает процесс формирования у учащихся системы знаний о понятийном аппарате философии и использовании этих знаний в общении на русском

языке. При обучении языку философии приходится учитывать тот факт, что в учебной группе обычно оказываются учащиеся с различным уровнем языковой подготовки (от нулевой до продвинутой), жизненным опытом, с индивидуальными особенностями психического склада и специфическими национально-культурными традициями, а также разного возраста. На занятии предлагается дать учащимся основные определения понятий философии, онтологии, гносеологии, социальной философии и философской антропологии на основе уже имеющихся у них знаний грамматической системы русского языка. Это облегчит восприятие нового учебного материала. Поскольку учащиеся имеют дело с научным стилем речи, то им приходится сначала прослушать объяснение, затем записать и прочитать термины философии, а потом перейти к их проговариванию. Такая последовательность, на наш взгляд, обоснована тем, что работа над письмом и чтением позволяет учащимся более осознанно осуществлять процесс говорения.

Курс «Язык философии» имеет целью, с одной стороны, ознакомить иностранных учащихся с важнейшими философскими понятиями, идеями известных философов, а с другой – представить языковые модели описания научного знания [4]. Это поможет облегчить в дальнейшем усвоение философской проблематики и будет способствовать формированию коммуникативной компетенции иностранных слушателей, готовящихся к обучению в аспирантуре в вузах РФ, в учебно-профессиональной сфере общения. При этом они должны владеть русским языком как иностранным в объеме элементарного, базового и первого сертификационного уровня.

В соответствии с понятием «технология обучения», трактуемым нами как алгоритм образовательного процесса, цели и задачи, содержание и методы обучения, рассмотрим сначала алгоритм образовательного процесса. Алгоритм предполагает тематическую организацию учебного материала. Применительно к обучению под темой обычно понимается область, сфера реальной действительности, отраженной в наших знаниях и зафиксированной с помощью языка [3].

Функциональный подход к презентации языкового материала определил отбор языковых средств, которые, с одной стороны, облегчают восприятие сложных как с точки зрения содержания, так и с точки зрения структуры текстов философской проблематики, а с другой – обеспечат коммуникативные потребности обучаемых в научно-профессиональной сфере.

Каждый раздел курса начинается с представления языкового материала, используемого в описании основной проблематики философского учения. Разделы заканчиваются заданиями, предполагающими творческий поиск ответов на вопросы.

В качестве языковых моделей описания научного знания даются основные языковые конструкции:

1. Для определения объекта **что называется чем; что можно определить как что; что носит название чего**. Затем даются определения понятий «философия и др.
2. Для периодизации объекта, например, античную философию **можно разделить на несколько периодов**.
3. Для описания состава и структуры объекта, например, понятие «мировоззрение» **включает в себя** частные понятия «мироощущение», «мировосприятие», «миропонимание».
4. Для описания мнений и основных идей философов, например, Платона **интересовала** идея («эйдос»), или образ вещи.
5. Для сравнения объектов, например, понимание бытия у элеатов и Платона **отличается от** понимания бытия у Демокрита.
6. Для описания явления, процесса, например, сознание **является свойством** высокоорганизованной материи – мозга человека, продуктом и необходимой стороной трудовой деятельности и общественной жизни.
7. Для выражения связи и зависимости между объектами, например, умозаключение – форма мысли, когда из одних суждений **выводятся** другие суждения.
8. Для описания деятельности учёного-философа, например, Георг Вильгельм Фридрих Гегель, выдающийся немецкий философ, **является основоположником** теории диалектики.

Презентация философского содержания с опорой на коммуникативно-речевые блоки научного стиля речи и уже имеющиеся знания грамматической системы русского языка активизируют процесс создания дискурса на неизвестном материале. Обучаемые понимают перспективность использования языкового материала, представленного в курсе «Язык философии» в предстоящей научно-профессиональной деятельности в русскоязычной среде.

Реальные потребности иностранных учащихся определяют необходимость в максимально короткие сроки обеспечить им возможность обучения в аспирантуре. К эффективным технологиям в процессе обучения научному стилю речи мы относим когнитивные стратегии, использование которых позволяет обучаемым справляться со многими трудностями. Выделяем следующие когнитивные стратегии:

Когнитивная стратегия идентификации значения незнакомого слова опирается на грамматический облик слова и состав слова (анализ корней и аффиксов). Примером использования может служить такой тип задания, как анализ сложных слов: *мировосприятие, мироощущение, миропонимание*.

Когнитивная стратегия установления логических связей действует на уровне выявления смысла отдельных абзацев и текста. Например, учащимся предлагается установить логическую последовательность предложений в абзаце или последовательность абзацев в тексте.

Вместо заключения скажем, что в аудитории технологичность представления лексико-грамматического материала и использование когнитивных стратегий дополняются групповой работой над уяснением философского содержания, что и формирует вкус к речевой деятельности в иноязычной учебно-профессиональной среде.

Список литературы

1. *Асташова А.А.* Термины естественных наук. Математика: разработки практических занятий // Современные технологии обучения русскому языку. – Киров: ООО «Изд-во Радуга-ПРЕСС», 2017. – 2017. – С. 163-182.
2. *Зимняя И.А.* Психология обучения иностранным языкам в школе. – М.: Просвещение, 1991. – 222 с.
3. *Котова В.Д.* Учебник русского языка для иностранных студентов гуманитарных специальностей: научный стиль речи. – Кн. I. – М.: РУДН, 2012. – С. 133.
4. *Язык философии: учеб-метод. пособие по русскому языку для слушателей предаспирантской подготовки (предвузовский уровень) / Г.И. Мансурова, О.Г. Иванова.* – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. – 72 с.
5. *Пассов Е.И.* Принципы иноязычного образования, их система и иерархия. // Материалы к докладу на XIII Конгрессе МАПРЯЛ (Гранада, Испания, 13-20 сентября 2015 года). – Липецк, 2015. – С. 137.
6. *Методика обучения английскому языку на начальном этапе в общеобразовательных учреждениях: пособие для учителей и студентов пед. вузов / Г.В. Рогова, И.Н. Верещагина.* – М.: Просвещение, 2000. 232 с.
7. *Салмина Л.М.* Коммуникация. Язык. Мышление. – Казань: ДАС, 2001. – С. 8.

10.02.01

Супиан

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
кафедра общего и русского языкознания,
кафедра русского языка университета Паджаджаран,
Бандунг, Индонезия, supian@unpad.ac.id

ФУНКЦИИ ФОРМ ИМПЕРАТИВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ДИСКУРСА

В статье описаны функции и прагматика форм повелительного наклонения в зависимости от дискурса. Анализ случаев употребления императива для разных видов дискурса проведён по двум критериям. Первый критерий - востребованность императива в том или ином дискурсе для выражения каузативной семантики. Вторым критерием - частота употребления форм императива в прямом и транспозиционном значении.

Ключевые слова: *императив, каузативное значение, дискурс, транспозитное значение императива.*

В связи с популярностью коммуникативного подхода актуальными становятся проблемы речевого общения, к которым можно отнести изучение речевых ситуаций, стратегий и способов ведения разговора, и также какими средствами языка осуществляются те или иные стратегии. В этой связи представляет интерес функционирование императива в различных дискурсах, так как категория императива является одной из значимых и часто употребляемых коммуникативных категорий глагола.

В русском языке не существует общепризнанного и четкого определения слову «дискурс», которое бы охватывало все случаи его употребления. Существуют разнообразные трактовки термина «дискурс», которые соотносятся с разными национальными традициями и вкладами конкретных авторов.

Одни авторы связывают дискурс с понятиями речи, текста и диалога. В рамках данного подхода существуют самые разные соотношения и трактовки понятий: дискурс считается речевой единицей, а текст — языковой [7]; дискурсом считается устная речь, а письменная речь — это текст [3]; дискурс — это родовое понятие, обозначающее результат речевой деятельности и включающее в себя письменную и устную речь [7].

Другие авторы рассматривают термин «дискурс» в связи с понятиями стиля и индивидуального языка. Понятие «дискурс» в данном случае - это способ говорения, имеющий обозначение, КАКОЙ или ЧЕЙ дискурс, поскольку многие ученые интересуются не дискурсом в целом, а только его конкретными разновидностями, которые задаются широкими параметрами: например, такими как: языковые отличительные черты, стилистическая специфика, а также специфика тематики, систем убеждений, способов рассуждения и т.д [5, с. 403].

Наконец, третья группа авторов рассматривает дискурс как «речь, которая погружена в жизнь» [1, с. 247], «общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации» [6, с. 194]. В данной работе мы придерживаемся именно третьего подхода к определению дискурса.

Так как понятие «дискурс» имеет много значений, и нет определенного и общепризнанного его определения, то, стоит заметить, что типология дискурса так же неоднозначна. Существует множество вариантов типологии дискурса. Основными являются типологии Почепцова Г.Г., Яворского Г.М., Бацевича Ф.С., Карасика В.И.

Так, например, Почепцов Г.Г. выделяет такие виды дискурса, как: «теле- и радиодискурс, газетный, театральный, кинодискурс, литературный, дискурс в сфере «паблик рилейшнз», рекламный, политический, тоталитарный, неофициальный, религиозный, неправдивый, ритуальный, этикетный, фольклорный, мифологический, праздничный, невербальный, межкультурный, визуальный, иерархический, иронический» [9, с. 116; 8].

Яворская Г.М. классифицирует дискурсы иначе. Данный автор выделяет группы дискурсов по принципу построения коммуникации; по практической цели применения; по сфере функционирования; по коммуникативной ситуации и др [10].

Карасик В.И. классифицирует дискурс по двум основным типам: персональным (лично-ориентированным) и институциональным. В персональном типе дискурса говорящий представляет из себя личность во всем богатстве внутреннего мира, а во втором случае - представитель определенного социального института. Автор выделяет 15 видов институционального дискурса: «политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный виды институционального дискурса» [6, с. 194]. Персональный же дискурс разделяется на бытийный и бытовой.

В данной статье рассмотрены прагматика и употребление форм императива в персональном дискурсе и некоторых видах институционального дискурса, анализ проведён по двум критериям. Первый критерий - насколько востребован императив в том или ином дискурсе для выражения каузативного значения. Второй - насколько часто формы императива употребляются в прямом значении, и как часто - в транспозиционном (переносном). При транспозиционном употреблении форма повелительного наклонения не имеет значения побуждения к действию и обладает рядом формальных свойств, нехарактерных для прототипических употреблений императива (например, форма императива 2-го лица может употребляться с местоимением 1-го / 3-го лиц - *умри она, никто не вспомнит*).

Употребление императива в институциональном дискурсе имеет свою специфику, так как данный дискурс представляет собой «специализированную клишированную разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [6, с. 195]. Общение в рамках тех или иных институтов имеют свой алгоритм, и для оптимального и быстрого выполнения этого алгоритма разрабатываются речевые клише. Подвиды институционального дискурса обладают разной степенью клишированности и разной частотой употребления императивных форм в данных клише.

Наиболее клишированный индекс - юридический. В его рамках тональность общения крайне официальная и отстранённая. Данный дискурс связан с законодательной терминологией, где ценна каждая формулировка.

Основу юридического дискурса составляют правовые документы, где каузативное значение всегда выражено без помощи форм повелительного наклонения, но, например, возвратными глаголами (*полагается, предписывается, запрещается*), инфинитивами (*встать, суд идет; суд постановил **выплатить***). Формы повелительного наклонения используются только в устной речи и только в прямом значении: *подсудимый, встаньте; потерпевший, встаньте*

Административный и деловой виды дискурса также являются крайне клишированными, но тональность коммуникации менее официальная, чем в предыдущем случае. В рамках административного дискурса происходит взаимодействие с сотрудниками государственных учреждений, составляются объявления и инструкции. Деловой дискурс используется в следующих сферах: «производство и его финансирование, покупка и продажа услуг и товаров, ремонт товаров, страхование, переговоры по перечисленным видам статусно-ролевых взаимоотношений» (гейм)

Так же, как и в предыдущем виде дискурса, в письменной речи каузативное значение может передаваться при помощи клише с перформативами (*просьба подойти в кабинет №...,*

просьба подать документы, убедительная просьба не ...), при помощи возвратных глаголов (*сообщается, ожидается, рассматривается, ...категорически запрещается*), инфинитивов (*хранить в сухом прохладном месте*). Используются и формы повелительного наклонения, но реже: *Уважаемые сотрудники и студенты института, просим Вас, уважайте труд уборщиков!*

В устной речи клише меньше, преобладает употребление императива только в прямом значении: *Поставьте здесь свою печать! Укажите здесь свои данные! Распшиитесь рядом со своей фамилией! Передайте мне копию документа.*

Военный дискурс характеризуется исторической изменчивостью, так как имеет межвременный актуальный характер. Отношения между участниками в рамках военного дискурса строго регламентированы, поскольку здесь находит место понятие субординации. В военной документации используются те же средства выражения каузативности, что и при административном дискурсе.

В устной речи каузация выражается специфическими средствами, этой цели служат военные команды. В качестве военных команд служат следующие языковые единицы:

- прямые и искажённые формы императива русского глагола в ед.ч. – *рота стой, рота разойдись, в одну шеренгу становись стройсь от стройся, равняйсь от равняйся, пли от пали;*
- наречия – *налево, направо, кругом, смирно, вольно;*
- существительные – *вспышка справа, вспышка слева, автоматы на грудь, шагом марш*
- инфинитивы – *отставить!*

Таким образом, в военном дискурсе формы императива редко используются для выражения каузации, а если и используются, то только в прямом значении.

В педагогическом и медицинском дискурсе употребление становится более частотным и разнообразным, чем в предыдущих видах дискурса. Императивы всё так же употребляются только в прямом значении. Наоборот, официальных клише в данных видах дискурса меньше. Это связано с тем, что агенты института (врачи и педагоги) взаимодействуют с клиентами института (обычными людьми) при помощи устной речи, где клише ощущаются громоздко и тяжело воспринимаются на слух.

Существуют группы глаголов в форме повелительного наклонения, связанные с алгоритмом взаимодействия агента и клиента института. В медицинском дискурсе это следующий алгоритм: «1) пациента приглашают в кабинет, 2) пациент раздевается и ложится на кушетку, 3) один из присутствующих врачей осматривает пациента, 4) пациент одевается и возвращается в прихожую, 5) врач, который произвел осмотр, диктует результаты своему коллеге, затем они обмениваются мнениями либо врач сам делает записи в рабочем журнале, 6) приглашают следующего пациента» [6, с. 195]. Соответственно, часто употребляются формы типа *следующий, пройдите! Прилягте на кушетку! Поднимите майку! Дышите! Не дышите!*

Императивы в педагогическом дискурсе тесно связаны с ходом урока и его этапами, потому часто встречаются императивы вроде: *Откройте свои дневники и запишите домашнее задание! Откройте контурные карты!* Множество императивов встречается в заданиях в учебнике: *Прочитай стихотворение. Подчеркни слова, которые употребляются и в прямом, и переносном значении.*

Также возможно использование императива как сигнала к активизации конкретного действия, которое может быть предусмотрено рамками ситуации. Подобное применение императива специфично не только для школьного дискурса, но и в любой ситуации между учителем и учеником. Например, в рамках спортивного дискурса: *Ноги на ширине плеч! Руки перед грудью! Упражнение начинай на раз, два, три!*

Рекламный дискурс характеризуется непрерывным и концентрированным воздействием на слушателя. Каузация в большинстве случаев выражается формами повелительного наклонения. Эти формы, как и в предыдущих видах дискурса, чаще имеют прямое значение каузации. Наблюдается тенденция к замене императива глаголов «купить», «приобрести»

более образными или завуалированными глаголами: *Бросай курить, вставай на лыжи! Не тормози – Сникерсни! Не кисни- на радуге зависни!*

Нередко встречаются и иные, косвенные способы передачи каузации: *Время купить квартиру по выгодной цене! Только сегодня: купи одну вещь, вторая в подарок! Уникальное предложение: вещи из Европы по низкой цене!* Нередко встречаются побудительные конструкции с вопросами: *Надоели проблемы с кожей? Тебе поможет наше новое средство от угревой сыпи! Хотите хорошо провести вечер? Наш клуб ждёт вас!*

Религиозный дискурс весьма ритуализирован, большинство текстов строго зафиксированы и клишированы. В данном дискурсе наблюдается особая форма императива – молитвы. В этой разновидности текстов присутствуют устаревшие русские глаголы в форме повелительного наклонения: *Отче Наш, Иже еси на небесах! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое... хлеб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам грехи наши, яко и мы оставляем должникам нашим.* Для молитв характерно употребление императива в прямом значении просьбы (*хлеб наш насущный даждь нам*) и в переносном значении пожелания (*Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое*).

Формы императива в Библии и других религиозных текстах используются для поучения паствы: *Не убий, не укради, да прилепится муж к жене своей.* В притчах, пророческих текстах, Ветхом и Новом Завете императив используется в косвенной речи, чтоб передать слова святых, о жизни которых говорится в этих текстах: *говорю тебе (обратился Он к расслабленному): встань, возьми постель твою и иди в дом твой...*

Персональный дискурс, в отличие от институционального, характеризуется гораздо меньшей клишированностью и обилием транспозиционных значений, которые приобретают формы повелительного наклонения.

Данная особенность наиболее заметна в бытовой разновидности персонального дискурса. Спецификой бытового общения является его использование в разговорной речи. Этот тип дискурса характеризуется спонтанностью, сильной ситуативной зависимостью, ярко выраженной субъективностью, нарушениями логики и структурной оформленности высказываний.

Помимо прямых, каузативных значение императива (приказание, просьба, совет, требование, предупреждение, разрешение и т. д.) в устной речи часто наблюдаются и переносные значения. К таким относятся пожелание (*не дай бог, будь оно неладно, храни вас бог*), долженствования (*ещё не поел, а уже за это заплати*), побудительного условия (*ищите и обряцете*), условно-уступительное (*что ни сделай – всё ему не так*)(корпус). При помощи императивов происходит описание людей и ситуаций (*оторви да выбрось, девочка подай-принеси, хоть в гроб укладывай, хоть в могилу ложись, хоть в петлю лезь, хоть вешайся*) [4]. При помощи этой формы глагола выражается сарказм (*поищи дураков (подешевле), держи карман шире, ну да, надейся*), удивление (*кажи на милость, скажи пожалуйста*) и других эмоций. В добавок, в бытовом дискурсе наблюдается целый пласт языковых конструкций, в котором императив потерял каузативное значение и служит только для придания экспрессивности (*то и знай, того и гляди, того и жди, того и смотри, только держись, хоть убей и т.п.*).

Бытийный дискурс характеризуется развернутым характером, попыткой продемонстрировать всю внутреннюю красоту говорящего при помощи использования всех форм речи литературного языка. По словам Карасика В.И., такое общение содержит в себе в основном монологический характер и может быть представлено в произведениях художественной литературы, а также философских и психологических текстах» [6, с. 385]. В произведениях художественной литературы описаны самые разные ситуации взаимодействия людей, как бытовые, так и институциональные. Бытийный дискурс характеризуется наиболее богатой прагматикой императивных конструкций, так для выразительности в художественных текстах используются средства как бытового, так и институционального дискурса.

В ходе исследования функций императива в различных дискурсах мы пришли к следующим выводам. Во-первых, для персонального дискурса, в отличие от институционального, характерно употребление императива в переносном значении. Во-вторых, в рамках многих видов институционального дискурса частота употребления императива разнится в зависимости от формы текста, устной или письменной.

Список литературы

1. Арутюнова, Н.Д. Дискурс [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. - М. : Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
2. Геймутова, Н.К. Лингвистические особенности делового дискурса [Электронный ресурс] // Молодой ученый. — 2016. — №2. — С. 886-891. — URL <https://moluch.ru/archive/106/25391/> (дата обращения: 16.05.2019).
3. Демьянков, В.З. Текст и дискурс как термины и слова обиходного языка [Электронный ресурс] / В.З. Демьянков. — <http://www.infolex.ru/Txtlsvol.htm> (Дата обращения – 31.04.2019)
4. Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru/Императив> (Дата обращения 04.05.19).
5. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса [Текст] / М. Макаров. - М.: Гнозис, 2003.-276, [1] с.
6. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
7. Карамова, А.А. Текст и дискурс: соотношение понятий [Текст] / А. А. Кармаева // Вестник ЮУрГУ. Серия лингвистика. Том 2. - 2013. - №3. – С. 19-23.
8. Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации / Георгий Почепцов. - М. : Рефл-бук : Ваклер, 2001. - 651 с. : табл.; 21 см
9. Рюкова, А.Р. К вопросу о классификации дискурса / А.Р. Рюкова // Вестник Башкирского университета. - 2016. - Т. 21. №1. - С. 115-119.
10. Яворская, Г.М. Прескриптивная лингвистика как дискурс (методологический, социолингвистический, этнокультурный аспекты) : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.15. - Киев, 2000. - 38 с.

10.02.01

М.Т. Фахрутдинова канд. филол. наук

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова,
Психологический факультет, кафедра русского языка и языкознания,
Казань, 79050384037@yandex.ru

ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Проблема развития словарного состава русского литературного языка занимает весьма значимое место в современной лингвистике. Существует два универсальных способа пополнения словарного запаса: формирование слов на базе ресурсов самого языка по словообразовательным моделям и заимствование. В данной работе анализируются различные подходы и классификации способов образования слов, а также приводятся наиболее продуктивные модели словообразования в современном русском языке.

Ключевые слова: словообразование, аффиксация, морфологический способ, семантический способ.

Актуальность работы определяется попыткой систематизировать активные процессы в словообразовании современного русского языка. В зависимости от использования в акте словообразования формальных средств оно может делиться на словопроизводство (при использовании аффиксальных средств), словосложение (при участии в акте словообразования двух и более полнозначных единиц), конверсию (при переходе слов из одной части речи в другую), аббревиацию (при наличии сокращения исходных слов) и т.п. Образование новых слов (с помощью формальных средств) нередко именуется также деривацией, производные же и сложные слова как результаты процесса деривации обозначаются тогда общим термином дериваты. В зарубежной лингвистике существует тенденция приравнивать словообразование к деривационной морфологии как учению о формальных свойствах дериватов и реализующих их морфологических структурах [2, с. 5].

Для синхронного описания системы словообразования первостепенную важность имеет изучение строения (структуры) слов современного языка. Объектом наблюдения и исследования является слово – основная структурно-семантическая единица языка, служащая для наименования предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфичных для каждого языка, и обладающая такими характерными признаками, как семантическая цельность, функциональная автохтонность, воспроизводимость в речи.

Предметом словообразования как особого раздела науки о языке является структура слова, которую можно вскрыть путём сопоставления слов в качестве основного метода анализа как отдельного слова, так и всей словообразовательной системы в целом. Главной задачей словообразования является изучение закономерностей и особенностей словообразовательного моделирования во всех его аспектах: с одной стороны, формальном и содержательном, а с другой – генетическом и процессуальном. Словообразование отражает не только пути пополнения лексического состава, но и пути создания определённых грамматических категорий, так как все вновь созданные слова, входя в язык, грамматически и формально оформляются.

В отечественном языкознании нет однозначного подхода к вопросу о способах словообразования. Существуют различные традиции отечественных лингвистических направлений. В соответствии с концепцией ученых Казанской лингвистической школы (В.М. Марков, Э.А. Балалыкина, Г.А. Николаев, Т.М. Николаева) выделяются два основных способа словопроизводства: морфемный (или морфологический) и неморфемный (или семантический). Каждый из этих способов имеет несколько разновидностей, однако все они объединены в два способа на основании общих характеристик [1, с. 24].

Морфологический (морфемный) способ – один из основных способов русского словопроизводства. Семантический (неморфемный) способ – также один из основных способов русского словообразования – основан на изменении семантики исходного (производящего) слова.

Существуют и другие точки зрения по поводу способов словообразования. Взгляды И.А. Бодуэна де Куртенэ и его старших казанских учеников развивались представителями более молодого поколения русских лингвистов, работавших в другом русском университете – Ленинградском. Из них остановимся лишь на трудах академика Л.В. Щербы, взгляды которого, хотя и находились под влиянием его учителя, но обладали большой новизной и оригинальностью, что не позволяет относить его полностью к Казанской лингвистической школе. Л.В. Щерба устанавливает два главных способа образования новых слов: 1) «путём слов, образуемых от уже имеющихся в языке посредством более или менее производительных суффиксов»; 2) «обозначение новых понятий путём нового применения старых слов» (куда входит калькирование, заимствование иноязычных слов и новое применение своих слов) [5, с. 56].

Существует и другая точка зрения на способы словообразования, которую обосновали ученые Московской лингвистической школы. Определение школы Ф.Ф. Фортунатова как «формальной» должно пониматься не в смысле исключения языкового содержания в пользу языковой формы, но в смысле определения пути исследования языка – от формы к содержанию, и, шире, от наблюдаемых фактов – к ненаблюдаемым. Московская лингвистическая школа представлена взглядами таких ученых, как Н.М. Шанский, И.С. Улуханов, Н.Ю. Шведова, В.В. Лопатин, И.Г. Милославский, А.Н. Тихонов. Так, И.Г. Милославский на основе отношений между производящим и производным словом выделяет: а) морфологический способ словообразования; б) сращение и сложение. Кроме этого, он выделяет словообразовательные отношения, представляющие собой контаминацию описанных выше типов: сложение с суффиксацией, сложение с субстантивацией, сращение с суффиксацией [4: 47].

Другой представитель Московской лингвистической школы Е.А. Земская выделяет несмешанные (простые) и смешанные способы. К несмешанным способам словообразования относятся следующие: суффиксация, префиксация, постфиксация, субстантивация прилагательных и причастий, сложение, сращение, аббревиация.

В смешанных способах словообразования соответствующие средства по-разному комбинируются, и, таким образом, формант равен сочетанию формантов, принадлежащих несмешанным способам (двум или трем). В русском языке имеются следующие смешанные способы словообразования: префиксально-суффиксальный, префиксально-постфиксальный, суффиксально-постфиксальный, префиксально-суффиксально-постфиксальный, суффиксально-сложный, префиксально-суффиксально-сложный, сращение в сочетании с суффиксацией. [3: 89].

Учитывая все вышеизложенные классификации и мнения ученых-лингвистов, следует отметить, что в современном русском языке продуктивными являются следующие способы:

В морфологическом способе выделяются 3 активные модели:

1. Аффиксация: префиксация (со-автор, от-мыть); постфиксация (болтать-ся, кому-то); суффиксация (мудр-ость, ходь-ба); конфиксация (под-окон-ник, обез-глав-ить).

2. Сложение: интерфиксация (лес-о-степь, русск-о-словацкий); сложение с суффиксацией (железн-о-дорож-ный, пар-о-ход).

3. Включение: передовица (в газете), пятилетка (план).

В семантическом способе выделяется также 3 продуктивные модели образования слов:

1. Симпликация: метафора (золотая осень, высокая мода); метонимия (пить из хрусталя (из хрустальной посуды)); синекдоха (борода (человек с бородой) молчит); субстантивация (снотворное, булочная, сытый голодного не понимает); адъективация (раненый стонет); адвербализация (шутя поднял тяжесть).

2. Сращение: первого типа (быстрорастворимый, долгоиграющий) и второго типа (шкаф-купе, платье-халат).

3. Включение: – с опущением определяемого слова: передовая (в газете), гончая, борзая (собаки); – с опущением зависимого слова: (сахарный) песок, (атмосферные) осадки.

Таким образом, язык представляет собой живую подвижную систему, которая изменяется и развивается вместе с изменением и развитием истории и мышления народа – носителя данного языка. Одним из самых сложных процессов, происходящих в языке, является процесс словообразования, так как он пронизывает все уровни языка. Образованное слово становится элементом морфологической системы языка, и тогда предметом изучения является его принадлежность к определенной части речи и морфологические категории, представленные в системе его форм и значений. Производное слово является также объектом изучения в фонологии, где встаёт вопрос о слогоделении и ударении. Связь словообразования и лексики заметна в процессе пополнения словарного состава языка. Лексическое значение производного слова является результатом семантического взаимодействия производящих основ и словообразовательных аффиксов. Словообразование не только ставит вопрос о том, как образуются слова, но и изучает строение и соотношение уже существующих в языке слов.

Список литературы

1. Балалыкина, Э.А., Николаев, Г.А. Русское словообразование / Э.А. Балалыкина, Г.А. Николаев. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1985. – 183 с.
2. Гурчиани, М.Т. Композиты в русском языке новейшего периода. автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет. Казань, 2009.
3. Земская, Е.А. Современный русский язык. Словообразование / Е.А. Земская. – М.: Просвещение, 1973. – 367с.
4. Милославский, И.Г. Как разобрать и собрать слово: Книга для учащихся / И.Г. Милославский. – М.: Просвещение, 1993. – С. 192.
5. Щерба, Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I / Л.В. Щерба. – Л., 1958. – 182 с.

10.02.04 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

10.02.04

О.П. Емельянова

Московский Государственный Технический Университет им. Н.Э. Баумана,
факультет специального машиностроения,
кафедра лингвистики,
Москва, emelyanova@bmstu.ru

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАТЬИ АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Работа посвящена структурно-композиционным, лексико-грамматическим и стилистическим особенностям жанра научной статьи. Анализ текстовой организации и языкового оформления считается актуальным, поскольку навык написания академической статьи составляет важнейшую компетенцию ученого и служит условием успешной реализации результатов исследовательской деятельности в современном научном сообществе. Анализ языкового материала позволяет сделать вывод о наиболее ярких характеристиках данной жанровой формы.

Ключевые слова: жанр, академический дискурс, институциональность.

В зависимости от сферы человеческой деятельности использование языка приобретает особый характер. Язык реализуется в форме высказываний участников ситуации общения. Специфические условия и цели коммуникации отражаются в триединстве тематического содержания, языкового стиля и композиционного построения. Каждая область использования языка формирует собственные «относительно устойчивые типы высказываний», называемые речевыми жанрами [1].

Многообразие сфер речевой деятельности определяет богатство речевых жанров. К речевым жанрам можно отнести и однословные реплики диалога при том, что виды бытового диалога многообразны в зависимости от его темы, участников и условий; и письмо во всех его формах, и короткую военную команду, и развернутый приказ, и репертуар стандартных деловых документов, и публицистические и научные выступления, и все литературные жанры. Может сложиться мнение, что такая «функциональная разнородность» [там же] ставит под сомнение существование единой основы в отношении принципов классификации жанров.

Важным моментом является разграничение первичных (простых) и вторичных (сложные) жанров. Первичные жанры рассматриваются как высказывания, порождаемые в результате непосредственного речевого общения. Вторичные жанры возникают в условиях более сложного культурного взаимодействия и складываются в рамках художественного, научного и публицистического стилей. В процессе своего формирования они вбирают в себя и преобразуют первичные жанры. Последние, трансформируясь, приобретают особый характер. Они утрачивают отношение к реальной действительности и чужим высказываниям. Например, реплики бытового диалога в романе, сохраняя свою форму и замысел, приобретают свойства литературно-художественной, а не бытовой жизни в силу вхождения в канву художественного нарратива. Изучение многообразия жанровых форм имеет большое значение. Любая исследовательская работа над языковым материалом имеет непосредственное отношение к конкретным высказываниям, откуда ученый черпает языковые факты. Отчетливое представление об особенностях речевых жанров позволяет наиболее полно раскрыть природу высказывания.

Жанрообразующими признаками любого текста принято считать коммуникативную цель, тематическую определенность, композиционный стандарт и стилистическое оформление. В этом плане жанр научной статьи предполагает обоснование темы, описание степени ее изученности, формулировку гипотезы, ее доказательство и последующие выводы. Композиционная особенность жанра статьи состоит в последовательной организации ее составных частей и использовании средств и способов выражения логической связи между ними. Стилистический аспект научного текста заключается в целенаправленном отборе лексических единиц, грамматических структур и синтаксических конструкций [7]. Совокупность жанровых проявлений может образовывать кластеры, которые формируют жанровую систему. В частности, формат такого коммуникативного события как конференция предполагает использование разнохарактерных по цели и, соответственно, по оформлению видов/подтипов определенного жанра (в ряде случаев не вполне правомерно квалифицируемых как самостоятельные жанры), таких как информационное письмо, программа, тезисы, сообщение, доклад и аннотация доклада, статья, рецензия, обзор, комментарий. Жанровая система академического дискурса структурирует институциональное общение, обуславливая его клишированный характер, и формирует профессиональную среду коммуникации.

Согласно концепции разграничения внутренней и внешней лингвистики [4] в качестве одного из критериев определения жанровой принадлежности текста могут быть приняты экстралингвистические факторы, в том числе, принадлежность к дискурсивному сообществу. На этом основании можно определить не только жанр текстового произведения (научный/научно-популярный/публицистический), но и его вхождение в определенное, возможно, ограниченное профессиональной принадлежностью коммуникантов дискурсивное пространство.

Жанр как исторически и культурно обусловленный способ решения коммуникативной задачи способствует реализации цели академического общения [2]. Одним из наиболее значимых жанров академического письменного дискурса является научная статья. Это коммуникативное явление имеет четко определенную цель, типовую структуру, состав участников и отличается особыми жанровыми и формальными характеристиками.

Жанр статьи можно охарактеризовать как форму текста статусно-ориентированного типа дискурса [6]. Процесс формирования, передачи и восприятия научных знаний опосредован действующей в профессиональном сообществе системой институциональных норм, которые формируют ряд требований к такого рода коммуникации. Участниками научного дискурса являются представители научной общественности, при этой особенностью данного типа общения является принципиальное равенство всех участников научного общения в том смысле, что никто из исследователей не претендует на абсолютную истину. Вместе с тем задача ученого состоит не только в том, чтобы создавать, оценивать и передавать знания общественности, но и готовить новых ученых. Поэтому исследователи обнаруживают различные статусно-ролевые характеристики: ученый-исследователь, ученый-педагог, ученый-эксперт.

Применительно к жанру научной статьи, общение обусловлено официально-деловой средой, где автор статьи, выступая экспертом и адресуя свой текст сообществу специалистов, занимает по отношению к ним равное положение. Письменный модус передачи информации посредством электронного или бумажного носителя характеризует асинхронность и опосредованность акта коммуникации третьей стороной - редакционной коллегией журнала. Такие социолингвистические характеристики коммуникативной ситуации формируют особенности структурной организации жанра статьи и ее лексико-грамматическую определенность.

Согласно существующим нормам логики изложения, в структуре научной статьи необходимо наличие реферативного раздела, основного тематически-информативного раздела со всеми конвенциональными подразделами и вспомогательного аппарата [8]. Конститутивными признаками научной статьи являются тематическая направленность, композиционное единство и стилистическое оформление.

Большинство журналов предписывают соответствие научной статьи общепринятому формату IMRaD (Introduction, Methods, Results, and Discussion). Однако многие иностранные издания разрабатывают ряд особых требований различного характера и публикуют их в открытом доступе в разделе «Guide for Authors». Так, например, одним из обязательных требований журнала *Linguistics and Education* является наличие тезисов статьи (Highlights), высвечивающих основные моменты научной работы.

Анализ ряда статей, опубликованных в данном журнале, дает возможность сделать некоторые выводы в отношении лексико-грамматических и синтаксических особенностей англоязычной академической статьи. Стиль написания научных публикаций значительно отличается от стиля литературно-художественных произведений или от стиля публицистических статей в ненаучных журналах.

Лексика научной статьи, как правило, характеризуется использованием литературных слов, общенаучных терминов и узкоспециализированных терминов [5]. Стремление к объективности в изложении фактов и результатов научного исследования определяет отбор стилистически нейтральной общеупотребительной лексики. Отсутствие выразительных средств и стилистических фигур для придания речи эмоциональной насыщенности и образного характера определяет сухость научных формулировок. (1) *This paper reports on the findings of an ethnographic study of three EAP teaching-learning contexts in Australia and relates the pedagogy of these classrooms to theories of critical thinking identified by Davies and Barnett* [14]. Вместе с тем научные лингвистические статьи могут обнаруживать яркие эмоционально окрашенные словосочетания. (2) *Students are invariably strongly motivated to learn, but at the same time desperately anxious to pass whatever language test faces them* [14]. Экспрессивность научного текста достигается за счет использования качественных прилагательных, которые несут оценочное значение и помогают подчеркнуть важность того или иного факта.

Так как стилеобразующим фактором жанра научной статьи является точность передачи информации лексический состав научного текста обнаруживает высокую терминологическую насыщенность, потому что основное требование к работам этого жанра состоит в том, чтобы передаваемая информация обеспечивала адекватное понимание изучаемого вопроса. Термины, характеризуясь моносемантичностью, позволяют ёмко определить специальное понятие и избежать двусмысленности в интерпретации сути исследуемого явления.

Существенная проблема терминоопределения заключается в том, что разнохарактерность и различие в источниках и способах создания терминов предполагают возможность их характеристики (классификации по некоторым параметрам). В частности, в плане структурной организации термины можно разграничить на следующие группы: простые (dialogism, scaffolding, criticality), и сложные термины (translanguaging, consensus-oriented, uncooperativeness, transcultural, interpenetration, self-reflection), словосочетания (frame analysis, dialogic potential, multilingual context, discourse community, social ideology) и аббревиатуры (EAP - English for Academic Purposes, IRE/F - Initiate, Response, Evaluate, Follow up; ELF - English as a Lingua Franca). Проявлением связей внутри терминологии можно считать наличие типичных для данной системы структурных моделей, то есть терминологических сочетаний определенного типа, по которым происходит образование терминов.

Исторический фактор явился причиной богатства статьи как жанровой формы академического дискурса лексемами латинского и греческого происхождения. Достижения этих древних цивилизаций послужили основой развития науки и образования новых научных терминов, поэтому значительная часть научной терминологии имеет латинские и греческие корни. Этот факт позволяет сгруппировать термины по источнику (или языку), из которого термин заимствован. К словам латинского происхождения относят такие как *datum, formula, medium*. Примерами греческого происхождения являются: *analysis, hypothesis, thesis*. Академический английский также оперирует латинскими словообразовательными морфемами (префиксами *ad-, con-, de-, ex-, in-, ob-, per-*; и суффиксами: *-anous, -iare, -itare, -tor-, -or*) [10]. В рамках научного стиля латинизмы и грецизмы служат стилеобразующей

функцией. Входя в академическое понятийное поле в силу их однозначности и универсальности, они способствуют терминологическому единообразию научного текста в целом.

Научный стиль предполагает использование в тексте статьи формальных глаголов с общим значением, которые имеют синонимы в бытовом стиле. Так, например, эквивалентом глагола «*to get*» является один из следующих глаголов: «*to obtain*», «*to determine*», «*to establish*». Описать цель исследования помогут такие глаголы, как «*to investigate*», «*to analyze*», «*to examine*», которые служат заменой общеупотребимому глаголу «*to study*».

Статус научной статьи обуславливает необходимость доходчиво и логически последовательно излагать объемный материал. По этой причине синтаксическая структура должна быть строгой в плане грамматического оформления и стереотипной. Сложные синтаксические конструкции реализуются в тексте сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями с разными типами придаточных. (3) *By providing «designed-in scaffolding» - scaffolded tasks and worksheets-, he maintained a «hands-off» presence, encouraging the students to make meaning and engage with ideas for themselves* [14].

Еще одной важной чертой научного стиля является информационная насыщенность. Использование сложных предложений позволяет увеличить объем информации и расширить смысловое поле за счет введения дополнительных синтаксических единиц.

Последовательность и ясность изложения достигается за счет использования средств формальной и семантической когезии (*as a result, instead of, in connection with, thanks to, according to, thus*), вводных конструкций (*in addition, on one hand, on the other hand, according to*) и союзов (*despite the fact that, while, because*). Такие структуры позволяют добиться большей связности научного текста, способствуют формированию логики рассуждений, подводят к выводам и вербализации авторской позиции.

Научный стиль предполагает детальную продуманность речи и ее тщательное оформление. По этой причине текст научной статьи обнаруживает полные, а не редуцированные формы глагола (*We'd, It's, They've, You're*) и отрицательных частиц (*isn't, weren't, don't, won't*). (4) *Many EAP students do not have a great deal of experience in critical reading and critical thinking* [14]. (5) *Critical thinking is not a uniquely western concept* [14].

Авторская оценка фактов находит свое лексико-грамматическое выражение в категории модальности, представленной модальными глаголами (*can, could, may, might, should*). (6) *We will at present ignore the properties of such transformations, which in general may be viewed as local and global derivational constraints upon finite sequences of phrase markers* [14]. В данном случае модальный глагол сообщает высказыванию модус предположительности, то есть неполной уверенности в возможности абсолютного следствия при создавшихся условиях, равно как и в предложении, приводимом далее. (7) *Students can be challenged to achieve well beyond their current capacity* [14].

Другим средством выражения авторского отношения служат наречия. Употребляемые в так называемой комментативной (надпропозициональной) функции с целью усиления категоричности мнения. (8) *They will surely be beyond these basic language skills* [14].

В связи с необходимостью трансляции большого количества информации, английский академический дискурс тяготеет к экономии языковых средств. Употребление многокомпонентных словосочетаний дает возможность передачи большего объема информации, используя при этом минимум грамматических средств. Эта особенность научного текста проявляется в использовании именных атрибутивных конструкций, двучленов или трехчленов: *language entry test procedures, contact zone, pedagogy approach, language code, discourse analysis, at-a-glance overview*. Примерами языковой компрессии служат также аббревиатуры (*EAP - English for Academic Purposes, IRE/F - Initiate, Response, Evaluate, Follow up; ELF - English as a Lingua Franca*). По той причине, что такие сложные составные термины не имеют эквивалентов и при этом часто повторяются, аббревиатуры представляют собой явления двойственного характера. С одной стороны они позволяют «экономно» сжать большой по объему семантический элемент до одной лексемы, а с другой -

затрудняют процесс понимания, обусловленный когнитивным механизмом декодирования скрытого смысла.

В традициях современного научного стиля первоочередное значение придается описанию научных методов, инструментов и объекта исследования. Популяризация научных открытий находит свое отражение в ряде языковых явлений, например использование пассивного залога. (9) *This perspective has been widely adopted in the teaching of academic reading* [14].

Как показывают примеры, субъект высказывания не несет большой смысловой нагрузки, и поэтому может исключаться из предложения или быть представленным в обобщенном виде. В этом случае конструкции пассивного залога выполняют функцию отстранения субъекта речи и сообщение понимается в модусе общепринятого утверждения, не требующего доказательств или дополнительных пояснений. Следует отметить, что многими зарубежными изданиями специально оговаривается требование не использовать пассивные конструкции. Предпочтение отдается нормативной грамматике активного залога как наиболее характерного для передачи любого типа фактической информации. (10) *Rationalization overlaps with Moral Evaluation, in the sense that the reasons and purposes given for the procedures evoke value systems which are taken for granted and constitute the 'generalized' motives* [12].

Активный залог выполняет важную функцию обобщения фактов действительности, подведения итогов и представления результатов проделанной работы (*We developed..., We defined..., The results suggest...*). Жанр академической статьи обнаруживает поочередное использование конструкций пассивного и активного залога. (11) a) *So, text analysis is an essential part of discourse analysis, but discourse analysis is not merely the linguistic analysis of text.* b) *I see discourse analysis as "oscillating" between a focus on specific texts and a focus on what I call the "order of discourse"* (c) *Critical discourse analysis is concerned with continuity and change at this more abstract, more structural, level, as well as with what happens in particular texts. The link between these two concerns is made through the way in which texts are analyzed.* d) *Text analysis is seen as not only linguistic analysis; it also includes what I have called 'interdiscursive analysis' ...* [12].

Данный дискурсивный сегмент [3], или фрагмент текста, содержит изложение как собственной авторской позиции, так и чужого мнения в плане соотношения лингвистических понятий анализа дискурса и текста. Нулевая модальная рамка характеризует высказывание (a) с точки зрения истинности и представляет данное утверждение как знание автора. Форма активного залога настоящего неопределенного времени перцептивного глагола *see* вводит пропозицию мнения пишущего в отношении дискурсивного анализа с точки зрения уверенности автора в достоверности такого положения дел (b). В таком случае высказывание понимается в модусе предположения и поэтому сопровождается пояснением, как формой аргументации (c). Конструкция пассивного залога (d) выражает некоторую степень отстраненности автора от высказываемой точки зрения не столько в плане выражения несогласия или противопоставления мнения автора описываемому положению дел, сколько с целью придать утверждению объективный характер. Таким образом сообщению придается статус априорного, общепринятого, знания. Следовательно, чередование конструкций активного и пассивного залога служит «переключателем» в пространстве представления знания / мнения в диапазоне «свое – чужое». Такая подача информации позволяет читателю оценить приемлемость выдвигаемых положений.

В англоязычных научных публикациях прослеживается тенденция использовать местоимения 1-го лица множественного числа (*We analyzed written questionnaires, Our analysis documented, We found participants were aware of...*). Возможно, это объясняется тем, что личное местоимение *we* как дейктический элемент реализует функцию указания на автора и на лицо или группу лиц, с которыми он себя связывает. Считается, что «сфера говорящего» соотносится с личным местоимением *I*, а указание на «сферу адресата» реализуется с помощью местоимений *you, he, she, they*. В таком случае использование местоимения *we* позволяет сократить дистанцию в пространственных отношениях и максимально приблизить читателя к личности автора [9]. Таким образом авторское “*we*”

может быть обосновано прагматическими целями: читатель оказывается вовлеченным в общий с автором коммуникативный процесс, а применение местоимения рассматривается как риторический способ воздействия в целях убедить читателя в достоверности заявленных в научной работе утверждений.

Научный стиль служит участникам академического дискурса инструментом обмена важной информацией. Используемые в текстах языковые средства должны обеспечивать ее достоверность и объективность. Так, англоязычные статьи обнаруживают характерное преобладание времен группы Present и Past. (12) *Nurturing students' critical dispositions requires delicate scaffolding* [14]. (13) *The role of students' writing experiences has so far not been problematized* [13]. (14) *Students appeared to take performative role, however, in some classes students demonstrated a more intense engagement* [14].

Грамматическая форма настоящего неопределенного времени реализует наиболее естественный способ излагать фактическую информацию, очерчивать проблемное поле научного труда и задавать тему конкретного исследования. Завершенный характер действия, имманентно присущий видовременной форме Perfect, в свою очередь подчеркивает степень изученности явления и указывает на те актуальные аспекты, которые требуют глубокой проработки со стороны всего научного сообщества. Использование формы Past Simple продиктовано необходимостью излагать ход исследования и формулировать выводы там, где наличие данной информации представляется уместным, например в разделе «Методы и Результаты». Данные грамматические формы проявляются в клишированных выражениях, которые системно встраиваются в структурные компоненты статьи в зависимости от коммуникативной задачи, и формируют яркую жанровую особенность академической статьи (*The paper/study reports/argues/investigates/illustrates*). Такой прием позволяет логически оформить текст и придать высказыванию стереотипный характер, что в свою очередь облегчает восприятие информации. Таким образом, стилеобразующим свойством жанра академической статьи является ограниченное использование видовременных форм глагола, что обусловлено целями научной коммуникации.

Научная статья является жанром научного дискурса и представляет собой специфическую модель структурно-композиционной и языковой организации текста, сформированной экстралингвистическими факторами коммуникации. Поскольку статья является формой институционального дискурса, общение осуществляется в рамках статусно-ролевых отношений в профессиональном сообществе. Научная публикация представляет собой механизм, позволяющий в письменной форме представить результаты исследования в соответствующей специализированной области. Стилеобразующими признаками данной жанровой формы являются: ясность и точность формулировок, логичное и доходчивое изложение научной мысли, стремление к объективности суждений. Так как в языке отсутствуют маркеры объективности, то высказывание может быть признано таковым только на основании глубокой и непротиворечивой аргументации. Специфика академической статьи выявляется в таких языковых явлениях как использование ограниченного ряда временных форм глагола; преимущественное преобладание активного залога; использование средств языковой компрессии, аббревиатур и атрибутивных конструкций; сложносоставные предложения с разными видами подчинительной и сочинительной связи; плотная терминологическая насыщенность и клишированность речи. Владение жанром академической статьи является важнейшей компетенцией, которая позволяет исследователю внести соизмеримый вклад в развитие научной мысли.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Литературно-Критические Статьи. М.: «Художественная литература», 1986. 546 с.
2. Бурмакина Н.Г. Дискурсивно-интегративные и культурно- конвенциональные характеристики академической коммуникации: дис. канд. филол. наук. – Красноярск, 2014. – С. 150-153.
3. Варгина Е.И. Научный текст: функция воздействия: дис. док. филол. наук. – Спб, 2005. – С. 53-59.
4. Де Сосюр Ф. Труды по языкознанию. М.: «Прогресс», 1977. – С. 23-28.
5. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. – 5-е изд.– Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – С. 133-134.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. – С. 256-261.
7. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.
8. Попова Т.Г. Параметры научно-технической статьи (на примере испанского языка) // Вестник ОГУ. – 2004. – Т. 11. – С.149–153.
9. Советов И.М. Личные местоимения в текстообразовании // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2009. – № 2. – С. 125–129.
10. Сухомлинова М.А. Современный англоязычный академический дискурс: генезис и жанровая специфика. Таганрог: Южный федеральный университет, 2018. – 208 с.
11. Bacon S.K., Kim S.Y. “English is my only weapon”: Neoliberal language ideologies and youth metadiscourse in South Korea // Linguist. Educ. 2018. Т. 48. P. 10–21.
12. Fairclough N., Dawson B. Analyzing discourse: textual analysis for social research. London: Routledge, 2003. – 270 p.
13. Kaufhold K. Creating translanguaging spaces in students’ academic writing practices // Linguist. Educ. 2018. Т. 45. С. 1–9.
14. Wilson K. Critical reading, critical thinking: Delicate scaffolding in English for Academic Purposes (EAP) // Think. Ski. Creat. 2016. Т. 22. С. 256–265.

10.02.04

Н.В. Жарёнова канд. филол. наук

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
факультет романо-германских языков,
кафедра теории и практики немецкого языка,
Нижний Новгород, dmitrab@yandex.ru

ГЕЛЬВЕТИЗМЫ В ПЕЧАТНЫХ СМИ

В статье представлены результаты исследования, целью которого стало изучение использования гельветизмов в печатных СМИ Швейцарии. Наибольшее количество гельветизмов отмечается в написанных для швейцарцев статьях, освещающих актуальные события в стране. Преимущественно используются гельветизмы, обозначающие швейцарские реалии.

Ключевые слова: *швейцарский вариант немецкого языка, гельветизмы, печатные СМИ.*

В центре современных лингвистических исследований находятся тенденции развития языков под влиянием процессов глобализации и глокализации народов и их культур. Немецкий язык, являясь языком плюрицентрическим, обслуживающим несколько национальных центров, характеризуется широким спектром задач, достойных лингвистического интереса. Так, возникает вопрос, каким образом Швейцарии удастся балансировать между национальной самобытностью и унифицированным глобализованным европейским сообществом. Немаловажную роль в формировании национальной самоидентификации швейцарцев – далее речь пойдет только о немецкоязычных жителях Швейцарии – играет диалект, так называемый *Schwyzerdütsch*. Диатопическая вариация в немецкоязычном ареале Швейцарии обладает в отличие от других немецкоязычных стран высоким социальным престижем и используется всеми слоями населения в самых различных коммуникативных ситуациях, в то время как немецкая стандартная вариация воспринимается холодно, создает ощущение неестественности общения, по возможности швейцарцами избегается [2]. Более того, эмпирические исследования показали, что швейцарцы недооценивают собственную национальную разновидность стандарта, так как идея плюрицентричности немецкого языка не нашла отражения в их сознании [3]. Стандартная вариация используется преимущественно в письменной сфере коммуникации, в то время как относительно однородный диалект *Schwyzerdütsch* почти безраздельно “захватил” сферу устной коммуникации. Это дает основание для использования такого термина, как «медиа́льная диглоссия» (*mediale Diglossie*) [5]. Следует отметить, что ведущая роль в речевой практике принадлежит не внешним характеристикам средства коммуникации (акустическое vs. визуальное), а факторам, связанным с неформальностью и формальностью, с близостью и дистантностью общения. Соответственно, роль типичного языка близости, который служит для элементарной межличностной коммуникации, берет на себя в Швейцарии преимущественно диалект. За стандартом закреплена преимущественно официальная сфера, письменная речь.

В связи с этим возникает вопрос, насколько печатные СМИ Швейцарии используют именно швейцарский вариант немецкого языка. Целью нашего исследования стало проследить, насколько часто в швейцарских газетах, издаваемых на стандарте, встречаются гельветизмы. Под гельветизмами понимают особые лексические единицы, которые являются нехарактерными немецкому литературному языку за границами Швейцарии [1]. Материалом исследования послужили статьи швейцарской немецкоязычной газеты *Tagesanzeiger*, издаваемой в Цюрихе. Были проанализированы 20 статей общим объемом 12597 слов, размещенных на <https://www.tagesanzeiger.ch/> Статьи носили как информативный характер – их авторы освещали события в Швейцарии и за пределами Конфедерации, так и содержали комментарии тех или иных явлений.

В ходе исследования было установлено, что гельветизмы встречаются в немецкоязычных статьях швейцарского происхождения относительно редко. На 12.597 слов пришелся в целом 251 гельветизм. В процентном соотношении это 1,99% от общего количества слов.

В газетных статьях гельветизмы встречаются тогда, когда необходимы слова, касающиеся какого-либо явления или предмета, присущие только данному ареалу, отражающие швейцарские реалии и не заменяющиеся германскими лексемами. Наглядными примерами таких лексических единиц являются предложения из статей: *SP stoppt eigene Falschaussagen* и *Nicht nur Doris Leuthard kritisiert die Davoser Preise*:

(1) Zwar hat die Verkehrskommission des *Nationalrats* darauf gepocht, dass vom NAF nur Strassenprojekte profitieren sollen, auch im ÖV-Bereich.

(2) Aber es sind nicht nur die Davoser Hotelpreise, die schockieren: 2500 *Franken* die Nacht in einem überpinselten 3-Stern-Hotel, das heute mit 5 Sternen wirbt.

В (1) употребляется слово *Nationalrat*. Это палата парламента, которую можно сравнить с немецким бундесратом. Однако в Швейцарии под термином бундесрат понимается орган исполнительной власти. Так, швейцарский *Nationalrat* не может быть заменен немецким термином, так как оба термина в Швейцарии имеют разные значения, что делает *Nationalrat* еще и семантическим гельветизмом.

Похожую ситуацию наблюдаем и в примере (2). *Frank* в Швейцарии лексема достаточно распространенная, так как означает валюту. Данный гельветизм можно было бы заменить на общенемецкий *Euro*, однако в этом не было бы особого смысла, потому что на территории государства евро хоть и принимают к оплате, но он не является основной валютой страны.

Интересным является факт намеренного избегания употребления гельветизмов в статьях, которые не содержат в себе собственно швейцарского контекста. На некоторых позициях в таких случаях в газетах употребляются слова германского происхождения, в то время как при описании событий в Швейцарии на их месте был бы использован гельветизм:

(3) *Die irakische Flagge weht wieder über den meisten **Vierteln** der Osthälfte von Mosul.*

(4) *Die Schliessung der Stadtautobahn hat das **Quartier** belebt, aber auch verteuert.*

(5) *Für den Neubau der Schulanlage Pfingstweid im stark wachsenden Escher-Wyss-**Quartier** beantragen Stadt- und Gemeinderat 29,48 Millionen Franken.*

В статье (3) употребляется слово *Viertel*, являющееся германским вариантом для швейцарского *Quartier*. Однако в статье данная лексема употребляется вне швейцарского контекста.

В ходе исследования также был проведен анализ, зависит ли частотность употребления гельветизмов от типа статьи. Было установлено, что информационные тексты содержали 137 гельветизмов, а статьи, выражающие какое-либо мнение – 114. И хотя отнесенность текста к какому-либо из типов и не определяет частоту употребления автором гельветизмов, однако тематика играет при этом важную роль. В газетных статьях со швейцарским контекстом встречается значительно больше гельветизмов, нежели в текстах, содержание которых со Швейцарией не связано. Их соотношение составило 9:2. Основная тематика статей с наибольшим количеством использованных гельветизмов касалась права, продуктов, домашнего хозяйства.

Итак, результаты исследования показали, что гельветизмы в прессе являются нечастым явлением. В связи с этим возникает вопрос: «Почему же использование гельветизмов в швейцарской прессе столь невелико?» Согласно исследованиям Р. Шмидлин [4], происходит это потому, что некоторые авторы стараются избегать их употребления, где это возможно. Также некоторые издательства советуют использовать как можно меньше гельветизмов для того, чтобы издание было конкурентоспособным на европейском медиа-рынке и не «раздражало» европейского читателя швейцарскими словами. Однако существующие в швейцарском варианте немецкого языка гельветизмы не могут быть упразднены, потому что являются неотъемлемой частью швейцарской культуры.

Список литературы

1. Домашнев А.И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. – Ленинград: «Наука», 1983г. - 230 С.
2. Жарёнова Н.В. Этнолингвистическая самоидентификация швейцарцев // Язык и культура. – Новосибирск: ООО «Центр развития научного сотрудничества». – 2014. – № 10. – стр. 197-198.
3. Кончук Л.Б. Проблема языкового стандарта в условиях диглоссии немецкого языка Швейцарии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2018. – № 11(89). Ч. 2. – стр. 347.
4. Schmidlin R. Gebrauch und Einschätzung des Deutschen als plurizentrische Sprache // Schneider-Wiejowski, Karina & Kellermeier-Rehbein, Birte & Haselhuber, Jakob (Hg.): Vielfalt, Variation und Stellung der deutschen Sprache. – Berlin/New York: Walter de Gruyter. – 2013. – S. 23-42.
5. Werlen I. Mediale Diglossie oder asymmetrische Zweisprachigkeit? Mundart und Hochsprache in der deutschen Schweiz // Babylonia: Schweizerische Zeitschrift für Sprachunterricht und Sprachenlernen (hrsg. von Stiftung Sprachen und Kulturen). – 1998. - H. 1. – S. 22-35.

10.02.04

Ю.Н. Зинцова канд. филол. наук, И.В. Матвеева канд. филол. наук

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
факультет романо-германских языков,
кафедра теории и практики немецкого языка,
Нижний Новгород, zintsova@mail.ru, iramatweewa@yandex.com

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ МЕЛИОРАТИВОВ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассмотрены возможности систематизации лексики с мелиоративным значением в современном немецком языке. Данное исследование осуществляется с позиций лексико-семантического поля, характеризующегося усложненной структурой. Особое внимание уделяется структурно-системной организации элементов ядерной, околядерной, промежуточной и периферийных частей исследуемого языкового поля.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, мелиоративы, мелиоративная лексика, структура поля, ядро, периферия.

В качестве лексических единиц (ЛЕ) с семантикой мелиоративности в немецком языке выступают имена существительные: *Krümel, Zuckerpuppe, Rambo, Glotzer* (всего 164 ЛЕ), и имена прилагательные: *tadellos, zahlungskräftig, superklug, brav* (99 ЛЕ). Путем анализа были выявлены также синтаксические единицы с семантикой мелиоративности – словосочетания, выполняющие номинативную функцию: *eine ehrliche Haut, blondes Gift, kein Kind von Traurigkeit sein*, и под. (147 ЛЕ). Лексико-семантическое поле мелиоративов в современном немецком языке, таким образом, насчитывает 410 языковых единиц [1, с. 20].

Анализ выявленных лексем и словосочетаний с мелиоративным значением позволяет выделить общие (интегральные) и дифференциальные семантические признаки, что делает возможным рассмотреть их как определенную лексическую систему. Изучение группы немецких слов, несущих в своем значении положительную характеристику человека, равно как и любых систем языковых единиц, осуществляется наиболее эффективно путем полевого моделирования [4, с. 102; 5, с. 69].

Структура лексико-семантического поля (ЛСП) подразумевает наличие ядра и периферии [3, с. 174; 2, с. 19-20]. Выделение ядерных и периферийных элементов возможно в соответствии с интегральными признаками. Компоненты ЛСП располагаются в соответствии с ослаблением данных признаков относительно ядра.

Для ядра лексико-семантического поля мелиоративности в немецком языке характерны следующие признаки:

1. Все компоненты ядра содержат сему положительной характеристики человека в качестве ядерной семы: *hübsch – von angenehmem, gefälligem Äußeren*.
2. Они представляют собой простые по морфологическому составу слова: *hübsch, nett, stark*.
3. Элементы ядра являются производящими единицами, словообразовательно продуктивными: *nett – Nettigkeit, schön – Schöne, schönen, klug – klugerweise, Klugheit*.
4. Компоненты ядерной зоны обладают широкой сочетаемостью: *ein hübsches Kind, ein hübsches Gesicht, eine hübsche Melodie*.
5. Ядерные элементы являются стилистически нейтральными, что и способствует их широкой употребляемости: *klug – ein kluger Mensch, Kopf, kluge Schüler, Antwort, Augen* [6].
6. Компонентами ядра являются слова исконно немецкие слова, не являющиеся заимствованиями: *treu – ahd. gitriuwi, mhd. triuwe*.

В соответствии с данными критериями зону ядра ЛСП немецких мелиоративов составляют имена прилагательные как основные носители любой характеристики, в их грамматическом значении присутствует категориальный компонент «признаковость». Ядро лексико-семантического поля мелиоративов формируют, таким образом, 7 имен прилагательных немецкого языка: *schön, nett, stark, jung, klug, treu, toll*. Они являются простыми по своему морфологическому составу, широкого употребления, стилистически нейтральными, не заимствованными, продуктивными лексическими единицами.

Лексико-семантическое поле мелиоративов в немецком языке обладает усложненной структурой: ядро – околядерная зона – промежуточная зона – периферия. Лексемы ядерной зоны окружены именами прилагательными, которые формируют околядерную зону изучаемого ЛСП. Элементы околядерной зоны являются единицами, содержащими сему положительной характеристики человека в качестве ядерной, но отличающимися от элементов зоны ядра тем, что по своему морфологическому составу являются производными: *ehrlich, fleißig, heiter*. В околядерную зону ЛСП мелиоративов в немецком языке входят 19 имен прилагательных.

Далее выделяется промежуточная зона исследуемого ЛСП, которая включает в себя лексические единицы, утратившие один из признаков ядра, являющиеся, к примеру, менее употребительными, стилистически окрашенными, заимствованными, и под.: *resch, pfundig, nobel, appetitlich, bombig*. В промежуточную зону исследуемого поля включаются также имена существительные, которые в первом или единственном значении обозначают людей, обладающих положительными характеристиками: *Nackedei, Athlet, Superfrau*. Промежуточная зона формируется 145 лексическими единицами, которая преимущественно состоит из имен прилагательных (47 единиц) и словосочетаний (69 единиц) и некоторых имен существительных (29 ЛЕ).

К периферии поля относятся все слова с семантикой положительной характеристики человека, имеющих стилистическую маркированность, а также слова, которые имеют исследуемую сему в качестве дифференциальной, которые «втягиваются» в сферу поля из других семантических групп. Периферийные компоненты отличает отсутствие большинства из вышеперечисленных признаков ядра. Периферийная зона включает в себя как имена прилагательные, так и имена существительные, называющие положительно охарактеризованных людей: *blitzsauber, spendierfreudig, Hase, Leuchte*. Кроме того выявились словосочетания слов, содержащие положительную характеристику человека, и в сравнении с компонентами ядра они не выражают выбранное нами значение компактно, в связи с этим данные единицы были отнесены в зону периферии: *junger Dachs, nicht auf den Kopf gefallen sein, das Herz auf dem rechten Fleck haben*. Периферийная зона ЛСП мелиоративности в современном немецком языке является самой репрезентативной, включает в себя большое количество лексических единиц - 239.

Языковые единицы изучаемого ЛСП содержат семантические признаки, благодаря которым представляется возможным построить семантическую классификацию слов и словосочетаний с семантикой положительной оценки человека в современном немецком языке. В зависимости от наличия в семантической структуре слов определенных семантических мелиоративных компонентов, лексические и синтаксические единицы с изучаемой семантикой объединяются в следующие группы:

1. Языковые единицы, содержащие сему внешней физической положительной оценки человека, где выделяются подгруппы в соответствии с семами «возраст», «внешность»: *gesund_{1b}, fein₅, Vollblutweib, Muskelmann, wie das blühende Leben aussehen*.

2. Языковые единицы, содержащие сему личностной положительной характеристики человека, где выделяются подгруппы по семам «ум, интеллект», «качества характера», «оптимизм»: *gutherzig, blitzgescheit, Intellektuelle, Philanthrop, das Herz auf der Zunge haben/tragen*.

3. Языковые единицы, содержащие семы поведенческих и коммуникативных характеристик человека, где выделяются подгруппы, содержащие семы «поведение»,

«манера вести себя», «отношение к другим», «работоспособность, целеустремленность», «богатство». К этой группе единиц относится также лексика, используемая в вокативной функции (функции обращения): *schwerreich, zahlungskräftig, Prachtkerl, Herz, Liebe, mit Elan etw. tun, das starke Geschlecht, im Geld schwimmen*.

Так же были выявлены единицы, не относящиеся в какую-либо группу: *Reiseonkel, Nudel, Bände sprechen*.

Таким образом, лексико-семантическое поле мелиоративов в современном немецком языке представляет собой сложную лексическую систему, охватывающую имена прилагательные, имена существительные и словосочетания. Корпус выявленных лексических единиц с семантикой положительной характеристики человека в немецком языке может иметь структуру лексико-семантического поля с четко выраженным емким ядром и объемной периферией. Кроме ядра и периферии, поле характеризуется также околядерной и промежуточной зонами, которыми обеспечивается плавный переход от признаков ядра к признакам периферии.

Список литературы

1. Зинцова Ю.Н. Лексико-семантическое поле «жидкость» в современном немецком языке // дисс. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2009. 175 с.
2. Зинцова Ю.Н. Особенности лексики с компонентом положительной оценки человека в современном немецком языке // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета, 2019. №45. С. 19-27.
3. Куренкова Т.Н. Лексико-семантическое поле и другие поля в современной лингвистике // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М.Ф. Решетнева. 2006. №4 (11). С. 173-178.
4. Матвеева И.В. Парадигматические характеристики компонентов поля личности в современном немецком языке // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2011. № 1. С. 99-103.
5. Шеина И.М. Лексико-семантическое поле как универсальный способ организации языкового опыта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 2. С. 69-72.
6. Duden Deutsches Universalwörterbuch. 4 Aufl. Mannheim 2001 [CD-ROM].

10.02.04

М.А. Кузина канд. филол. наук, К.Р. Багдасаров

Московский педагогический государственный университет,
Институт иностранных языков,
кафедра фонетики и лексики английского языка,
Москва, kouzina-marina@yandex.ru, konstantinbag@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ТЕРМИНА «ЭКЗОТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА» К ЗАИМСТВОВАНИЯМ В АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ИЗ ЕВРОПЕЙСКИХ И НЕЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

В настоящей статье доказывается, что заимствования из европейских языков и заимствования из неевропейских языков относятся к разным подтипам «экзотической лексики», соответственно к «узуальным экзотизмам» и к «собственно экзотизмам».

Ключевые слова: *экзотизм, ассимиляция, итальянизм, африканизм.*

За последнее столетие понимание лингвистического феномена «экзотическая лексика» эволюционировало от «нестойкого пласта пассивной лексики, призванной создавать впечатление *couleur locale*» [2, с.49], до «слов иноязычного происхождения, обозначающих реалии чужой культуры, то есть такие реалии, которые отсутствуют (или отсутствовали) в культуре языка-реципиента» [3, с.202].

Особое внимание экзотической лексике уделяется лексикографами третьего издания Большого Оксфордского словаря (OED Online), в частности главный редактор по этимологии – Филип Дуркин – сопровождает тщательным этимологическим комментарием не только пласт латинизмов, скандинавизмов и галлицизмов, но и заимствования из ещё 25 источников («twenty-five most prolific sources of loanwords as reflected by OED3»), среди которых он выделяет «loanwords from other European languages» и «loanwords from languages from outside Europe» [6, с.338, 350, 354].

Одним из европейских языков, оказавших существенное влияние на формирование словарного состава английского языка, признаётся итальянский язык. Описания итальянского пласта лексики в работах Н.Н. Амосовой, В.Д. Аракина, А.М. Эльдарова позволяют привести следующее определение «итальянизмов»: во-первых, это слова с греческим или латинским языком-источником и итальянским языком-донором, и, во-вторых, слова с любым языком в качестве языка-источника, которые перешли в английский язык непосредственно из романского (но не итальянского) языка, однако итальянский язык был языком-посредником и оказал существенное влияние на формирование их значения, произношения, написания и грамматических особенностей [1, с.139-140; 5, с.4-5].

Зонтичный термин «африканизмы» употребляется для обозначения всех лексем, которые можно возвести к тому или иному слово-прототипу в основных языках бывших колоний Британской империи в Африке (Гамбия, Гана, Замбия, Зимбабве, Камерун, Кения, Нигерия, Сомали, Сьерра-Леоне, Танганьика). Африканизмы, активно используемые в современном английском языке, имеют этимоны в языках игбо, йоруба, канури, ква, а также в языках межэтнического общения на Африканском континенте: суахили и арабском языке [6, с. 282-285; 7].

Целью настоящей публикации является сопоставление основных аспектов формальной, функциональной и психологической ассимиляций у итальянизмов и африканизмов для уточнения возможности отнесения их к «экзотизмам». В рамках проведённого исследования были проанализированы словарные статьи в Большом Оксфордском словаре и в Словаре издательства Мерриам-Уэбстер с заголовочными словами итальянского и африканского происхождения (по 80 из каждого языка), а также контексты их употребления в современной

англоязычной прессе. При этом, итальянские слова отличает более высокая частотность употребления, чем африканские лексемы: в электронном архиве одной газеты типичный итальянизм употребляется от 500 до 10000 раз, а африканизм – от 50 до 1000.

Экзотическая лексика традиционно характеризуется чётко выделяемыми тематическими пластами, включающими лексемы для описания географических, этнографических и общественно-политических особенностей страны языка-донора, а именно: 1. названия объектов физической географии и метеорологии («bora»; «harmattan»), наименования географических объектов, связанных с человеческой деятельностью, и эндемики («frangipani», «carob»; «baobab», «boubou»); 2. быт («gondola», «minestrone»; «kosai», «jollof/wollof», «caftan», «okada»), труд, искусство и культура («palazzo», «cupola»; «dambe»), этнические объекты, меры и деньги («naira», «kobo»); 3. административно-территориальное устройство, органы и носители власти, общественно-политическая и военная жизнь («bandito», «mafioso»; «opara», «osu») (Прим. автора: итальянизмы приводятся первыми и отделяются точкой с запятой от африканизмов).

Анализ употребления итальянизмов в периодической печати показал, что все итальянизмы вводятся в текст на английском языке без пояснений. Это может свидетельствовать о высокой степени их известности среднестатистическому читателю прессы: ср. 1. Boil the linguine in a pan of salted water until *al dente*, drain, reserve a cup of the cooking liquid, then run the pasta under cold water until cool and set aside; 2. This week, we finish what summer has started by taking a panful of tomatoes to bursting point with garlic, oregano and chilli. This thick, unctuous sauce pairs perfectly with a simple plate of tagliatelle; 3. It must have been about this time of year – mid-September – when Carmelo told me about *pomodori scoppiati*: bursting tomatoes. Two words that immediately appealed [8].

В приведённых примерах значение малоизвестных, но графически немаркированных итальянизмов «лингвине» и «тальятелле» понятно из контекстов, но итальянские варваризмы – «al dente» в значении «на зубок, или не до полной готовности» и «pomodori scoppiati» в значении «взрывающиеся помидоры», но фактически «жареные помидоры-черри, расплюснутые деревянной лопаткой» – получают графическое выделение курсивом и иногда сопровождаются пояснительным толкованием на английском языке.

Что касается африканизмов, то они преимущественно используются в статьях на социальные темы: статья «Nigeria: helping the women made widows by Boko Haram» о помощи женщинам, оставшимся без кормильцев в семье после нападения на их населённые пункты террористической исламистской группировки «Бoko Харам»: ср. Memuna collects food from the ICRC distribution centre. Since she was widowed in 2013, she has been selling kosai – fried bean cakes – in the streets for 5 naira (\$0.02) each [8]. В типичном случае африканская лексема вводится в текст непосредственно с описательным толкованием: «коозе», или оладьи их жареных бобов – это популярное и дешёвое нигерийское блюдо, которое готовят вдовы и торгуют им на улице, чтобы прокормить свои семьи. В отличие от многочисленных рецептов итальянских блюд, изобилующих итальянизмами, именно рецепты африканских блюд публикуются в английской прессе редко, но даже они связаны с некими социальными последствиями: Every culture has a sacrosanct recipe passed down from generation to generation. But few cause as much controversy as jollof rice, West Africa's beloved staple dish [8]. В статье «World Jollof Day: Jamie Oliver's #ricegate and other scandals» африканизм вводится как зависимый компонент атрибутивного словосочетания с главным словом «рис», что делает его значение прозрачным, а наряду с рецептами приготовления традиционного блюда «йолоф» из мяса и риса по аутентичным рецептам встречаются предостережения против европейских экспериментов с африканскими продуктами во избежание расовых и этнических конфликтов: Jamie Oliver's jollof rice hurts my soul; Our plates will not be colonized [8].

Анализ словарных статей с заголовочными словами итальянизмами и африканизмами показывает, что грамматические адаптационные процессы протекают сходным образом в этих двух типах заимствований (подавляющее число слов подчиняется нормам языка-реципиента). Фонетико-орфографическая адаптация более выражена в африканизмах

(звуковое и акцентуационное оформление максимально приближено к языку-реципиенту), чем в итальянизмах, которые сохраняют и типичное для языка-донора написание (удвоенные согласные «ss, tt, zz», финали «i, o»), и нетипичные для английского звуки и место ударения в слове. Однако более высокая степень знакомства носителей английского языка-реципиента с итальянским бытом и культурой способствует значительному разнообразию контекстов употребления итальянизмов: так, «pizza» благодаря метонимии и метафоре стало употребляться в 14 новых контекстах: «pizza box», «pizza party», «pizza face», «pizza pocket», «pizza crunch», «pizza saver», «pizza farm», «two-pizza rule», «pizza parlor», «pizza cutter», «pizza stone»; «licorice pizza», «sushi pizza», «pavement pizza» [2].

В современных СМИ экзотизмы употребляются преимущественно в номинативной функции (что способствует созданию образа инонациональной среды), но для узуальных экзотизмов характерно использование и в различных стилистических целях: Standing there amid the usual Stonehenge of equipment – the stacks of amplifiers and speakers, guitars and double-tiered keyboards, all spaghettied together with patch cords and cables – were three of his musical heroes [9]. Это может быть объяснено более ярко выраженным характером психологической адаптации у итальянизмов: забвение новизны у редко употребляемых заимствованных лексем происходит в коллективном сознании носителей языка-реципиента намного медленнее из-за «чужого» для носителей языка-реципиента национально-культурного компонента [3, с.14].

Таким образом, представляется целесообразным говорить об узком и широком понимании лингвистического термина «экзотизм» и о разграничении терминов «узуальные экзотизмы» и «собственно экзотизмы». С одной стороны, заимствования из неевропейских языков (африканизмы) и заимствования из европейских языков (итальянизмы) могут быть отнесены к «экзотической лексике» на основании выполняемой ими функции номинации реалий языка-донора и неполной формальной ассимилированности. С другой стороны, эти этимологические пласты характеризуются разными уровнями психологической адаптации заимствований. У узуальных экзотизмов (в частности, у заимствований из других европейских языков в английскую принимающую среду) психологическая ассимиляция происходит довольно быстро: через четверть века после первого факта регистрации в языке-реципиенте они всё ещё могут сохранять формальные показатели языка-донора, но регулярно обозначают реалии некогда «чужой» культуры, заимствованные в «свою» культуру, в связи с чем воспринимаются как «свои».

Список литературы

1. Амосова, Н.Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка [Текст] / Н.Н. Амосова. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 224 с.
2. Булаховский, Л.А. Курс русского литературного языка [Текст] / Л.А. Булаховский. – Изд. 5-е. Т. 1. – Киев: Радянська Школа, 1937. – 446 с.
3. Гулыга, Е.В., Розен, Е.В. Новое и старое в лексике и грамматике немецкого языка. Л.: «Просвещение», 1977. – 160с.
4. Маринова, Е.В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах: словарь-справочник [Текст] / Е.В. Маринова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 240 с.
5. Эльдаров, А.М. Итальянские заимствования в современном английском языке. Дис. канд. филол. наук. Ленинград, 1984. – 207с.
6. Durkin, Ph. Borrowed Words: A History of Loanwords in English. [Text] / Ph. Durkin. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 491p.
7. Ethnologue [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://ethnologue.com> (дата обращения: 15.05.2019).
8. The Guardian [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theguardian.com> (дата обращения: 15.05.2019).
9. The New Yorker [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.newyorker.com> (дата обращения: 15.05.2019).

10.02.04

В.Ю. Кузнецова (Барбазюк) канд. филол. наук, А.Е. Воробьев канд. филол. наук

Военный университет Министерства обороны РФ,
факультет иностранных языков, кафедра № 33,
Москва, vera087@mail.ru,
Московский государственный лингвистический университет,
переводческий факультет,
кафедра переводоведения и практики перевода английского языка,
alexresurs@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВОЕННЫХ АББРЕВИАТУР

Целью представленной статьи является рассмотрение англоязычных сокращений военной тематики, которые могут вызвать сложности в процессе перевода и требуют специального переводческого комментария.

Авторами изучены понятия «перевод» и «военные аббревиатуры», а также подробно рассмотрены лексические трудности перевода современных англоязычных аббревиатур военной тематики.

Перевод примеров на русский язык и комментирование были выполнены авторами статьи.

Ключевые слова: *перевод, военная лексика, военные аббревиатуры, семантическое значение*

На сегодняшний день нельзя воспринимать перевод как автоматический процесс передачи исходного текста на другой язык. Перевод – это целое искусство, поэтому переводчику необходимо как можно серьезнее относиться к данному процессу. Особенно это касается перевода военных текстов. Незнание или неправильный перевод военных лексических единиц может привести к серьезным последствиям, поэтому военный переводчик должен быть максимально подготовлен к возможным сложностям, чтобы не допустить серьезную ошибку.

Актуальность представленной темы обусловлена тем, что сегодня, ввиду нестабильной международной политической и военной ситуации всю большую значимость приобретает адекватный и эквивалентный перевод материалов военной тематики. Данная тенденция, безусловно, влияет и на роль военных переводчиков, которые должны на высоком профессиональном уровне перевести любые военные материалы вне зависимости от их сложности.

Основная цель статьи – рассмотреть особенности перевода англоязычных военных аббревиатур, а также дать к ним подробный переводческий комментарий. Данная цель определяет следующие задачи: 1) изучить понятия «перевод» и «военные аббревиатуры»; 2) определить особенности перевода военных аббревиатур; 3) представить подробный переводческий комментарий.

Научная новизна статьи заключается в том, что в ней предпринята попытка раскрыть специфику перевода ряда военных аббревиатур; представлены переводческие наблюдения и комментарии.

Итак, как отмечалось выше, в настоящее время в мире происходят непрекращающиеся процессы военного, политического и экономического развития и сотрудничества, что, безусловно, влияет и на развитие языка в целом. Проведенный анализ показал, что в сфере военной лексики это, прежде всего, проявилось в появлении большого числа аббревиатур. Подтверждение данному утверждению можно найти в исследованиях В. Аммара и

К. Дэвши: «Abbreviations are widely used in modern texts of several languages, especially English. In a recent research of English Wikipedia, articles contain an average of 9.7 abbreviations per article, and more than 63% of the articles contain at least one abbreviation. At sentence level, over 27% of sentences, from news articles, were found to contain abbreviations» [2] (пер.авторский: «Аббревиатуры широко используются в современных текстах нескольких языков, особенно в английском. Недавнее исследование английской Википедии показало, что представленные там статьи содержат в среднем 9,7 аббревиатур в статье, и более 63% статей содержат хотя бы одну аббревиатуру. На уровне предложений было обнаружено, что более 27% предложений из новостных статей содержат сокращения). Действительно, экономические, политические и военные аббревиатуры заполнили Интернет, страницы газет, журналов и речь экспертов. Поэтому к основному экстралингвистическому фактору, влияющему на процесс аббревиации, ученые относят увеличение потока информации и развитие СМИ.

Перевод военных аббревиатур считается одной из сложнейших проблем, с которой сталкиваются военные переводчики. Чтобы восприятие незнакомых аббревиатур было правильным необходимо четко понимать, что такое аббревиация, какова ее роль и место в языке, а также знать способы их перевода.

Несмотря на разные подходы к изучению аббревиатур, почти все ученые рассматривают их как частный пример действия универсального закона экономии языковых средств. Аббревиация - это «словообразовательный акт, ведущий к созданию сложносокращенного однословного наименования взамен развернутого, обычно многословного обозначения тех или иных понятий» [1, с. 213]. Военная аббревиация – это установленные правила упрощенной записи военных терминов в виде сокращений, принятые в Вооружённых силах. У каждой страны они могут быть своими. Для того, чтобы проиллюстрировать сложности, которые они могут вызвать у переводчика, рассмотрим ряд примеров.

IFR flights shall be operated at assigned levels maintaining established intervals. Changing of flight level shall be carried out on ATS unit instruction [5]. // Исходя из **правил полетов по приборам**, полеты выполняются на заданных эшелонах с выдерживанием установленных интервалов. Изменение эшелона полета производится по указанию **службы управления воздушным движением**.

Представленные указания специально разработаны для экипажей, готовящихся к вылету с военных аэродромов. Для максимального удобства были введены аббревиатуры IFR и ATS. Интересно, что IFR включает в себя два схожих по смыслу понятия: «in-flight refueling» (дозаправка в воздухе) и «instrument flight rules» (правила полетов по приборам). Также стоит отметить обозначение высоты – «level», которое в авиации принято называть эшелоном. Переводчик должен обязательно учитывать данные особенности.

Перейдем ко второму примеру.

Sailors in the IRR will be required to participate in on-site master in designated areas [6]. // Морякам из **оперативного резерва первой очереди** будет предложено принять участие в полевом учении в обозначенных районах.

В вооруженных силах США существует многоуровневая система резерва, которая зависит от призывного возраста граждан. В первый уровень (тех, кто первыми будет защищать рубежи своей родины) входят мужчины до 40 лет и обозначаются они как «Individual Ready Reserve», что в дословном переводе будет звучать как «индивидуальный подготовленный резерв». Данный перевод будет правильным с семантической точки зрения, но некорректным по отношению к реалиям российской армии, где такой уровень называется «оперативный резерв первой очереди».

Особое внимание стоит уделить третьему примеру.

A **LO** Jason M. Spalding assigned to the **SB** was recognized for his contributions to the Atlantic Resolve at the Army headquarters [3]. // **Офицер подразделения войск связи** Джейсон Спэлдинг удостоился похвалы от штаба сухопутных войск США за вклад в проведение учения «Атлантическая решимость».

Обратившись к истории происхождения данных аббревиатур, можно обнаружить, что изначальное предназначение сигнальных войск было в оповещении флажками, духовыми или ударными инструментами подразделения о надвигающемся неприятеле. Несмотря на то, что времена меняются и старые способы ведения боевых действий уходят в прошлое, в некоторых развивающихся странах сохраняется их исходное предназначение. В связи с этим SB (signal brigade) можно перевести как сигнальная бригада, так и бригада связи. В данном примере речь идет о бригаде связи вооруженных сил США. После этого можно определить, что LO (liaison office) это не работник фельдъегерской службы, а офицер подразделения войск связи. Назвать его «офицером связи» будет не совсем правильно. Автор текста делает упор на знающего читателя, так как не указывает род мероприятия «Атлантическая решимость» (Atlantic Resolve), которое проводится в Восточной Европе под руководством армии США совместно с войсками стран-участниц НАТО.

Подводя итоги анализа основных сложностей при переводе военных аббревиатур, следует отметить: во-первых, военные аббревиатуры зачастую сохраняют свои национально-семантические особенности, что приводит к несовпадению объемов понятий в разных языках. Все это превращает проблему их перевода в одну из самых сложных. Во-вторых, несмотря на то, что аббревиатуры в тексте оригинала значительно «сокращают» текст, однако в процессе перевода происходит «разрастание» текста из-за необходимости более точной передачи значения. В-третьих, в текстах военной направленности зачастую встречаются многозначные аббревиатуры, которые имеют разные значения не только в разных областях деятельности, а даже в одной области: например, signal brigade (1) сигнальная бригада, (2) бригада связи.

Таким образом, для того, чтобы справиться со сложностями перевода аббревиатур военной тематики военный переводчик должен постоянно отслеживать их появление, изучать их национально-специфические и контекстные особенности.

Список литературы

1. Алексеев Д.И., Борисов В.В. Аббревиация в условиях научно-технической революции // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. - М.: Наука, 1977. С. 31-217.
2. Ammar W., Darwish K. ICE-TEA: In-Context Expansion and Translation of English Abbreviations // Waleed Ammar, Kareem Darwish, Ali El Kahki, Khaled Hafez [Электронный ресурс] // URL: <https://wammar.github.io/pubs/icetea.pdf> (дата обращения: 10.02.2019).
3. Evans S.J. MCE Liaison Officer Makes Impact for U.S. Army Europe [Электронный ресурс] // DVIDS 02.26.2018. URL: <https://www.dvidshub.net/news/267146/mce-liaison-officer-makes-impact-us-army-europe> (дата обращения: 10.06.2019)
4. Grossman D. EXPLAINING THE DIA'S CRITICAL ROLE IN NATIONAL SECURITY [Электронный ресурс] // War on the Rocks. 11.01.2018. URL: <https://warontherocks.com/2019/01/explaining-the-dias-critical-role-in-national-security/> (дата обращения: 10.06.2019).
5. Schwab S. VFR vs. IFR flying [Электронный ресурс] // Tales about Aviation, Coaching, Farming, Software Development 15.12.2018. URL: <http://www.stephan-schwab.com/airtravel/vfr-ifr> (дата обращения: 10.06.2019).
6. Tilghman A. Bringing the Individual Ready Reserve into the 'total force' [Электронный ресурс] // Military times 26.10.2015. URL: <https://www.militarytimes.com/2015/10/26/bringing-the-individual-ready-reserve-into-the-total-force/> (дата обращения: 10.06.2019).

10.02.04

¹М.Н. Кузнецова канд. педагог. наук, ²У.А. Казакова канд. педагог. наук,
³В.А. Тубальцева канд. педагог. наук

Казанский национальный исследовательский технологический университет,

¹кафедра иностранных языков в профессиональной коммуникации,

²кафедра методологии инженерной деятельности,

³Казанское высшее танковое командное Краснознаменное училище,

кафедра русского и иностранного языков,

Казань, 7mashulka@mail.ru, kazakova-ulyana@mail.ru, tubaltseva@mail.ru

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ПЕДАГОГОВ ВУЗОВ К МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

В статье представлены результаты теоретического анализа интегративной роли английского языка в процессе вхождения преподавателей вузов в международное образовательное пространство. Авторами рассмотрены оптимальный комплекс активных методов обучения иностранным языкам педагогов высшей школы.

Ключевые слова: *английский язык, педагогики вузов, международная образовательная среда.*

Владение иностранными языками (как минимум одним или двумя) особую актуальность приобретает в современной социополитической ситуации как в нашей стране, так и в мире в целом. В этой связи одним из приоритетных подходов в обучении иностранным языкам преподавателей высшей школы является коммуникативно-деятельностный подход (помимо компетентностного, интегративного, междисциплинарного, коммуникативного и др.), детерминирующего содержательный компонент учебного материала в соответствии с профилем будущей научно-профессиональной деятельности педагогов. По мнению, О.Конта, человеческая психика может развиваться только в социальном обществе, следовательно, личность должна рассматриваться опосредованно – сквозь призму своего социального окружения [1]. Другой педагог-исследователь Л.С.Выготский в своих трудах подчеркивал, что в процессе социально-исторического развития человек меняет способы и приёмы своих поведенческих проявлений, модернизирует природные задатки и функциональный аппарат, формирует новые формы поведения – «специфически культурные» [2].

Социально-когнитивный подход предполагает актуализацию ментальных познавательных процессов, задействованные в процессе восприятия личностью объектов окружающего мира, событий – факторы объективной действительности, а также каким образом человек обращает внимание на социальные стороны своей жизнедеятельности, интерпретирует и сохраняет их в памяти [3]. В свою очередь, ситуационно-функциональный подход в учебно-воспитательном процессе вуза раскрывает механизм, как обучающийся и педагог взаимодействуют в данном процессе, каким образом происходит передача социального опыта и знаний, как происходит профессиональная социализация обучающегося.

В комплексе организационно-педагогических условий профессиональной социализации личности следует выделять следующие: создание потенциально возможных проблемных профессионально ориентированных ситуаций; выполнение полного алгоритма профессиональных действий и поликультурное языковое профессионально ориентированное обучение, направленное на всестороннее развитие личности и включающее освоение предметов специальности одновременно самопознанием обучающимся особенностей своей личности.

По мнению современных авторов слушатели программ профессионального образования должны научиться: «планировать свою учебную деятельность (что, когда, в каком объеме изучать, определять главное и пользоваться справочниками и дополнительной литературой для составления собственных конспектов, тезисов, докладов, проводить самооценку эффективности своей учебной деятельности и т.д.); анализировать свою профессионально-трудовую деятельность, прогнозировать ее результаты; составлять профессиональный бизнес-план; организовывать профессионально-направленные личные дела, привлекать к профессиональной деятельности разных членов команды, прогнозировать результаты профессиональной коллективной деятельности; использовать приемы демократического, гуманистического подхода к профессиональной деятельности» [4, с.58].

В процессе изучения иностранных языков преподавателями высшей школы в ходе их профессиональной переподготовки и повышения квалификации одной из приоритетных целей является – приобщение к международной образовательной среде. В этой связи изучение иностранных языков с помощью активных методов обучения, методов проблемных ситуаций, case-study представляются крайне актуальными и доказали свою эффективность на практике. С помощью указанных методов изучения иностранных языков у педагогов вузов формируются: профессионально значимые иноязычные знания в области специализированной терминологии, семантических структур, наиболее востребованных в данном виде деятельности; грамматических правил изучаемого языка; профессионально ориентированные умения в различных видах речевой деятельности на иностранном языке (говорение, чтение, письмо, аудирование); профессионально необходимые навыки собственной речевой деятельности на английском языке (разбор case-study, диалоги, выступления с докладами на иностранном языке, участие в международных конференциях и т.д.).

Коммуникативно-деятельностный подход в изучении иностранных языков предполагает мотивацию обучающихся к активной индивидуальной и коллективной речевой деятельности посредством их вовлечения в различные формы языкового обучения, как правило, обладающих интерактивным характером. Данный подход может реализовываться по двум аспектам: первый – как непосредственно речевая деятельность, второй – деятельность как «инструмент» изучения иностранного языка.

В своих исследованиях А.М.Смолкина активные методы обучения рассматривает как приоритетные относительно других в процессе подготовки специалистов (бакалавров, магистров) в высших учебных заведениях. Автор отмечает, что именно через активные методы обучения происходит задействование когнитивных процессов психики обучающихся, которые определяют их стремление к интеллектуальной и практической учебно-профессиональной деятельности. Особую роль исследователь отводит «имитационным методам», которые предполагают активное участие в образовательном процессе всех его субъектов – как обучающихся, так и педагогов – и которые реализуются на основе проекции (имитации) реальных профессиональных ситуаций в учебной практике. Все остальные, по его мнению, имитационными не являются [5].

В свою очередь, имитационные методы делятся на две группы: «игровые» и «неигровые». К первой группе относятся: деловые игры, постановочные ситуации, инсценировки возможных профессионально-проблемных ситуаций. Ко второй – методы анализ проблемных ситуаций – «case-study».

Задания для обучающихся ситуативно-иллюстрационного характера на иностранном языке ориентированы на: раскрытие закономерностей и механизмов общественно-политических процессов; рассмотрение положительных или отрицательных действий людей и целых коллективов; анализ результативности применения методов и приемов профессиональной деятельности; изучение каких-либо социально значимых событий, факторов, условий жизнедеятельности людей, как в нашей стране, так и в зарубежных странах.

В заданиях ситуационно-оценочного содержания содержится описание конкретного события, способы решения проблемы. Обучающимся предлагается с использованием имеющегося тезауруса и новой лексики объяснить: как и каким способом они считают рациональным решить данную проблему; обосновать своё мнение; выявить и озвучить на иностранном языке все возможные причины данной ситуации; спрогнозировать вероятные негативные и позитивные последствия; отстоять свою позицию средствами иностранного языка и т.д.

Упражнения ситуационно-проблемного содержания предполагают рассмотрение конкретной проблемы, задачи или случая. Для успешной работы над такого вида упражнениями обучающимся необходимо дополнительное время на исследовательскую (самостоятельную или совместную) работу. До того как представить результат на иностранном языке в устной или письменной форме педагогам-слушателям необходимо изучить справочную или специализированную литературу, посоветоваться с преподавателями в данной профессиональной сфере, составить выводы, своё личное мнение по данному вопросу, а затем разработать и представить доклад на изучаемом языке по обозначенной проблематике.

При работе по методу «case-study» необходимо соблюдать определенную поэтапность: раскрывается вводная часть упражнения: выявляется его актуальность, устанавливается уровень сложности, обсуждаются пути решения; определяется цель содержательно-лингвистического характера: предпринимаются меры по определению комплекса частных задач, границ теоретического анализа, тактика поиска решений, устанавливаются временные рамки выполнения задания; реализуется совместное обсуждение сущности предложенной проблемной ситуации: заслушиваются мнения обучающихся по данной проблематике, формируются комплекс методов и способов решения задач по достижению цели, выбирается оптимальное решение; подводятся итоги решения изученной проблемной ситуации.

Проблемно-ситуационный анализ в процессе обучения иностранным языкам преподавателей неязыковых вузов предполагает планирование формирования у них иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции.

В качестве одно из наиболее эффективных методов создания обучающей языковой проблемной ситуации может выступать видеофрагмент профессионально ориентированного содержания. При просмотре видеофрагментов (сначала субтитрами, а потом без них) на иностранном языке задействуется максимальное количество когнитивных процессов психики каждого обучающегося: они имеют возможность одновременно и видеть события проблемной ситуации, и слышать речь «носителей» изучаемого языка, также в процессе просмотра есть возможность обсуждения того или иного спорного, неоднозначного или непонятного фрагмента. Работая над проблемными видео-кейсами, слушатели усваивают фразы на иностранном языке научно-профессиональной (узкой) направленности; слышат интонационные особенности того или иного стиля речи исполнителей сюжета; анализируют речевые приемы, которые позволяют оптимально достичь решения поставленной ситуативной задачи. Видео-кейсы обеспечивают преподавателю иностранного языка разнообразным набором способов взаимодействия с обучающимися при объяснении нового учебного материала, изучении лексики по изучаемой теме, проверке усвоенности изученного, реализации учебно-педагогического диалога.

Проблемно-коммуникативные педагогические ситуации делятся на три типа, исходя из состава групп участников: ситуации с участием только преподавателей; ситуации с участием только обучающихся; ситуации смешанного типа, в которых участие принимают как преподаватели, так и обучающиеся. В свою очередь, коммуникативно-проблемные ситуации, в которых оказываются слушатели, делятся по принципу взаимодействия субъектов учебного процесса: взаимодействие обучающихся; взаимодействие преподавателя и обучающихся; взаимодействие обучающихся с внешней социальной средой [6]. Коммуникативный кейс представляется в различных формах: текст, диалог, монологическая речь – объединяет все эти разные формы обучения иностранному языку одно – наличие

проблемной ситуации потенциально реального характера.

При этом есть специфический момент, свойственный исключительно кейсам, ориентированным на изучение иностранного языка: преподаватель вынужден подобрать несколько вариантов не только решения проблемной ситуации, но и создать группу аналогичных эпизодов – «multiplecasestudy», объединенных тематическим содержанием. Это необходимо для создания возможности обучающимся проводить аналогию коммуникативно-проблемной ситуации, провести контрастивный анализ, увидеть как каждая речевая интенция может быть применена в различных вариантах. Практическую языковую работу с кейсом текстуально-коммуникативного характера необходимо проводить поэтапно: предтекстовый: изучение тезауруса, грамматическая подготовка, разбор вероятных трудностей в понимании содержания и т.д.; текстовый: чтение и перевод текста; послетекстовый: анализ новых выражений; ответы на вопросы по тексту; дискуссия по проблеме, изложенной в тексте.

Таким образом, изучение иностранных языков педагогами высшей школы в рамках дополнительных образовательных программ обеспечивает их интеграцию в международное образовательное пространство. Владение одним или несколькими иностранными языками преподавателями вузов, как на бытовом уровне, так и в определённой научной профессиональной сфере вузах, содействует их профессионально-личностной адаптации в иноязычной социальной среде.

Список литературы:

1. Дружинин, В.Н. Психология общих способностей. 3-е изд. / В.Н. Дружинин. – СПб.: Питер, 2007. – 368 с.
2. Реан, А.А. Психология и педагогика / А.А. Реан, Н.В. Бордовская, С.И. Розум. – СПб.: Питер, 2005. – 432 с.
3. Розум, С.И. Психология социализации и социальной адаптации человека. – СПб.: Речь, 2007. – 365 с.
4. Краснощёрова, А.Г. Иностранный язык как средство профессионально-трудовой социализации личности / А.Г. Краснощёрова // Вестник ЧГПУ. Педагогика и Психология. – №9. – 2010. – С. 51-59.
5. Смолкин, А.М. Методы активного обучения. – М.: Высш. шк., 1991. – 176 с.
6. Казакова, У.А. Иностранные языки как средство интеграции преподавателей инженерных вузов в международное образовательно-культурное пространство / У.А. Казакова, М.Н. Кузнецова // Мир образования – образование в мире. – 2016. – № 1 (61). – С. 46-53.

10.02.04

Н.А. Левковская канд. филол. наук

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России,
Москва, levknina@yandex.ru

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИАДИСКУРСА. ПРОБЛЕМА СКРЫТЫХ ОЦЕНОК

Статья посвящена проблеме декодирования скрытых смыслов в политическом тексте английской газеты The Economist. В качестве основного инструмента, способствующего интерпретации, выступает прием контраста, который помогает выявить прагматическую направленность текста. Контраст рассматривается как многоплановое явление, представляющее собой содержательно-логический и стилистический планы изложения. Результаты исследования дают возможность дальнейшего изучения текста СМИ с точки зрения заложенных в нем скрытых смыслов, и предоставляет возможность студентам анализировать импликации и подтекст.

Ключевые слова: *прагматика, медиадискурс, скрытые смыслы, контраст, декодирование.*

Выделив язык СМИ в качестве самостоятельного направления лингвистики, исследователи твёрдо установили и его первостепенную функцию – воздействующую. Первоначальная цель газеты, журнала, видеосюжета – информировать читателя/зрителя – уступило место более важной с точки зрения их создателя коммуникативной цели – влияния на формирование общественного мнения [3, с. 169]. При этом не имеет большого значения, какая функция превалирует – побудительная или развлекательная. И в том, и в другом случае (даже в, якобы, чисто развлекательном жанре) медиа навязывают нам определенные убеждения.

Действенным методом влияния на осознание и восприятие феномена выступает контраст, в основе которого лежит выявление противоположности. Философское определение противоположности указывает на то, что любая категория начинает развитие с тождества, двойственного по своей природе, далее переходит в различие и, в конце концов, в противоположность и даже в противоречие. Что вполне логично, ибо главным принципом развития объективного мира и, соответственно, познания является закон единства и борьбы противоположностей. В результате несмотря на то, что, как отмечают ученые, в эволюционном аспекте развитие человеческой ментальности представляет собой движение от дуальной модели к градуальной, бинарные коды сохраняют свою актуальность [1, с. 16].

В лингвистике под контрастом понимается композиционно-стилистический принцип развёртывания речи, заключающийся в динамическом противопоставлении двух содержательно-логических и структурно-стилистических планов изложения [4, с. 115]. При этом создается резкое противопоставление различных элементов текста с целью получения определенного стилистического эффекта [2, с. 690].

Противоположение может выражаться открыто, вербально и даже выноситься в основную идею текста (фигурируя в заголовке или в подзаголовке). Например, обсуждая стратегию выхода из содружества государств The Economist (от 25 марта 2017 года) озаглавливает статью: “Leaving the Euro Would Be Devilishly Difficult”, присовокупляя подзаголовок: “It would not, however, be impossible.” Слова difficult и impossible, не являясь словарными антонимами, резко противопоставлены друг другу, поскольку определение devilishly придает слову difficult категоричность, создавая контраст. Слово при этом приобретает контекстуальное значение practically impossible. Это находит своё подтверждение в

приведенном в статье сравнении еврозоны с тюрьмой – “<...> it has become like Alcatraz: a prison that keeps people in mainly by making escape too risky.”

В самом начале статьи графически выделяется основная мысль текста, заданная (еще одна эмфаза) в форме вопроса: “ONE BIG QUESTION has lurked throughout the euro crisis: should one or more members quit?” Наиболее явным кандидатом является Греция, о чем убедительно говорит приводимая статистика (Greece’s GDP per person has fallen by 45% since late 2009 and unemployment is nearly 50%). Однако далее приводится контрастное заявление “Officials say it <‘a Greek departure = Grexit’> cannot be done”. Таким образом, решение поставленного вопроса не может быть однозначным. Контрастность подхода к решению проблемы усиливается благодаря тому, что в конце статьи дается парадоксальное с точки зрения содержания тезиса и самого текста предположение о том, что не Греции, а Германии следует временно покинуть еврозону, поскольку высокая степень конкурентоспособности страны и ее огромный имеющийся в настоящее время экономический потенциал являются истинными причинами проблем еврозоны. Тем не менее, заявляется, с политической точки зрения, выход Германии из еврозоны не может осуществиться. В результате «высвечивается» скрытое противоречие: политический аспект в данном случае (как и во множестве других) противопоставляется и превалирует над экономическим.

Как видно из приведенного примера, скрытая оценка, создаваемая контекстуально, не всегда основывается на соотношении противоположных понятий. Помимо системного противопоставления антонимических единиц (как, например, в антитезе) в СМИ часто используются оппозиции, которые обусловлены исключительно контекстом. Их взаимоотношения не выражены однозначно, для их полного понимания необходим комплексный подход, когда учитываются и семантический, и прагматический аспекты, то есть необходимо рассмотреть все «богатство противоречивостей» (по Ю.М. Лотману).

Так, остро стоящая в настоящее время проблема иммиграции, зародилась не сегодня. Международная конференция по данному вопросу, проходившая еще в мае 2011 года, подняла ряд чрезвычайно важных вопросов, один из которых, в частности, получил освещение в статье “The French Paradox, and the British Backlash” [The Economist, May 24th 2011]. Описывая ситуацию во Франции, автор статьи вводит противоположение двух внешне неконтрастивных понятий integration и anti-discrimination. И, цитируя одного из участников форума, говорит о скрытом противоречии между этими двумя понятиями. При этом, в отношении контраста вступают разнородные понятия – иммигранты и система государства, принимающего антидискриминационные законы:

“Integration aims to try to change immigrants, to make them the same as other French people; anti-discrimination rules are meant to change the system, to accommodate people who aren’t the same.”

Лингвостилистический контраст формируется благодаря использованию параллельных конструкций; синонимичных выражений aims и are meant; лексическими повторами the same, change. В результате создаваемого контраста автор приходит к убедительному выводу о том, что в связи с разнородностью используемых идей возникают напряженные отношения в обществе, проявляется конфликтная ситуация. Однако истинная причина конфликта в докладе только имплицитно, она представлена вербально в другом месте статьи, там, где описывается ситуация в другой стране:

“In the United States <...> anti-discrimination is a well established value. Explicit efforts at integration, however – such as English-only rules – are controversial. This is because they are seen to represent encroachment on identity.”

Именно сохранение идентичности, иными словами личности человека, является камнем преткновения. Выражая эту идею вербально, автор статьи оценивает ее с точки зрения подхода Канады к этому вопросу:

“If you’ve established multiculturalism as a national principle, then you can in good conscience push people to integrate, because embracing your cultural heritage is a sign of integration rather than the opposite.”

Восхищаясь «мудрой» интерпретацией явления Канадой (Clever, Canada, tautological but clever), журналист ссылается на лексико-стилистическое использование тавтологии. Однако помимо вышеназванного приема в данном контексте проступает и софизм, логическое несоответствие, вводимое иронической фразой *in good conscience push people...*

Скрытые в приведенных примерах контрастные отношения способствуют выявлению общей прагматической направленности текста: показать неоднозначность иммиграционных процессов, их противоречивость – *draconian aspects to America's immigration policy*, с одной стороны, и *the United States is a liberal outlier* – с другой. Согласно субъективной позиции автора, в конце статьи все же снимающего контраст, эти процессы можно сделать и уместными с прагматической точки зрения (*right*) и гуманными (*human*). Однако этот оптимистический вывод не подкрепляется фактами и остается личным мнением автора, вступающим в противоречие с контекстом статьи.

Таким образом, очевидно, что контраст, будучи многоаспектным феноменом, представляющим собой содержательно-логический и стилистический планы изложения, является приемом, с помощью которого происходит кодирование и декодирование скрытых смыслов.

Список литературы

1. Бочина Т.Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы. – Казань: АДД, 2003. – С. 50.
2. Иванов Л.Ю., Сковородников А.П., Ширяев Е.Н. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Флинта, 2003. – С. 690.
3. Левковская Н.А. Эксплицитная и имплицитная оценочность англоязычного политического дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия Языкознание. – 2011. - № 21(627). Когнитивное моделирование семантики разноструктурных единиц языка. – С. 169-177.
4. Энциклопедия «Русский язык». – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2003. – С. 704.

10.02.04

Д.Ш. Мухамедзянова

Казанский Государственный Медицинский Университет,
Кафедра русского и татарского языка,
Казань, dina.muhamedzyanova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НАРЕЧИЙ ЧАСТОТНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

В настоящей статье речь идет об использовании наречий частотности для выражения повторяемости действия в английском и испанском языках. Многие наречия частотности в английском языке образуются с помощью суффикса *-ly*. Автором выполняется поиск эквивалентов английских наречий с суффиксом *-ly* в испанском языке.

Ключевые слова: наречия, частотность, английский язык, испанский язык.

В предыдущей статье «Использование аффиксов многократности для выражения повторяемости глагольного действия в английском и испанском языках» были рассмотрены суффиксы глаголов, используемые для образования новых слов и их форм [3]. Однако значение многократности имеют суффиксы не только самих глаголов, но и других частей речи, таких как наречия частотности. В английском языке их называют *adverbs of frequency*, в испанском – *adverbios de frecuencia*. Эта особая группа наречий, которые эксплицируют повтор самого действия, указывая на его частотность [2]. Однако их часто путают с наречиями времени или темпоральными наречиями, которые отвечают на вопросы:

- Когда? – *When?/ Cuando?*: *My old boss reached out to me yesterday.* – *Mi antiguo jefe me contactó ayer.* (Мой бывший шеф связался со мной **вчера**).
- как долго? – *How long/ ¿cuánto tiempo?* *Prostate cancer usually grows very slowly.* – *El cáncer de próstata suele crecer muy lentamente.* (Обычно рак простаты развивается очень **медленно**) и т.д.

В то время как наречия частотности отвечают на вопрос *как часто?* – *How often?* – *¿Con qué frecuencia?* Наречия частотности бывают

- Простыми: *always/ siempre* (всегда), *never/ nunca* (никогда). *She always orders a ham salad.* – *Ella siempre pide una ensalada de jamón* (Она всегда заказывает салат с ветчиной).
- Производными, образованными с помощью суффиксов: *constantly* – *constantemente*. *These children tease her constantly.* – *Los niños se burlan de ella constantemente* (Эти дети постоянно дразнят её).

Из данных примеров следует, что эквивалентом суффикса – *ly* является испанский суффикс – *mente*. Известно, что наречия на – *mente* являются производными от прилагательных. У прилагательного на – *o* суффикс – *mente* присоединяется к форме женского рода [1] : *diario* – *diaria* – *diariamente* (ежедневно). У прилагательных, оканчивающихся на согласную, суффикс – *mente* присоединяется к прилагательному [1]: *comúnmente* (обычно). *Son antidepresivos recetados comúnmente.* – *These are commonly prescribed antidepressants* (Эти антидепрессанты, которые обычно выписывают).

Однако неизвестно, все ли испанские наречия с – *mente* имеют эквиваленты с суффиксом – *ly* в английском языке? Для выяснения этого вопроса были проанализированы популярные электронные словари <https://www.linguee.com>, <https://context.reverso.net> и др. По результатам исследования была составлена Таблица 1.

Таблица 1. Испанские наречия частотности с суффиксом – *mente* и их эквиваленты в английском языке

№	испанский – <i>mente</i>	английский – <i>ly</i>	перевод на русский
1.	anualmente <i>Sólo pocas guitarras salen de mi taller anualmente.</i>	annually <i>Only few guitars are completed in my workshop every year.</i>	ежегодно <i>Ежегодно в моей изготавливается несколько гитар</i>
2.	comúnmente <i>Se utiliza comúnmente como insecticida agrícola.</i>	commonly <i>It is commonly used as an agricultural insecticide.</i>	обычно <i>Его обычно используют в качестве инсектицида.</i>
3.	constantemente <i>En mi trabajo constantemente investigo nuevas teorías.</i>	constantly <i>In my work I would constantly research new theories.</i>	постоянно <i>В своей работе я постоянно исследую новые теории</i>
4.	diariamente <i>Almuerzan diariamente y supongo hablan de trabajo.</i>	daily <i>They lunch together every day and, I suppose, discuss the work.</i>	ежедневно <i>ежедневно они обедают вместе и, полагаю, говорят о работе</i>
5.	frecuentemente <i>Las bibliotecas locales frecuentemente tienen buenas selecciones de CD.</i>	frequently <i>Local libraries often have good CD selections.</i>	В местных библиотеках часто бывают хорошие коллекции CD
6.	generalmente <i>Es una forma grave generalmente mortal.</i>	generally <i>It is a serious form, generally fatal.</i>	обычно <i>Это очень серьезная форма заболевания, обычно смертельная</i>
7.	habitualmente <i>Los cánceres crónicos habitualmente empeoran lentamente.</i>	habitually <i>Cancers that are chronic usually get worse slowly.</i>	обычно <i>При хронических случаях рака ухудшение наступает медленно</i>
8.	horariamente <i>Los factores se cambian diariamente, inclusive horariamente.</i>	hourly <i>Factors that change daily, even hourly.</i>	ежечасно <i>Факторы меняются ежедневно и ежечасно.</i>

На основании данной таблицы можно сделать вывод, что у большинства испанских наречий с суффиксом – *mente* в испанском есть эквиваленты с суффиксом – *ly* в английском языке. Однако не все наречия частотности образуются только с помощью суффиксов. Существуют и другие способы их образования. Для начала вспомним, что наречия частотности английского языка (*adverbs of frequency*) делятся на две группы :

- наречия определенной частоты (*Adverbs of definite frequency*.)
- наречия неопределенной частоты (*Adverbs of indefinite frequency*).

Если мы точно знаем, как часто осуществляется действие, то используем *наречия определенной частоты*. В противном случае необходимо использовать *наречия неопределенной частоты*. К первой группе относятся наречия, образованные с помощью конструкции

1. **number + times + a + period of time:** *I visit my grandparents two times a month* – Я навещаю бабушку с дедушкой **два раза в месяц**.

2. **every + period of time:** *My father reads newspapers every day* – Папа читает газеты **каждый день**.

3. **once / twice + a + period of time:** *We go to church once a week* – Мы ходим в церковь **раз в неделю**. *They write letters twice a week* – Они пишут письма **дважды в неделю**.

4. **on + day of the week:** *They go to cinema on Sundays* – **По воскресеньям** они ходят в кино.

Постараемся выяснить, есть ли синонимичные конструкции в испанском языке (См. Таблицу 2)

Таблица 2. Другие способы образования наречий частотности/

№	английский	испанский	перевод на русский
1.	number + times + a + period of time : <i>I visit my grandparents two times a month.</i>	número de veces +a+ período de tiempo: <i>Visito a mis abuelos dos veces al mes.</i>	Я навещаю дедушку и бабушку два раза в неделю.
2.	every + period of time: <i>My father reads newspapers every day.</i>	cada + período de tiempo: <i>Mi padre lee el periódico cada día.</i>	Папа читает газеты каждый день.
3.	once / twice + a + period of time: <i>We go to church once a week.</i> <i>They write letters twice a week</i>	<i>una vez / dos veces+por+ período de tiempo : Vamos a la iglesia una vez por semana</i> <i>Escriben cartas dos veces por semana</i>	Мы ходим в церковь раз в неделю Они пишут письма дважды в неделю
4.	on + day of the week: <i>They go to cinema on Sundays</i>	los + nombre de día de semana: <i>Van al cine los domingos</i>	По воскресеньям они ходят в кино.

Что касается места наречий частотности в предложении, следует отметить, что наречия определенной частоты обычно находятся в конце предложения. Например, *Elections are held twice a year.* -*Las elecciones se celebran dos veces al año* (Выборы проводятся два раза в год).

Наречия неопределенной частоты находятся в середине предложения *My son always wanted a pet* – *Mi hijo siempre quiso una mascota*. Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1. В английском и испанском языках можно образовать наречия частоты с помощью аффиксов многократности. Эквивалентом английского суффикса – *ly* является испанский суффикс – *mente*.

2. Английские наречия частотности образуются не только с помощью суффиксов, но и с помощью других конструкций: “*every*” + *period of time*, *number* + “*times*” + “*a*” + *period of time*, “*on*” + *day of the week* и *once / twice* + “*a*” + *period of time*. Данные конструкции имеют эквиваленты в испанском языке (см. Таблицу 2.)

Список литературы

1. Бёрингер А. Краткая грамматика испанского языка: Учебное пособие / А. Бёрингер; Пер. с нем. Г.Н. Серединой. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003.- 80 с.
2. Лутфуллина Г.Ф. Сопоставительный анализ средств выражения способов действия кратности во французском и татарском языках: дис. канд. фил. наук.- Казань, 2004. – 231 с.
3. Стариченок В.Д. Большой лингвистический словарь / В.Д. Стариченок. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. -811[1]с. –(Словари.).
4. <https://context.reverso.net> (дата обращения 2.05.2019).
5. <https://www.linguee.com/> (дата обращения 3.05.2019).

10.02.04

Д.А. Романов канд. хим. наук

Казанский национальный исследовательский технологический университет,
кафедра «Иностранные языки в профессиональной коммуникации»,
Казань, dimromanov@rambler.ru

НЕДОСТАТКИ ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ИНФИНИТИВНОГО СОЧЕТАНИЯ "VERB + OBJECT + BARE / TO-INFINITIVE (CLAUSE)"

При переводе студентами магистратуры с английского языка на русский язык сочетания "verb + object + bare / to-infinitive" с инфинитивом в роли дополнения недостатки могут проявляться при выборе: порядка перевода компонентов сложного дополнения; значения глаголов cause и make, за которыми следует сочетание "object + bare / to-infinitive".

Ключевые слова: *английский язык, инфинитив, инфинитивная группа, дополнение, перевод.*

Работа с иноязычной научно-технической литературой в техническом вузе, в том числе, ее перевод, является не только одним из видов профессиональной иноязычной коммуникации, к которой должен быть готов выпускник, но и частью процесса обучения иностранному языку. К моменту, когда процесс обучения становится профессионально-ориентированным (уровень магистратуры), базовые знания и навыки в области перевода уже бывают необходимы. При этом переводческие ошибки на этапе магистратуры неизбежны, так как целенаправленное углубленное изучение перевода в техническом вузе возможно, как правило, только в рамках программ профессиональной переподготовки [3, с. 104].

Выявление ошибок перевода было начато в 2010/2011 учебном году и продолжалось в последующие годы. Рассматривались учебные переводы научных статей зарубежных авторов, выполненные письменно с английского языка на русский язык студентами магистратуры, обучавшимися по направлению подготовки «Химическая технология» и не проходившими дополнительную языковую подготовку в области перевода.

В научно-технической англоязычной литературе широко используется глагол в неопределенной форме "to-infinitive" (полный инфинитив) или "bare infinitive" (инфинитив без "to"). Инфинитив может иметь при себе зависимые слова, образуя инфинитивную группу.

Английский инфинитив может являться как главным членом предложения, так и второстепенным (пояснять другие члены предложения, делая формат высказывания развернутым).

В статье обсуждаются недостатки перевода английского сочетания "verb + object + bare / to-infinitive" с инфинитивом в роли дополнения.

Интерпретация и перевод

Английский инфинитив (инфинитивная группа) может пояснять (дополнять) глагол-сказуемое, отвечая на вопросы косвенных падежей в сочетании «глагол в личной форме + первое дополнение + инфинитив», где первое дополнение – это существительное или местоимение, которое выполняет действие или на которое направлено действие, выраженное инфинитивом. На месте глагола-сказуемого в личной форме могут также стоять неличные глагольные формы (причастие, герундий, инфинитив) в другой синтаксической роли.

В зарубежной учебной литературе сочетание «глагол в личной форме + первое дополнение + инфинитив» преподносится как "verb + object + bare / to-infinitive" [6, с. 74] или "verb followed by an object and a to-infinitive clause", в котором "the object of the verb is the subject of the to-infinitive clause" [4, с. 164]. После некоторых глаголов, например, appeal, arrange, ask, long, pay, wait, wish, данное сочетание имеет вид "verb + for + object + to-infinitive clause" [4, с. 164].

В отечественной учебной литературе инфинитивное сочетание "object + infinitive" интерпретируется как:

- (а) два самостоятельных дополнения [2, с. 230],
- (б) сложное дополнение [1, с. 358; 2, с. 236].

Английский инфинитив в сочетании "verb + object + bare / to-infinitive" является самостоятельным дополнением, если смысловая связь глагола-сказуемого с первым дополнением и инфинитивом устанавливается с помощью вопросов по отдельности, а перевод всего сочетания сохраняет синтаксическую связанность и смысл. Это возможно, если глагол-сказуемое относится к группе глаголов для передачи чужой речи (совета, предложения, просьбы, приказа и т.д.), например, *advise, allow, ask, force, invite, make, order, tell, teach* [4, с. 164], а первое дополнение обозначает лицо, выполняющее действие, выраженное инфинитивом в форме действительного залога. Действие некоторых из этих глаголов, например, *allow, force, make* и т.д., может также быть направлено на абстрактное понятие или предмет. Английский инфинитив в роли самостоятельного дополнения переводят на русский язык инфинитивом, а все сочетание "verb + object + bare / to-infinitive" – простым предложением в таком же порядке.

Глаголы *make* и *cause* в сочетании "verb + object + bare / to-infinitive" приобретают значение «заставлять / побуждать кого-л. / что-л. сделать что-л.», например, "one person causes another person to do something" [4, с. 168], и поэтому обычно переводятся на русский язык словами «заставлять», «делать так, чтобы» [1, с. 358].

Английский инфинитив и стоящее перед ним дополнение следует воспринимать как сложное дополнение "object + bare / to-infinitive", если при попытке установить смысловую связь глагола-сказуемого с первым дополнением и инфинитивом по отдельности перевод всего сочетания теряет смысл или выглядит синтаксически бессвязным или несладким. Английское сложное дополнение поясняет глагол-сказуемое совокупно, отвечая на единый вопрос «что?». По Докштейн и соавт. английское сложное дополнение – это инфинитивная конструкция, следующая за вводящим глаголом [1, с. 358–359]; по Качаловой и Израилевич – оборот «объектный падеж с инфинитивом» [2, с. 236–242].

Английское сложное дополнение обычно следует за глаголами со значением желания, знания, мысли, физического восприятия и эмоционального состояния и в этом случае переводится на русский язык изъяснительным придаточным предложением, начинающимся с союза:

«чтобы», если глагол имеет значение желания (*prefer, want, would like* и др.);

«что», если глагол имеет значение знания или мысли (*know, assume, believe, consider, expect, find, suppose, think* и др.);

«как» / «что», если глагол имеет значение физического восприятия (*feel, hear, notice, observe, see, watch*);

«когда», если глагол имеет значение чувства (*hate, like*).

Компоненты такого сложного дополнения переводят на русский язык главными членами придаточного предложения: первое дополнение – подлежащим, инфинитив – сказуемым.

Английское сложное дополнение может следовать за глаголами со значением приказа, просьбы или разрешения, например, *order, ask (for), allow / enable*. В этом случае инфинитив имеет форму страдательного залога, а первое дополнение обозначает предмет или лицо, на который (ое) направлено действие, выраженное инфинитивом. Такое сложное дополнение чаще переводят на русский язык в обратном порядке – сначала инфинитив, затем первое дополнение (перевод изъяснительным придаточным с союзом «чтобы» также возможен) [1, с. 358; 2, с. 240].

После некоторых глаголов, например, *appeal, arrange, ask, long, pay, wait, wish*, следует "for + сложное дополнение" [4, с. 164], которое обычно переводят на русский язык изъяснительным придаточным предложением, начинающимся с союзов «что» или «чтобы» (в случае глагола *ask* возможен перевод в обратном порядке без придаточного).

Инфинитив в составе сложного дополнения, следующего за глаголами физического восприятия, а также инфинитив, следующий за глаголами *make* и *let*, используется без "to" [2, с. 238; 4, с. 168].

Недостатки перевода и обсуждение

Исходный текст: ... that allowed more PA6 molecules to be grafted with HBPs at the interface [7].

Перевод: ... что позволило большому количеству молекул PA6 привиться с HBPs на границе.

Использован менее удачный (прямой) порядок перевода компонентов сложного дополнения, следующего за глаголом-сказуемым *allowed*. Перевод лишен складности и лаконичности, достигаемых при расстановке компонентов сложного дополнения в обратном порядке «... что позволило привить ... больше молекул PA6».

Неудачный выбор порядка перевода компонентов английского сложного дополнения можно объяснить незнанием, что формат его перевода зависит от значения глагола-сказуемого и формы инфинитива.

Исходный текст: ... certain factors may have caused the polymer fluid to degrade or divert [5].

Перевод: ... некоторые факторы могут вызвать разложение или отвод полимерной жидкости.

Для перевода глагола *caused* выбрано значение «вызывать», не указывающее на принудительность действия, выражаемого инфинитивом в сочетаниях "make / cause + object + bare / to-infinitive" («некоторые факторы могли заставить полимерную жидкость разлагаться ...»).

Неточный выбор значения глагола *cause* (наблюдается и в отношении глагола *make*) в сочетаниях "make / cause + object + bare / to-infinitive" можно объяснить незнанием специфики перевода инфинитивных сочетаний данного вида.

Список литературы

1. Докуштейн С.Я., Макарова Е.А., Радоминова С.С. Практический курс перевода научно-технической литературы (английский язык). Изд. 3-е, исправл. М. : Воен. изд-во, 1973. 448 с.
2. Качалова К.Н., Израилевич Е.Е. Практическая грамматика английского языка с упражнениями и ключами : в 2 т. 8-е изд., перераб. и доп. К. Н. Качаловой. Киев : Методика, 2003. Т. 1. 363 с.
3. Романов Д.А. Ошибки перевода с английского языка на русский язык инфинитивной конструкции "passive verb / link verb + to-infinitive" // Казанская наука. 2018. № 4. С. 104–106.
4. Collins COBUILD Student's Grammar : Self-study edition with answer key. 1st ed. London : HarperCollins Publishers, 1991. 263 p.
5. Gao C., Shi J., Zhao F. Successful polymer flooding and surfactant-polymer flooding projects at Shengli Oilfield from 1992 to 2012 // J. Petrol. Explor. Prod. Technol. 2014. Vol. 4, Iss. 1. P. 1–8.
6. Hewings M. Advanced Grammar in Use : A self-study reference and practice book for advanced learners of English. 8th printing. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 340 p.
7. Xu N., Zhou W., Shi W. Preparation and enhanced properties of poly (propylene) / silica-grafted-hyperbranched polyester nanocomposites // Polym. Adv. Technol. 2004. Vol. 15, Iss. 11. P. 654–661.

10.02.04

¹Т.С. Рыжкова канд. филол. наук, ²Н.Г. Хилалова канд. филол. наук,
³П.В. Янькова канд. филол. наук

ФГБОУ ВО «ИРНИТУ»,

Институт лингвистики и межкультурной коммуникации,

¹кафедра иностранных языков для гуманитарных специальностей,

³кафедра иностранных языков для технических специальностей №1,

²ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»,

Педагогический институт, гуманитарно-эстетический факультет,

кафедра иностранных языков и лингводидактики,

Иркутск, ryzhkova08@mail.ru, hilal@list.ru, Pauline157@ya.ru

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СУБСТАНТИВА FLOWER В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье представлен этимологический анализ номинатива современного английского языка flower. Выявлено, что данный субстантив был образован от глагола и в современном толковании сохранил все семантические признаки, имевшие место в процессе исторического развития анализируемой лексемы.

Ключевые слова: *этимологический анализ, диахронический анализ, лексема, значение, существительное.*

Актуальность и значимость этимологического анализа при исследовании семантики и внутренней структуры слова всегда будут валидны, поскольку чтобы понять современное состояние языка, его явления и законы развития, необходимо умение объяснить их с позиции истории языка и истории народа – носителя этого языка [1].

Цель работы – провести этимологический анализ одного из существительных английского языка – flower. Прежде всего целесообразно обратиться к современным толковым англо-английским словарям и выявить семантическое наполнение анализируемого субстантива для того, чтобы далее, посредством диахронического анализа, рассмотреть происходившие лексические изменения номинатива flower в процессе своего исторического развития.

В сознании носителей английского языка лексема flower репрезентирует признаки физического объекта объективного мира, который можно наблюдать или осязать, а именно: (1) «семенная часть растения, состоящая из репродуктивных органов», что демонстрируется в доминирующих дефинициях: the seed-bearing part of a plant, consisting of reproductive organs (stamens and carpels) that are typically surrounded by a brightly colored corolla (petals) and a green calyx (sepals). Признак (2) «цветок, используемый в декоративных целях» представлен в толковании: A flower together with its stalk, picked for use as a decoration. Следующий признак (3) «состояние или период цветения» манифестируется в определении: the state or period in which a plant's flowers have developed and opened the roses were just coming into flower. В этом значении субстантив flower является неисчисляемым [5].

Далее выявляются признаки, в которых существительное flower имеет абстрактные ассоциации: (4) «период наивысшего развития или наибольшей энергии»: the period of highest development or greatest vigor; the finest or most flourishing period. Признак (5) «наилучший представитель чего или кого-либо» фиксируется в дефинициях: the highest example or best representative; the choice or finest product, part, or representative [5].

Итак, данные проведенного дефиниционного анализа англоязычных толковых словарей позволяют заключить, что в сознании носителей английского языка субстантив flower воплощает как физические, так и абстрактные понятия.

Согласно этимологическим словарям (Online Etymology Dictionary, The Concise Oxford Dictionary of English Etymology by Hoad, A New English Dictionary on Historical Principles) первое употребление английского субстантива *flower* со значением «the blossom of a plant», «a flowering plant» было зафиксировано в XIII веке приблизительно в 1225 году [2; 3; 4]. Слово имело разные формы написания на протяжении нескольких веков, а именно: *flur* с XIII по XIV века, *fl(o)ur*, *floer*, *floyer*, *flowur* или *flor* с XIII по XVII. Шотландскими формами были *flouir* и *floor*. Также существовала поэтическая манера написания исследуемой лексемы – *flow'r*. Среднеанглийское существительное произошло от старофранцузского субстантива *flor*, имевшего более широкую семантику: «flower», «blossom»; «heyday», «prime»; «fine flour»; «elite»; «innocence», «virginity», и восходящего к латинскому *florem* (форма в именительном падеже *flos*) со значением «flower», которое, в свою очередь, возникло от протоиндоевропейского глагола **bhel-*, имевшего дефиницию «to thrive, bloom» [2]. Таким образом, в основе номинации анализируемого субстантива лежит именно глагол.

В начале XIII века в употребление номинатива *flower* входят новые значения такие как: «the best, the most excellent; the best of its class or kind; embodiment of an ideal». В данном случае речь шла о человеке. Затем, в начале XIV века стали говорить о лучшем представителе класса вещей. В конце XIV века появляются номинации: (1) «blossoming time»; (2) образное использование: «prime of life, height of one's glory or prosperity, state of anything that may be likened to the flowering state of a plant» [3].

Ранее было отмечено, в семантику старофранцузского субстантива *flor* входило значение «fine flour». Соответственно, до конца XIV века эти лексемы в английском языке также не дифференцировались. Считается, что семантическое сближение объясняется представлением французов о понятии муки как «лучшей части» (*finer portion of ground grain*) муки, также как цветок является лучшей частью растения или прекраснейшим растением поля. По этой причине долгое время была путаница. Только в 1830 году в английском языке произошло отделение этих лексем [2; 3].

На период начала XIV века за лексемой *flower* были закреплены новые толкования: «a beautiful woman» и «virginity». В 1818 году в письменных источниках было засвидетельствовано понятие *flower-box*; в 1873 году *flower-arrangement*, а в 1967 году появилось употребление *flower child* со значением «gentle hippie» [3].

Таким образом, этимологию языкового знака *flower* можно представить следующим образом: *flower* (n.) < *flur* (n.) (*fl(o)ur*, *floer*, *floyer*, *flowur*, *flor*) < *flor* (n.) < *florem* (*flos*) (n.) < **bhel-* (v.).

Научный интерес представляет тот факт, что на период заимствования лексемы *flower* из французского языка в английском языке существовало исконно английское / германское слово, имеющее близкое лексическое наполнение «a flower of a plant» – *blossom*. Данное слово употреблялось в староанглийском языке в форме *blostm*, *blostma* и произошло от протогерманского **blo-s-* (сравните средненижненемецкий *blossom*, нидерландский *bloesem*, немецкий *Blust*), восходящее к расширенной форме **bhlow-* корня протоиндоевропейского глагола **bhel-* со значением «to thrive, bloom» [3]. Следовательно, лексемы *flower* и *blossom* произошли от одного и того же предиката. Кроме того, от него также возникло слово *bloom*, имеющее толкование «blossom of a plant». Эта лексема проникла в английский из скандинавского языка, восходящая к протогерманскому **blomon* (источник старосаксонского *blomo*, средне нидерландского *bloeme*, голландского *bloem*, древневерхненемецкого *bluomo*, немецкого *Blume*, готского *bloma*), образованного от расширенной формы **bhle-* праиндоевропейского глагола **bhel-*. Однако данный субстантив не был столь широк в употреблении по сравнению с *blossom* или *flower*. Это существительное использовалось в английском языке для выражения кульминационной красоты растения, соответственно, имело более тонкое понятие, чем *blossom* [2; 3].

Данные проведенного диахронического анализа позволяют сделать вывод, что протоиндоевропейский предикат **bhel-* создает целый ряд близких по семантике слов: *blossom*, *bloom* и *flower*. Несмотря на существующий исконно английский субстантив

blossom, в среднеанглийский период были заимствованы лексемы bloom и flower. Это явление можно объяснить тем, что, во-первых, слово flower имеет более широкую семантику и коннотацию, нежели лексема blossom. Во-вторых, заимствованная лексика, как правило, проникает в язык под влиянием различных экстралингвистических факторов. В средний период своего развития английского языка произошло одно из важнейших событий в истории Англии – Нормандское завоевание 1066 года, имевшее огромные последствия для английского языка, его письменности и лексики.

Мы установили, что за существительным flower изначально были закреплены все те значения, которые имеются в семантике данного слова в современном английском языке, однако появляющиеся в разные периоды своего развития.

Список литературы

1. Аракин В.Д. История английского языка: Учеб. пособие. – 2 изд. – М. : ФИЗМАТЛИТ, 2003. – 272 с.
2. A New English Dictionary on Historical Principles: Founded Mainly on the Materials Collected by the Philological Society by James A. H. Murray and Henry Bradley: in 9 Vol. – Oxford : Clarendon Press at Oxford, 1900. – Vol. IV. – 1180 p.
3. Online Etymology Dictionary. https://www.etymonline.com/word/bloom?ref=etymonline_crossreference#etymonline_v_13622 (дата обращения: 2.05.2019).
4. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology by Hoad. <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780192830982.001.0001/acref-9780192830982>
5. The Free Dictionary – <https://www.thefreedictionary.com/flower> (дата обращения: 2.05.2019).

10.02.04

Н.В. Сабурова канд. филол. наук

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Институт зарубежной филологии и регионоведения,
Якутск, natalya_saburova@inbox.ru

КАТЕГОРИЯ АВТОРСТВА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ СМИ

Статья представляет собой обзорный анализ способов проявления категории авторства в англоязычных текстах средств массовой информации. Категория авторства в рамках работы трактуется как свойственная прежде всего информационно-аналитическим и художественно-публицистическим жанрам текстов СМИ. Реализация данной категории анализируется в статье на трех уровнях текста: тематическом, структурном и речевом.

Ключевые слова: *категория авторства, жанр, информационная аналитика, тематика.*

Статья посвящена проблеме выделения категории авторства в текстах СМИ. Сам термин «автор», как и понятие категории автора, прежде всего, ассоциируется с художественным текстом. Так, Б.О. Корман выделяет три значения употребления слова «автор» в литературоведении. Во-первых, «автор» означает писателя – реального человека. Во-вторых, он обозначает концепцию, взгляд на действительность, выражением которого является все произведение. Некоторые исследователи выделяют два вида авторского присутствия в художественном произведении. Первый вид присутствия связан с пониманием образа автора читателем в буквальном смысле. Второй вид присутствия связан с рефлексией, отображением автором некой модели, отражением своего понимания мира, отношения к действительности. [4].

Обзор публицистических жанров показывает, что многие из них в силу своих функциональных особенностей не могут не опираться на более или менее выраженное присутствие авторской категории. Так, Т.Г.Добросклонская выделяет следующие жанры исходя из функционально-стилистической дифференциации языка: 1. новости – тексты, которые наиболее полно реализуют функцию сообщения, и информативную функцию; 2. информационная аналитика и комментарий, которые реализуют функцию сообщения с более выраженным элементом воздействия через выражение мнения и оценки; 3. features (художественно-публицистические тексты) характеризующиеся дальнейшим усилением воздействия в художественно-эстетическом варианте; 4. реклама [2]. По мнению А.К. Бобкова, с точки зрения присутствия рассматриваемой категории, авторское присутствие в информационных жанрах выражено в меньшей степени, а в аналитических жанрах – в большей [1].

Главная особенность языка публицистики – оценочность. Все языковые средства направлены на то, чтобы воздействовать на аудиторию [3]. Оценка присутствует в публикациях всех аналитических жанров, где авторы часто демонстрируют свое отношение к фактам в более или менее скрытой форме, поскольку явное нарушение требований объективности может спровоцировать у читателей ощущение давления. Более предпочтительной является ситуация, когда автор пытается в менее навязчивой форме «помочь» формированию суждений аудитории. И напротив, владение более имплицитными приемами формирования авторского присутствия свидетельствует о высоком уровне журналистского мастерства.

В рамках данного исследования был проведен анализ информационно-аналитических текстов англоязычных электронных изданий The Guardian, The Washington Post, The Independent, The New York Times. Данные издания относятся к качественной прессе, большую часть материалов которой и представляют тексты информационной аналитики.

Материалом для анализа являются тексты из разделов *opinion* (The Guardian), *opinions* (The Washington Post), *comment* (The Independent), *opinion* (The New York Times). Всего было проанализировано около 50 статей за период 2016-2017 гг. Для выявления особенностей функционирования авторского присутствия в информационно-аналитических текстах мы будем придерживаться следующей схемы анализа:

1. Формулировка темы;
2. Семантическая и композиционная структура текста;
3. Реализация категории автора на речевом уровне.

1. Формулировка темы

Проанализированные тексты в основном посвящены таким актуальным темам, как терроризм, террористические атаки, парламентские выборы в Великобритании, деятельность Дональда Трампа, экономические и социальные проблемы. Все тексты основаны на привязке к информационному поводу, т.е. авторы выражают свое мнение и дают оценку какому-либо определенному событию. Так, статья “On the Other Side of Terror’s Boom” написана после серии террористических атак вечером 3 июня в Лондоне: “**The terror attack in London on Saturday night** — the third in as many months, the second in as many weeks — demonstrated the persistence of the threat we face and the ease with which terrorists can carry out their schemes” [8].

2. Семантическая и композиционная структура текста

Все статьи довольно объемные. Структура текстов представляет собой обычную «пирамиду», так как в информационной аналитике заключительная часть важнее вступления в отличие от сугубо новостных текстов. В текстах можно выделить вступление, основную часть и заключение. Например, в статье “On his third birthday, I can think of one gift Prince George really does need – and it's not another £18,000 playhouse”, речь идет о социальном неравенстве. Во вступлении автор упоминает о дне рождения старшего внука королевы; основную часть текста занимает подробный перечень полученных им роскошных подарков; он занимает большую часть текста и явно нацелен на то, чтобы вызвать реакцию у читателя. В заключении автор сравнивает жизнь принца Джорджа и других детей, одновременно подводя читателя к основной идее статьи: “**Meanwhile, one in five children in the UK lives in poverty. In Newcastle, Hartlepool and Middlesbrough, the part of the country where I grew up, that rises to one in three**” [5].

3. Реализация категории автора на речевом уровне

Авторы неоднократно используют прилагательные в превосходной степени, тем самым выделяя предмет или событие из ряда подобных. Например: “But **the most interesting** new phenomenon is the practice of companies giving employees unlimited leave” [9].

В большинстве текстов повествование осуществляется от первого лица единственного числа, но иногда авторы в середине текста меняют повествование на множественное число: “**Most of us** would answer no to the above question without a second thought” [7]; “**We should all** be in favour of the free movement of workers” [7]. Используя местоимения первого лица множественного числа “we”/ «мы», “us”/ «нас», автор хочет показать, что он является частью единой группы людей, в данном случае британцев-единомышленников. Создается впечатление нейтрального, объективного повествования, которое не связано с конкретным лицом субъективно описывающим событие.

В статьях также можно найти большое количество предложений с использованием модальных глаголов: “**They should** seek to partner with more states, widening the carbon markets they have created” [6]; “Our efforts to stop all bad things from happening — noble in theory, unrealistic in practice — **must always** be mirrored by our efforts to respond successfully and learn to do better the next time” [8].

В целом, проделанный анализ показывает, что авторское присутствие в проанализированных текстах реализуется практически на всех их уровнях и является значительным механизмом их смысловой структуры.

Список литературы

1. Бобков А.К. Газетные жанры: Учебное пособие. – Иркутск: Иркут. ун-т, 2005. – 64 с.
2. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь). — Издательство "Флинта" г. Москва, 2008. — 263 с.
3. Жаркова Т.В. Медiateкст в современном коммуникационном пространстве // Культура и образование. – Декабрь 2014. – № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/12/2768> (Дата обращения: 10.06.2019).
4. Корман Б.О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора // Избранные труды по теории и истории литературы / Предисл. и составл. В.И. Чулкова. Ижевск: изд-во Удм. ун-та, 1992. 236 с.
5. Baxter H. On his third birthday, I can think of one gift Prince George really does need – and it's not another £18,000 playhouse // Independent, July 22nd, 2016. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/prince-george-third-birthday-gift-royal-family-inequality-poverty-in-britain-a7150631.html> (Дата обращения: 08.06.2019)
6. Editorial Board. What states can do on climate change (even though we really need the Feds) // The Washington Post, June 3rd, 2017. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/what-states-can-do-on-climate-change-even-though-we-really-need-the-feds/2017/06/03/a95aec30-47c7-11e7-98cd-af64b4fe2dfc_story.html?noredirect=on&utm_term=.3f6f26a06fc2 (Дата обращения: 08.06.2019)
7. Fleming P. Would you pick fruit and veg for a very low pay? No? We have a problem // The Guardian, August 8th, 2016. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/aug/08/pick-fruit-veg-low-pay-brexit-vote-food-industry> (Дата обращения: 08.06.2019)
8. Kayyem J. On the Other Side of Terror's Boom // The New York Times, June 5th, 2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/06/05/opinion/london-attack-emergency-medical-response.html> (Дата обращения 10.06.2019)
9. McRae H. Enjoy this bank holiday weekend, because it could be your last // Independent, May 27th, 2017. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/bank-holiday-vacation-gig-economy-workers-rights-a7759211.html> (Дата обращения: 05.06.2019)

10.02.19 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

10.02.19

Л.В. Ахметшина канд. филол. наук

Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма,
факультет сервиса и туризма,
кафедра иностранных языков и языкознания,
Казань, fazan_nlv@mail.ru

**СИСТЕМНО-АСПЕКТУАЛЬНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ В ЯЗЫКЕ**

В данной статье рассматриваются основные критерии и закономерности освоения компьютерной терминологии в языке. Значительное внимание уделяется анализу примеров из учебных пособий, обучающих сайтов. На основе анализа примеров аргументируется появление такого явления как компьютерная терминология, способы ее освоения, процентное соотношение использования того или иного способа освоения. Приводится список самых активно используемых слов по теме «Компьютерная наука», «Программное обеспечение».

Ключевые слова: *термины; терминология; компьютерная терминология, освоение заимствованных терминов.*

Прогресс науки невозможен без появления определенных слов, лексических единиц для обозначения новых понятий в различных областях науки, техники, общественно-социального прогресса. Каждый шаг научного исследования закрепляется в отдельных терминах. Основная черта, отличающая термин от всех других, обычных слов, в том, что он является названием какого-либо понятия в области науки, техники, искусства и т. д.

Сейчас нам трудно представить, как может выглядеть современный мир без ПК. Пользователи персональных компьютеров сталкиваются с обилием новой терминологии, и это создает новые проблемы в освоении компьютерного языка, которые требуют языковой компетенции в контексте междисциплинарных знаний. [1, с. 115]

Цель данной статьи - представить сравнительный анализ заимствованной компьютерной терминологии в области лексико-семантической группы «Программное обеспечение» на английском, русском языках и изучить трудности их освоения, представить основную классификацию по методам освоения терминологии.

Материалы исследования. Термины информатики, рассматриваемые в этой статье, были собраны из учебных пособий по информатике и программированию, словарей по программному обеспечению.

Актуальность. В период глобальной компьютеризации создаются новые возможности для расширения терминологической лексики в языке, в том числе используя данные, которые выявлены в процессе исследования.

Практическое значение. Результаты исследования материалов словарного запаса, ориентированного на профессию, могут быть использованы в образовательной деятельности, с целью повысить уровень языковой осведомленности студентов и сделать процесс обучения интересным, простимулировать мотивацию учащихся.

XXI век характеризуется появлением электронных вычислительных машин и развитых компьютерных технологий. Прогрессивное развитие в этой сфере знаний связано с ее терминологией. Стоит отметить, что отраслевая лексика, имеющая отношение к технике и компьютерам, существовала и раньше, а теперь компьютерная лексика с каждым днем увеличивается в объеме, и широко используется в повседневной жизни. [2, с. 6] Активный

процесс компьютеризации диктует адекватное преобразование соответствующих текстов с одного языка на другой. В наши дни изучение заимствований из английской компьютерной терминологии в русский язык очень актуально, так как эти термины появляются в новых, развивающихся сферах как кибернетика, нанотехнология и робототроника.

Как показывает практика, английский язык часто считают компьютерным языком. Информационные технологии это специфическая сфера, где новые термины появляются ежедневно и расширяются значения уже используемых терминов, изменяется вся терминологическая система.

Вот некоторые из причин использования компьютерной терминологии в языке [1, с.115]:

1. в общественной жизни появляются новые реалии и предметы соответственно и новые понятия (*компьютер, файл, диск*);
2. то, что прежде называлось при помощи словосочетания, получает новое слово. (*cache - сверхоперативная память, bug - ошибка в программировании, port - порт*);
3. влияние иностранной культуры, диктование модой на иностранные слова;
4. большинство новых слов появилось с развитием науки, техники, культуры, экономики, производственных отношений (*scanner - сканер, hypertext Link - гиперссылка*);
5. использование уже существующего понятия, вместо того чтобы переводить (*menu - меню, список, modem - модем, monitor - монитор*)

Адаптация к российским реалиям является основной характерной чертой, отличающей заимствования от иностранных слов. Культурное влияние США на Россию проявилось во многих сферах жизни. С середины прошлого столетия после прорыва в исследованиях по электронной вычислительной технике в русском языке появилось очень много заимствований в сфере «Компьютерная наука» из английского языка. Как утверждает Табанакова, сложность перевода текстов, особенно в области информационных технологий, заключается в том, что многие компьютерные термины относятся к неэквивалентному словарному запасу. [3, с. 23]

Освоение терминологической лексики в языковом контексте означает целенаправленное использование ее в коммуникациях академической среды.

Методов освоения терминологической лексики несколько, а именно:

1. общее заимствование через транскрипцию и транслитерацию;
2. калька - поморфемное заимствование: заимствованные английские слова изменены или приняты с точки зрения правописания и произношения, например, слово *modulation* становится *модуляцией*;
3. полная модификация заимствованных слов: заимствованные английские слова полностью изменены, например *data* – *данные*;
4. заимствование с изменением значения английского слова, значение слегка или полностью изменяется, например, слово *manipulation*, которое имеет положительное значение, становится *манипулирование*, которое имеет отрицательное значение.

Английские термины в компьютерной сфере в основном используются в виде кальки - «поморфемным» перевод иностранного слова на русский язык: названия крупных корпораций (AMD, Nvidia, Microsoft, Samsung, Apple), названия технологических стандартов, названия программного обеспечения. Основа первого способа заимствования эта - лексическая и морфемная кальки. Например: *chromatic printing* - цветная печать, *screen resolution* - разрешение экрана. Этот способ представляет собой комбинацию средств, упомянутых выше. Второй способ - заимствование посредством транскрипции, которая представляет собой преобразование звуковой формы исходного текста в терминах кириллицы. Третий способ - использование семантических эквивалентов или функционального аналога. Например: *data* - *данные*, *file share, folder* - *папка*. Термины, состоящие из двух-трех слов можно перевести путем замены составных частей лексических элементов в оригинальном тексте на основе лексического соответствия английского и русского языков.

Проведенный анализ терминологической лексики показывает, что способ заимствования большинства международной терминологии относится к категории транскрипции / транслитерации (38, 5%). Примеры компьютерных терминов, которые были заимствованы посредством транскрипции / транслитерации: *analogue* – аналоговый, аналог; *buffer* – буфер, *byte* – байт. Вторым, широко используемым, способом заимствования являются семантические эквиваленты (33%). 21,5% слов приходится на использование способа кальки, например: *command line* – командная строка; *audio book* – аудио книга; *database* – база данных. Например: *script-anchor* – якорь-привязка (слово или группа слов, к которым привязана гипертекстовая ссылка, объект HTML); *object array* – массив (функция написана на языке программирования PHP), *binary* – бинарный, *cod* – код, *design* – дизайн; *file* – файл, *computer game* – компьютерная игра.

Анализируемые данные могут быть использованы при группировании компьютерной лексики по средствам заимствования и семантическим особенностям терминов. Согласно Дж. Ричардсу «активация схем содержания учащихся или предоставление им справочной информации служит средством определения тематической области задачи». [4, с. 59]

Ниже приведены примеры, наиболее активно употребляемых терминов в компьютерных технологиях, программном обеспечении: *application* – приложение; *bit* – бит; *bug* – ошибка в программировании; *byte* – байт; *cache* – сверхоперативная память; *cd-rom* – привод компакт-дисков; *cursor* – курсор; *dialog box* – диалоговое окно; *document* – документ; *download* – скачать, загрузка; *DVD (Digital Versatile Disc)* – цифровой двусторонний диск; *file* – файл; *gig* – гигабайт (=1024 мегабайт); *hardware* – детали компьютера; *hypertext link* – гиперссылка; *icon* – графический символ программы, папки, файла; *keyboard* – клавиатура; *kilobyte* – килобайт (=1024 байт); *megabyte* – мегабайт (=1024 килобайт); *memory (ram)* – память; *menu* – меню, список; *modem* – модем; *monitor* – монитор; *motherboard* – материнская плата; *mouse* – мышка; *nanosecond* – одна миллиардная доля секунды; *network* – локальная сеть; *operating system* – операционная система; *port* – порт (разъём для соединения разных дополнительных периферийных устройств); *scanner* – сканер.

Выводы. Лексико-семантическая группа в сфере «Программного обеспечения» имеет общую тенденцию заимствовать компьютерные термины посредством транскрипции / транслитерации на русском языке. Транскрипция / транслитерация является широко используемым средством во всех сферах жизни, но особенно часто этот способ используется в области компьютерной науки, благодаря активному развитию инновационных технологий. Начало развития компьютерных технологий было положено в США. История развития компьютерной техники продолжается, и на сегодняшний день. Каждый день появляются новые понятия, адекватные аналоги для всех терминов невозможно найти, поэтому одним из самых основных способов заимствования необходимых определений можно назвать транскрипцию / транслитерацию.

Список литературы

1. Ахметшина Л.В. Английские заимствования и их роль в развитии языка. – Казань: Отечество, 2017. – С. 115-119
2. Ахметшина Л.В., Шамсутдинова А.Р. Научная терминология в разносистемных языках. //Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. № 6-3. – С. 66-68
3. Табанакова В.Д. Моделирование научно-исследовательского текста. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. – С. 23-30
4. Richards J.C., Renandya W.A. Methodology in language teaching: An anthology of current practice. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – P. 59-68

10.02.19

¹К.Н. Бурнакова д-р филол. наук, ²Т.Н. Боргоякова канд. филол. наук

¹Московский городской педагогический университет,
Институт иностранных языков,
кафедра раннего изучения иностранных языков,

²Федеральный институт развития образования РАНХиГС при Президенте РФ,
Центр национальных проблем образования,
Москва, klara_burnakova@mail.ru, borgatyana@rambler.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОШЕДШЕГО НЕОПРЕДЕЛЕННОГО ВРЕМЕНИ В ТЕКСТАХ СКАЗКИ

В статье представлено новое актуальное научное направление – система временной формы на -иан, которая не подвергалась детальному изучению в тексте сказки. На основе сравнительно-сопоставительного анализа доказано, что эта форма является центром функционально-семантического поля прошедшего времени и занимает доминирующее положение в описании событий в хакасских сказках.

Ключевые слова: *форма глагола, время, текст сказки, функция, семантика.*

С лингвистической точки зрения сказки представляют собой оригинальный текст, написанный на хакасском языке, в котором сохраняются все тонкости значений языковых единиц в первозданном виде. Детальный анализ сферы употребления формы прошедшего времени на -ган, в которой наиболее органично соприкасаются временное пространство действительности и форма, выполняющая функцию номинации этих отношений, на материале хакасских сказок актуально как с практической, так и научной точки зрения.

В связи с этим в статье ставится цель проанализировать и выявить прямое и вторичное значение в семантической структуре формы на -ган, а также уточнить её функциональную роль в построении текста сказки. В процессе исследования были поставлены следующие задачи: выявить ведущую функцию формы на -ган, а также степень продуктивности остальных её функций, определить её главную роль в построении текста сказки, проследить её взаимодействие с другими временными формами в выражении временных отношений в рамках сказки.

Предполагается, что сказители опираются, прежде всего, на глагол и его категории, используя его возможности как структурной языковой единицы, и средства выразительности излагая события прошлого. В данном исследовании предложено новое видение в изучении временных форм глаголов хакасского языка, которое позволит внести уточнения в их функционально-семантические характеристики.

Хакасский язык обладает необычной системой временных форм в тексте, которые не подвергались детальному изучению с точки зрения их функциональных, семантических и, тем более, экспрессивных возможностей. Временная система современного хакасского языка имеет свою специфическую структуру, которая содержит большое количество показателей, имеющих сложные функционально-семантические характеристики. Именно поэтому вне текста бывает довольно сложно определить не только взаимоотношения между ними, но и рассмотреть те компоненты особых значений или функций, которые делают данную конкретную форму уникальной. В современном хакасском языке наиболее богато представлено поле прошедшего времени, в котором сосуществуют семь форм, обладающих сложной семантической структурой.

Форма прошедшего времени на -ган/-ген/ -хан/ -кен/ -ан/ -ен. Выбор данной формы в качестве предмета исследования объясняется тем, что она является центром функционально-семантического поля прошедшего времени благодаря тому, что в ней значение времени не

осложнено дополнительными оттенками значения – аспектуальности, модальности или эвиденциальности. Эта особенность отличает её от других форм времени, она способна сочетаться со всеми лексико-семантическими группами глаголов, имеет высокий уровень частотности употребления и весьма широкие функции. Форма на *-ган* занимает аналогичное положение и в других тюркских языках Южной Сибири. Однако, несмотря на это сходство, в каждом языке имеются свои особенности, чаще всего связанные с её функциональным потенциалом, который в некоторых случаях зависит от того, как выстраиваются отношения этой формы с другими формами в функционально-семантическом поле прошедшего времени. Например, в грамматике тувинского языка отмечается, что «характерным и решающим в употреблении прошедшего (простого) времени на *-кан* является сам «факт совершения действия в неопределенном прошлом, до момента речи; при этом говорящий обращает внимание слушающего не столько на самое действие, сколько на его результат». Несмотря на название этой временной формы «прошедшее неопределенное», авторы грамматики рассматривают значения «недатированное и давнопрошедшее» как вторичные (условные) признаки, а «сам факт совершения действия в неопределенном прошлом, его результат» – в качестве основного значения [3, с. 372-273]. Аналогичной точки зрения придерживается В.И. Рассадин, проанализировав свойства формы на *-ган* на материале тофаларского языка. Им подчеркивается, что основным значением формы на *-ган* является «сам факт совершения действия, в неопределенном прошлом и его результат» [4, с. 211]. Шорскую форму Э.Ф. Чиспияков называет «прошедшее время на *-ган* (давнопрошедшее)», а его значение определяет, как обозначение действия, совершившегося в прошлом, но не приуроченного к определенному моменту [6, с. 80]. Авторы грамматики хакасского языка считают, что «форма на *-ган* обозначает действие, имевшее место в неопределенном прошлом..., она не подчеркивает определенности, категоричности действия, а лишь констатирует факт совершения действия в прошлом». В результате сравнительно-сопоставительного анализа можно заметить, что значение «неопределенности» отмечено всеми авторами, в то время как «результативность» не рассматривается в качестве существенного признака значения в хакасском и шорском языках, а лишь подчеркивается, что «результат» или «следствие» этого действия может сохраняться и в настоящем [1, с.457; 2, с. 211].

Анализ материала показал, что для хакасского и шорского языков значение «результативности» не отмечается в качестве важного компонента семантической структуры этой формы. В то время как для тувинской и тофской формы значение «результативности» является значимым компонентом семантики.

А.М. Щербак, отмечая многозначность тюркских форм на *-мыш* и *-ган*, в качестве основных особо выделяет значения «результативности» и «недоверности» [7, с. 92-93]. Однако для семантической структуры хакасской формы на *-ган* главным является выражение действий или состояний, имевших место до момента речи, т. е. в плане абсолютного прошлого. Отмеченное выше название «прошедшее неопределенное время» вполне согласуется с её функционально-семантическими характеристиками и подтверждается данными, полученными из хакасских народных сказок. Значение же «неочевидности» в хакасском языке выражается специальной формой на *-п тыр*, а «результативность» – формой прошедшего времени на *-ды*.

Рассмотрим роль формы прошедшего времени на *-ган* в хакасских сказках. Для анализа были привлечены народные сказки, которые по структуре представляют фольклорные рассказы, передаваемые из поколения в поколение только путём устного повествования. В них отражаются временные формы хакасского языка во всем многообразии своих форм, значений и функций, достаточно отчетливо просматриваются распределение функций внутри поля прошедшего времени и снимаются спорные вопросы, касающиеся близких по значению форм.

В хакасских сказках важная роль отводится категориям времени и пространства, роль которых особенно значима в зачине, как фрагменту сказки, с которым связано все дальнейшее повествование. Форма на *-ган* иногда используется в зачине сказки для

представления места, времени и главных героев сказки, например: *Палыхтыг кӧлнӱң хазында, палыхчы кӱзі Агол чурта-ан* (5, с. 182) 'На берегу Рыбного озера, рыбак Агол жил'.

Эта форма не имеет в своей семантической структуре необходимого для рассказчика модального компонента значения «неочевидности». Употребление формы на *-ган* в зачине как средства описания событий неопределенного прошлого бывает связано с желанием рассказчика создать иллюзию реального времени. В действительности форма на *-ган* выполняет повествовательную функцию в сказках. В более чем 53% проанализированных сказок форма на *-ган* появляется сразу же после зачина, например: *Харолның ипчӱзі паза ікі палазы полган* (5, с. 92) 'У Харола была жена и двое детей'. С этого предложения начинается основная часть повествования событий, времени, места и персонажей сказки, т.е. расшифровка общей информации, представленной в зачине.

Одной из характерных особенностей текста хакасской сказки является свободное употребление средств выражения способов глагольного действия, видо-временных и модально-временных форм для описания обычных каждодневных действий. Нередко в одном отрезке повествования настоящее и прошедшее время чередуются, поскольку череда событий описывается в прошедшем времени на *-ган*, а речь персонажей вводится глаголом в настоящем времени. Следует отметить что в какие бы сочетания не вступала временная форма на *-ган*, наблюдается преобладание повествовательной функции над всеми остальными, поскольку в сказке она служит, с одной стороны, средством объединения следующих друг за другом временных отрезков в единое целое, с другой стороны – средством, регулирующим временной фон сказки. Как правило, 26% текста сказки излагается именно с использованием формы прошедшего неопределенного времени на *-ган*.

Таким образом, спецификой хакасской формы является довольно четкая оппозиция, сложившаяся между ней и другими формами прошедшего времени. Это очень ярко прослеживается на примерах устного народного творчества, где функциональные свойства каждой формы раскрываются наиболее полно. Форма на *-ган* занимает доминирующее место в описании событий прошлого, как в сказках, так и в художественных произведениях современного хакасского языка.

Работа выполнена в рамках проекта 18.16 «Разработка концептуальных основ двуязычной общеобразовательной деятельности на языках из числа языков народов России», выполняемому в рамках государственного задания РАНХиГС.

Список литературы

1. Баскаков Н.А., Инкижекова-Грекул А.И. Хакасский язык / Хакасско-русский словарь. – М.: Изд-во..., 1953. – 488 с.
2. Грамматика хакасского языка. – М.: Наука, 1975. – 418 с.
3. Исхаков Ф.Г., Пальмбаха А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 472 с.
4. Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. – М.: Наука, 1978. – 286 с.
5. Хара Паар. – Абакан: Красноярское книжное издательство Хакасское отделение, 1979. – 127 с.
6. Чистяков Э.Ф. Учебник шорского языка. – Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1992. – 319 с.
7. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. – Л.: Наука, 1981. – 183 с.

10.02.19

А.С. Габышева, Л.И. Заморщикова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Институт зарубежной филологии и регионоведения,
кафедра английской филологии,
Якутск, ayuranagabysheva@gmail.com, lenazam@mail.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С СОМАТИЗМОМ «ГЛАЗ» В ЯКУТСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Фразеологические единицы с соматическим компонентом наиболее полно отражают антропоцентрический принцип в лингвистике. Статья посвящена сопоставлению и выявлению общих и специфических значений фразеологических единиц с соматическим компонентом «харах / еуе» («глаз») в рамках якутской и английской лингвокультур. Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ свидетельствует как о сходстве, так и о различиях в семантике изучаемых единиц в якутском и английском языках.

Ключевые слова: *антропоцентризм, сопоставительная фразеология, соматизм, якутский язык, семантика, фразеологическая картина мира.*

Фразеологическая картина мира, представляя собой образное картирование мира и рассматривая человека как ее часть, тесно связана с антропоцентрической парадигмой в лингвистике [3], и исследования в этой области представляются актуальными и вызывающими большой интерес. Фразеологизмы с соматическими (от греч. soma – «тело») компонентами являются самыми многочисленными и считаются одним из древних пластов лексики. Сопоставительные исследования фразеологии разных языков позволяют выделить общие и специфические черты в культуре, быте, истории и видении мира народов.

В статье сопоставляются фразеологические единицы (далее ФЕ) с соматическим компонентом «харах / еуе» в якутской и английской лингвокультурах. Целью исследования является выявление сходств и различий в семантике ФЕ с соматическим компонентом «харах/ еуе» в якутском и английском языках. Для достижения цели исследования использовались методы семантического и сравнительно-сопоставительного анализа. Материалом для исследования послужили словарные статьи из толковых и фразеологических словарей (Якутско-русский фразеологический словарь; Collins COBUILD Dictionary of Idioms; Concise Oxford Russian Dictionary).

Научную новизну исследования мы определяем тем, что впервые сопоставляются фразеологизмы с соматическим компонентом «харах/ еуе» в якутском и английском языках, что способствует более глубокому пониманию восприятия мира носителями этих языков, поскольку в фразеологизмах содержатся национально-культурные смыслы, позволяющие раскрыть общие и специфические черты в языковой картине мира сопоставляемых линггокультур.

Харах/еуе (глаз) – сенсорный орган, через который поступает большая часть информации из окружающего мира. Считается, что глаза – зеркало души, в них отражаются особенности характера, прошлый опыт и даже интеллектуальные способности человека [2]. Глаза также являются инструментом для выражения эмоций и чувств, поэтому существует множество фразеологизмов, которые показывают перемену в эмоциональном состоянии человека [6, с. 194].

В результате семантического анализа якутских и английских ФЕ с соматическим компонентом «харах/ еуе», отобранных методом сплошной выборки из толковых и фразеологических словарей [1; 5; 4; 7], был выделен признак «способность видеть, смотреть». Так, ФЕ «харах-көс буол», «хараххын быраба сырыт» (досл. время от времени

бросать глаз), «*хараххын кэбис*», «*to keep an eye on*» обозначают «смотреть, наблюдать за кем, чем-либо»; «*хараххын хатаа, хараххын араарыма*» (досл. закрепи глаза), «*to keep one's eyes open*», «*not to take one's eyes off*» – «сосредоточить внимание на ком-либо или чем-либо, не отрывать взгляда»; «*to lay/ set one's eye on*» – «взглянуть»; «*to keep an eye out for*» – «высматривать»; «*to look someone in the eye*» – «смотреть в упор», «*харах дала*» – «поле зрения».

Признак «отличное зрение» реализуется в ФЕ «*кырабы харах*» («зоркий глаз»), «*an eagle eye*» (букв. орлиный глаз – «превосходное зрение»).

Признак «чувства и эмоции человека» вербализуется в следующих ФЕ: «*харахтара ирэн барда*» (досл. глаза оттаяли) – «становиться мягким, ласковым; смотреть ласково, радостно»; «*хараххын сымнат*» (досл. смягчить глаза), «*to feast one's eyes on*» – «любоваться, смотреть с удовольствием»; «*to take eyes at*» – «любовно посмотреть», «*apple of (someone's) eye*» – «объект любви, привязанности (свет очей, зеница ока)», «*have stars in one's eyes*» – «глаза сверкают от счастья»; «*feast one's eyes on*» – «наслаждаться чем-либо»; «*харахтары алара көрдүлэр*» (досл. глаза посмотрели вниз) – «умерить свою спесивость, кичливость»; «*eyes pop out*» (букв. глаза вылезли из орбит) – «очень удивиться»; «*hit (someone) right between the eyes*» – «произвести сильное впечатление на кого-либо». Примечательно, что в обоих языках ФЕ с соматизмом «глаз» передают в большинстве своем положительные чувства и эмоции.

По признаку «оценочная характеристика поведения, характера человека» были выявлены нейтральные ФЕ: «*харах дьүккэтинии харыстаа/харах харатын курдук харыстаа*» – калька «беречь как зеницу ока»; «*хараххын тымныта түс*» (букв. охладить глаза) – «заснуть на некоторое время, вздремнуть»; «*харахта симнэ*» (букв. закрывши глаза) «очертя голову, махнув на все рукой»; «*to see eye to eye*» – «полностью согласиться». Кроме того, были выявлены ФЕ с отрицательной коннотацией: «*харахтаах кынчарыйыа, илиилээх охсуо, тыллаах этиэ (санарыа)*» – все кому не лень обсудят (о сиротах и отлучающихся на чужбину детей) (букв. имеющие глаза будут коситься, имеющие руки будут бить, имеющие язык будут говорить (ругать)); «*харах баайыта*» – преднамеренное приукрашивание чего-либо; обман, очковтирательство; «*an eye for an eye*» – «око за око, месть».

Был выделен и признак «оценочная характеристика предметов и явлений», который актуализируется в ФЕ «*харахтан сыыһы ылбыт курдук (ылбытты)*» (букв. словно убрали соринку из глаза) – «как рукой сняло» (обычно о болезни, недомогании); «*харах тэстэр харангата*» (букв. темно так, что глаза могут лопнуть) – «(темно) хоть глаз выколи»; «*more than meets the eye*» – «то, что не понять с первого взгляда».

Признак «привлекать внимание, быть особенно заметным»: «*харахха бырабыллар (охсуллар)*», «*to catch one's eye*» (букв. поймать чей-н. взгляд), «*to be an apple of someone's eye*» (букв. быть яблоком в чьих-н. глазах); «*to give smb. the eye*» – «строить глазки, подмигивать»; «*хара харах көрбөтөх, хантабай кулгаах истибэтэх*» (букв. черным глазом не увиденное, плоским ухом не услышанное) – «нечто небывалое, диковинное». Наряду с данным признаком выделяется антонимический признак «намеренно не обращать внимания на что-либо»: «*хараххын сап*» (досл. закрывать глаза на ч-л.), «*to turn a blind eye on*» – «закрывать глаза на что-либо».

Признак «красивый, симпатичный» реализуется в следующих фразеологизмах: «*харах халтарыар*» (букв. глаз скользит) – «очень красивый, красочный, необычный»; «*easy on the eyes*» – «симпатичный».

В ходе сравнительно-сопоставительного и семантического анализа английских и якутских ФЕ нами были выявлены не только общие, но и специфические признаки. Так, в английских ФЕ вербализируются следующие признаки, не отраженные в якутском языке: признак «отражение мыслительного процесса» («*in smb.'s eyes*» – «с точки зрения чего-либо или кого-либо», «*in one's mind's eye*» – «мысленно, в чьем-либо воображении»), признак «качество, характеризующее человека» («*has an eye for something*» – «знать толк в чем-либо»), признак «отражение реалий» («*a private eye*» – «частный детектив»).

В якутских ФЕ с соматизмом «харах» актуализируется национально-специфический признак «мера»: «*харах ыларынан (ыларын тухары)*» (досл. что возьмет глаз) – «насколько хватает глаз»; «*харах холооһунунан (харабынан холоон)*» (досл. глаз сравнит) – «на глазок».

Признак «проявлять жадность, получать доход» вербализуется в следующих якутских ФЕ: «*харах бэстээх*» – устар. «завистливый, жадный до последней степени»; «*харах харамыгар*» – «проявляя жадность, жадничая»; «*харах таһаарын*» (букв. извлекать глаза) – диал. «извлекать выгоду из чего-либо; иметь небольшой доход от чего-либо».

Таким образом, семантический анализ якутских и английских ФЕ выявил, что в обоих языках ФЕ с компонентом «харах/ eye» актуализируют следующие общечеловеческие (универсальные) признаки: «способность видеть», «отличное зрение», «чувства и эмоции человека», «характеристика поведения, характера человека», «привлечение внимания», «положительная оценка внешнего вида людей». С другой стороны, были выявлены признаки, не имеющие аналогов в другом сопоставляемом языке и отражающие специфику сопоставляемых лингвокультур. Так, в якутских ФЕ вербализуются признаки «жадность», «мера», а в английском языке – признаки «мыслительный процесс», «качество, характеризующее человека».

Список литературы

1. Англо-русский словарь устойчивых словосочетаний-Collins COBUILD Dictionary of Idioms. - М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004. - 751с.
2. Глаза – зеркало души [Электронный ресурс] // Международный проект для людей, объединенных идеей экологичности отношений, бизнеса и жизни. econet.ru – Режим доступа: <https://econet.ru/articles/2101-glaza-zerkalo-dushi-cheloveka> (дата обращения 30.05.2019)
3. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. - М.: Ин-т языкознания РАН, 1995.
4. Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. – Т.2 Л. – Э. – 420 с.
5. Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь. Новосибирск: СО РАН, Филиал "Гео", 2002. Т. 1. А.-К. – 380 с.
6. Нэпп М., Холл Д. Невербальное общение. Мимика, жесты, движения, позы и их значения СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. — 512 с.
7. Уилер М., Унбенгаун Б., Фалла П. Concise Oxford Russian Dictionary: Русско-английский, англо-русский - М.: Инфра-М, 2004 – 1002 с.

10.02.19.

¹Д.З. Гайнутдинова канд. филол. наук, ²А.Т. Галиахметова канд. педагог. наук,
^{1,3}М.И. Андреева канд. филол. наук

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Научно-исследовательская лаборатория
«Интеллектуальные технологии управления текстами»,

²Казанский государственный энергетический университет, кафедра иностранных языков,

³Казанский государственный медицинский университет, кафедра иностранных языков,
Казань, key691@yandex.ru, alta261@rambler.ru lafruta@mail.ru

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ФИКСАЦИЯ АРХИТЕКТУРНЫХ И СТРОИТЕЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ – МЕТАФОР В ДВУЯЗЫЧНОМ СЛОВАРЕ

В данной статье описывается построение Англо-русского словаря архитектурных и строительных терминов-метафор. Термины в Словаре представлены в соответствии с алфавитно-гнездовым принципом. Подробно описывается микроструктура Словаря, содержащая шесть зон.

Ключевые слова: словарь, термин, метафора, словарная статья.

На современном этапе развития лингвистической науки активно исследуется метафора, играющая важную роль в ходе научного описания предметов и явлений различных областей знания [5, 11, 12 и др). По замечанию А.В. Суперанской, «благодаря своей наглядности, метафора помогает понять и объяснить многие факты, изначально не очевидные, создавая ассоциации по форме, цвету, фактуре, размеру и т.д., обычно предшествующие более глубокому изучению явлений окружающего мира» [14, с.93].

Цель настоящего исследования – описать комплексное лексикографическое исследование терминов-метафор, представленное в Англо-русском словаре терминов-метафор (далее АРСТМ).

Лексикографическое описание строительных терминов уже привлекало внимание исследователей [8, 15], однако лексикографическая фиксация строительных и архитектурных терминов-метафор освещается впервые. Теоретической базой исследования в области общей и научно-технической лексикографии послужили работы В.В. Виноградова, А.Н. Гавинского, А.С. Герда, О.М. Карповой, В.В. Морковкина, В.Д. Табанакowej, Н.Ю. Шведовой и др.

АРСТМ фиксирует 317 английских терминов-метафор, включая метафорические однословные термины и терминологические словосочетания, содержит их перевод на русский язык, толкование, а также иллюстрацию их употребления.

Под термином-метафорой понимаем «общеупотребительное слово (или словосочетание), принимаемое в специальном значении и выступающее как наименование профессионального понятия, входящее в системные отношения с терминами данной отрасли знания, а также используемое в профессиональной коммуникации» [2, с. 93].

Источниками отбора метафорических терминологических единиц послужили англо-русские и русско-английские словари по архитектуре и строительству, одноязычные словари русского и английского языков, а также корпус профессиональных текстов объемом около 80000 страниц на английском и русском языках.

При составлении АРСТМ мы придерживались общепринятых в терминографии требований. Макроструктура Словаря состоит из следующих элементов: 1) вступление, в котором представлена общая характеристика подачи материала; 2) список сокращений и условных обозначений; 3) словник; 4) список лексикографических источников; 5) список иллюстративных источников.

В микроструктуре словаря выделяется шесть зон: 1) заголовочное слово (заглавная форма слова, лемма); 2) функционально-стилистическая зона; 3) зона значения/перевода; 4) зона шифров; 5) зона комментариев; 6) зона контекстов.

С целью облегчения поиска слов все термины представлены в АРСТМ в соответствии с алфавитно-гнездовым принципом. Вслед за А.Н. Гавинским, терминологическим (словарным) гнездом <...> считаем совокупность ряда словарных статей, сохраняющих свою полиграфическую оформленность и объединенных под одним гнездовым словом [3, с. 15]. Гнездование выражается в том, что все терминологические словосочетания помещаются и по алфавиту первого слова, и при опорном имени существительном, и оказываются собранными в одном гнезде на опорное имя существительное. Например, **honeycomb door** ○ **door**; **cement sand bed** ○ **bed**; **umbrella roof** ○ **roof**.

Заголовочное слово (заглавная форма слова, лемма) пишется в начале словарной статьи с заглавной буквы, с нового абзаца, полужирным шрифтом.

Имена существительные фиксируются в Словаре в именительном падеже единственного числа. Например, **carrier**, **skeleton**. В именительном падеже множественного числа даются существительные, или не имеющие единственного числа, или употребляющиеся преимущественно во множественном числе. Например: **flat nose pliers**.

Имена прилагательные располагаются в паре с существительными, с которыми они образуют терминологические словосочетания. При этом существительное также выделяется полужирным шрифтом. Например, **dead door**, *стр., редк.*, глухая дверь; **green concrete**, *стр.*, невыдержанный бетон (схватившийся, но не приобретший достаточной прочности) [3].

Помета *редк.* (*редкое*) используется в случае, если термины зафиксированы в подязыке, но не зафиксированы в дискурсе.

После заголовочного слова следует **функционально-стилистическая зона**, которая указывает на использование термина в профессиональном дискурсе (*архит.*, *стр.*, означающие, соответственно, *архитектурный*, *строительный термин*). Например: **fishtail**, *стр.*, раструб в форме рыбьего хвоста [1], **swan-neck**, *архит.*, закругление на конце лестничных перил [5].

Зона значения / перевода следует после функционально-стилистической зоны. В Словаре значения терминов раскрываются в кратком определении, необходимом для их понимания и употребления. После зоны значения следует **зона шифров** – ссылка на источник, ранее зафиксировавший языковую единицу; помещается в квадратных скобках.

Полный список источников приведен в конце Словаря. Исследователь принципов построения терминологических словарей, А.С. Герд, указывает на необходимость приведения полного списка источников, позволяющего «в любом спорном случае проверить факт реального существования термина, его форму, оценить этот термин с точки зрения его авторитетности» [4, с. 23]. Словари-источники приводятся в алфавитном порядке.

Лексико-семантические варианты слова маркируются арабскими цифрами, например: **dog**, *стр.*, 1. кованая строительная скоба, применяемая при сооружении дома из бревен или брусьев □ **dog anchor** [1, 5]; 2. *редк.*, клещи □ **claw**; 3. *редк.*, гвоздодёр □ **claw bar** [2]; 4. *редк.*, троянка; скапель (для обработки камня) □ **claw chisel, tooth chisel** [1].

Зона комментариев является факультативной, комментарий располагается после знака < («меньше»), со строчной буквы.

Зона контекстов. Каждая словарная статья снабжена текстовой иллюстрацией, подтверждающей факт употребления термина в таких жанрах профессионального дискурса, как научные статьи, лекции, пояснения к чертежу, а также в рекламных текстах и на Интернет-форумах. Текстовые иллюстрации даются после знака ● и выделяются курсивом. Например:

soldier brick, *архит.*, кирпич, уложенный вертикально [5].

● **Soldier bricks must be more consistent in length than is required in conventional brickwork as the lines of the joints below and above should be straight, level and consistent in width** [1].

В иллюстрациях заглавное слово выделяется полужирным шрифтом.

Знаком * в текстовых иллюстрациях помечаются термины, зафиксированные в АРСТМ. Термины, снабженные такой пометой, определяются на своем алфавитном месте.

В ходе отбора материала зафиксированы синонимы терминов-метафор, размещаемые в Словаре после пометы □ (белый квадрат) сразу после толкования значения термина. Например: **lean concrete**, *стр.*, тощий бетон □ **poor concrete** [1].

Явление синонимии в терминологии является предметом спора ученых, будучи, с одной стороны, весьма нежелательным явлением [1, с. 95], «свойством, порочащим терминологическую систему» [6, с. 21]. С другой стороны, анализ исследований, посвященных изучению различных терминосистем, указывает на то, что терминологическая синонимия представляет собой их закономерную характеристику, связанную с процессом постоянного развития науки и техники [7, 10, 13 и др.]. С целью установления синонимии был проведен полный компонентный анализ терминов-метафор [13].

Заслуживает внимания тот факт, что выявленные синонимы терминов-метафор в общелитературном языке синонимами являются не всегда. Например, **melon dome**, *архит.*, защитный купол, разделенный на вспарушенные сегменты □ **parachute dome**, **umbrella dome**, **pumpkin dome** [5], где метафорический компонент «melon» – дыня, «parachute» – парашют, «umbrella» – зонт, «pumpkin» – тыква.

В заключение следует отметить, что составленный Англо-русский словарь терминов-метафор не является энциклопедическим архитектурно-строительным словарем, а содержит архитектурные и строительные термины, образованные исключительно метафорическим способом. Структура Словаря позволяет быстро находить словарную статью и эффективно передает всю необходимую информацию о термине-метафоре. Исследование определяется важностью систематизации и упорядочения терминов-метафор для современной архитектурной и строительной лексикографии.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Едиториал УРСС, 2001. 360с.
2. Гайнутдинова Д.З. Сопоставительный анализ структурных особенностей терминов-метафор архитектурно-строительного подязыка (на материале русского и английского языков) / Д.З. Гайнутдинова // Гуманитарные и социальные науки. – 2017. - №4. – С. 92-100.
3. Гавинский А.Н. Теоретические основы выбора оптимальной структуры двуязычных отраслевых словарей как одно из средств упорядочения научно-технической терминологии: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Киев, 1978. – 23с.
4. Герд А. С. Основы научно-технической лексикографии / А. С. Герд. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 69 с.
5. Гурьянова О.А. Метафорическая номинация в английской терминологии телевидения / О.А. Гурьянова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. – т. 16, №2 (2). – С. 394-396.
6. Даниленко В.П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по русской терминологии. М.: Наука, 1971. С. 7-67.
7. Иванова Г.А. Синонимы в терминологической системе метаязыка лингвистики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2011, № 6 (2), С. 199-203.
8. Карелова Д.Г. Асимметрия терминов гибких мобильных сооружений: когнитивный и мотивационно-номинативный аспекты (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук / Д.Г. Карелова; Татар. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Казань, 2010. – 215 с.
9. Карпова О.М. Лексикографические портреты словарей современного английского языка / О.М. Карпова // Лексикографические портреты словарей современного английского языка: Монография. – Иваново: Изд-во ИвГУ, 2004. – 192 с.
10. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. М.: КомКнига, 2006. 256с.

11. Ревина Ю.Н. Метафорическая номинация автомобильных терминов (на материале немецкого, английского и русского языков) / Ю.Н. Ревина // Омский научный вестник. – 2010. – №5 (91). – С. 122- 124.
12. Рябов А.Г. Метафора в терминообразовании: (на примере военной терминологии) / А. Г. Рябов // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. – 2009. – Т. 15, № 3. – С.149–154.
13. Солнышкина М.И., Гайнутдинова Д.З. Синонимы и антонимы в метафорической терминологии архитектурно-строительного подязыка [Текст] / М.И. Солнышкина, Д.З. Гайнутдинова // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Инновационные технологии нового тысячелетия» (Уфа, 1.07.2017 г.). – Уфа: Аэтерна, 2017. – С. 181-186.
14. Суперанская А.В. Общая терминология: вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева; отв. ред. Т.Л.Канделаки. – 4-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 248 с.
15. Bobyrev N.N., Latypov N.R. Lexicographic representation of architectural terms in the English-Russian dictionary //Journal of Language and Literature, ISSN: 2078-0303, Vol. 6. No. 3. Iss.1, August, 2015. P. 91-94.

Список лексикографических источников

1. ABBY Lingvo. Электронный словарь. Выпуск: 14.0.0.390
2. Англо-русский политехнический словарь. 80000 терминов. Под редакцией А.Е. Чернухина. Изд. 3-е, М., «Русский язык», 1976. – 646 с.
3. Бгашев В.Н. Учебный англо-русский иллюстрированный словарь-справочник по архитектуре и строительству / В.Н. Бгашев. – М.: Высшая школа, 2005. – 239 с.
4. Стецкий С.В. Англо-русский словарь по строительству и архитектуре / С.В. Стецкий– М.: «Архитектура-С», 2005. – 400 с.
5. Multitran [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.multitran.ru/> (дата обращения 05.05.19).

Список иллюстративных источников

1. Brick cutting [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bricklogic.co.uk/soldier_bricks.asp (дата доступа 02.04.19).

10.02.19

К.А. Давыдова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Институт зарубежной филологии и регионоведения,
кафедра английской филологии,
Якутск, ksudv21@gmail.com

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ АНГЛИЙСКОЙ АРИСТОКРАТИИ В РОМАНЕ ДЖОНА ГОЛСУОРСИ «ПАТРИЦИЙ»

В статье затронута тема социального деления британского общества. Описание социальных классов в английской художественной литературе предоставляет информацию о взаимоотношениях как между разными классами, так и внутри одного социального класса. Выявление социолингвистических характеристик образов аристократии, созданных в романе Д. Голсуорси «Патриций», позволяет создать представление об их устоях в определенный исторический период и сравнить с сегодняшним днем.

Ключевые слова: *высший класс, британское общество, Голсуорси, роман, образ, аристократия.*

В Великобритании наиболее яркое проявление деления на классы можно было наблюдать во время «викторианской эпохи», которая пришлась на середину XIX - начало XX веков. В этот период большинству классов был предписан определенный род занятий, и сменить его было крайне сложно. На вершине социальной лестницы стояла аристократия, за ней следовал средний класс и ниже - рабочий класс. Принадлежность к какому-либо из слоев общества проявлялась не только в состоянии, происхождении и положении в обществе, но и в манерах и речи. При этом размер доходов не играл особой роли для определения статуса.

Тема разделения общества на социальные классы остается актуальной проблемой для исследователей, в первую очередь с точки зрения социологии, экономики, а также лингвистики.

Новизна работы заключается в том, исследование проводится на анализе и описании отражения социальных классов Великобритании в романе Д. Голсуорси «Патриций» с социолингвистической точки зрения.

Целью данной работы является выявление социолингвистических характеристик высшего класса английского общества, на примере образов, созданных английскими писателем Джоном Голсуорси.

В романе «Патриций» (1911) Джон Голсуорси обращается к своим любимым темам - безнадёжной любви и ханжеству английской аристократии. В романе любовь – это страсть, перевернувшая жизнь молодого аристократа, однако, всякое проявление страсти традиционно воспринимается светом как позорная слабость. В «Патриции» конфликт романа заключается в противостоянии живых человеческих чувств и сословных предрассудков. Аристократическое общество Англии представлено в романе на примере одной семьи через описание их забот, интересов и ценностей.

Юстас Милтоун, сын лорда Вэллеса - главный герой романа полюбил замужнюю женщину из среднего класса Одри Ноуэл, которая живет отдельно от мужа. Он рискует своим положением, поскольку его любовь к замужней женщине из другого социального класса противоречит устоям его окружения. Любовь молодого аристократа грозит разрушить его так удачно складывающуюся политическую карьеру. Вся семья Карадоков ждет выборов в Парламент в предвкушении победы Милтоуна. Однако это ожидание омрачено увлечением Милтоуна неизвестной женщиной, и семья объединяется в решимости противостоять этому увлечению.

Возглавляет эту борьбу бабушка главного героя, леди Кастерли, яркий представитель высшего класса. Автор описывает ее посредством метафоры «the steel spring inside it» [3, p. 37], или «стальной пружины» аристократической машины. Она является основой семьи, на которой все держится. Она является самой активной в семье в своей решимости спасти Милтоуна от общественного неодобрения, которое будет сопровождать его привязанность к женщине, находящейся в таком положении как Одри, «woman whose position is anomalous» [3, p.180], женщине без определенного положения.

Голсуорси исчерпывающе описал характер старой аристократки так: «There was indeed in the personality of that little old lady the tremendous force of accumulated decision-the inherited assurance of one whose prestige had never been questioned; who, from long immunity, and a certain clear-cut matter-of-factness, bred by the habit of command, had indeed lost the power of perceiving that her prestige ever could be questioned» [3, p. 36]. Она полна решимости и уверенности, унаследованной от предков и свойственной лишь тем, чей авторитет никто и никогда не подвергал сомнению и не подвергнет в будущем, т.к. она привыкла к власти. Голсуорси описывает речевую манеру леди Кастерли как безапелляционную: «The war would save us... We should get the lead again as a nation, and Democracy would be put back fifty years» [3, p. 40]. Она говорит, что «...в войне их (аристократов) спасение... Англичане стали бы первой нацией в мире, а демократию отбросили бы назад на пятьдесят лет». В этом проявляется сущность ее сословия, несмотря ни на что - сохранить и упрочить свое положение.

Что касается языкового аспекта, в романе все главные персонажи - высший свет английского «викторианского общества» говорят на старомодно-правильном английском языке (the Queen's English (also known as Received Pronunciation or 'posh')). Поскольку герои живут недалеко от Лондона, они говорят на так называемом «диалекте ближних графств».

Мы можем наблюдать в тексте речевые маркеры, используемые только аристократией. «How do you do?» [3, p.177] - спрашивает Леди Кастерли, выражение, используемое аристократами при приветствии. «They looked such capital, independent fellows» [3, p.77]. Лексема «capital» используется здесь как устаревшее прилагательное в значении «замечательный». В следующем фрагменте использована ранняя форма лексемы “among” – “amongst”, которая характерна для книжного стиля: «...he would say, sitting on the sideboard, or the arm of the big chair in Clifton's room, or wandering amongst the raspberries, “because you are my friend.» [3, p. 56]

Главный герой романа Юстас Карадок, виконт Милтоун получил образование как и полагается в его кругу в Хэрроу: «In course of time, following the tradition of his family, Eustace went to Harrow» [3, p.56]. «He stayed up four years, and went down with a sense of bewilderment and loss» [3, p. 60]. По семейной традиции, после окончания Хэрроу он четыре года учился в Оксфорде. Свою карьеру начал, проживая в Монкленде - фамильной усадьбе Карадоков.

Милтоун отличается от представителей своего класса тем, что он прост и прям, но его облик, взгляд, жесты, все говорит о том, что есть в этом человеке глубокая непоколебимая уверенность, унаследованная от предков. Он уверен в себе, как люди, привыкшие к тому, что к их мнению прислушиваются, что они всегда правы. «With a contempt of the vulgar gewgaws of wealth and rank he combined a humble but intense and growing conviction of his capacity for leadership, of a spiritual superiority to those whom he desired to benefit. There was no trace, indeed, of the common Pharisee in Miltoun, he was simple and direct; but his eyes, his gestures, the whole man, proclaimed the presence of some secret spring of certainty, some fundamental well into which no disturbing glimmers penetrated» [3, p. 64-65]. Его не интересуют забавы и блеск, которыми тешат себя аристократы, но в то же время он уверен, что должен первенствовать, чувствует свое духовное превосходство над людьми несмотря на то, что хочет им служить.

Голсуорси дает подробное описание внутренней борьбы главного героя, когда долг и сословные требования, пуританское воспитание борются в нем с настоящим чувством. Милтоун по натуре одинокий человек; если эта любовь потерпит неудачу, он никогда не

найдет другую; и все же его карьера означает для него все. Если он будет жить с Одри, которая никогда не получит развода, общество откажется признать его. Если же он будет жить с ней втайне, скрывая свою любовь, он нарушит свои собственные правила, которые установил для себя. Ему невозможно жить открыто с женщиной, которую он любит и продолжать свою карьеру. Поэтому он должен сделать выбор. Он не может иметь обеих, и Голсуорси, показывая, насколько богаче была бы его жизнь и насколько более полезным обществу он бы был, дает Милтоун возможность быть счастливым.

Одри Ноуэл, возлюбленная Юстаса Милтоуна, мечтает о жизни с ним, о том, что будет много радости, друзей, красот природы, помощь обездоленным и любовь: «If he must indeed give up his career, then surely the life they could live together would make up to him-a life among simple and sweet things, all over the world, with music and pictures, and the flowers and all Nature, and friends who sought them for themselves, and in being kind to everyone, and helping the poor and the unfortunate, and loving each other!» [3, p. 583]. Однако тут же сама дает ответ, что толку обманывать себя, ему важнее, чтобы его силы не пропали даром, его призвание служить Отечеству и она не хочет видеть его другим: «It was right and natural he should want, to use his powers! To lead and serve! She would not have him otherwise» [3, p.584].

То же самое происходит и с Милтоуном, он боится своей любви, он бежит от нее: «Profounder, more terrible, was this rising up within him of yearning for love-as if, now defeated, it would nevermore stir, but lie dead on that dark grass beneath those dark boughs. And if victorious-what then?» [3, p.632].

Все закончилось так, как и должно быть, от себя не уйдешь: «...some sudden sense of the universal truth that all are in bond to their own natures, and what a man has most desired shall in the end enslave him?» [3, p.633].

Благоразумие берет верх, Милтоун признает, что главное в его жизни - это его политические и семейные амбиции, и предпочитает, чтобы Одри Ноуэл не было в его жизни.

«Патриций» роман об английской аристократии, в нем отражены размышления Голсуорси о нравственном вреде собственности, о гнете пуританских «викторианских» традиций, заставляющих отрекаться от прекрасных глубоких чувств. «Будут ли аристократы, прочтя эту книгу, все так же уверены в себе и в своем месте под солнцем?» - спрашивает Голсуорси в письме и это говорит о его отношении к тем, кто выбрал спокойное устойчивое течение жизни в привычных комфортных условиях и не стал бороться, ломать сословные устои [1, с. 494]. Основной конфликт происходил в душе главного героя, и любовь в этой борьбе проиграла. Заключение романа отвергает предложения о счастье отдельных людей в пользу благополучия общества и таким образом подтверждает ценности аристократии английского общества того времени.

Список литературы

1. *Голсуорси Д.* Сатира, статьи, речи, письма / Джон Голсуорси.- Собрание сочинений в 16 т., - М.: 1962, т.16. - 518 с.
2. *Дюпре К.* Джон Голсуорси / Кэтрин Дюпре- М: Радуга, 1986 - 312 с.
3. *Galsworthy J., The Patrician.*- Public Domain, 1933.-645 p.
4. Социальные классы в Британии [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://www.langinfo.ru/interesnye-stati-ob-angliiskom-jazyke/puteshestvuja-po-velikobritanii/socialnye-klassy-v-britanii.html>

10.02.19

Н.Н. Казыдуб д-р филол. наук

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
факультет иностранных языков,
кафедра английского языка,
Красноярск, nadejda_kazydoub@mail.ru

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

В работе представлены результаты моделирования когнитивных и прагматических параметров культурных и языковых контактов в рамках методологической триады КУЛЬТУРА-ЛИЧНОСТЬ-ЯЗЫК. Обозначены этапы когнитивно-прагматического моделирования. Конкретизирована его роль как способа преодоления языковой асимметрии.

Ключевые слова: *моделирование; когнитивные репрезентации; прагматические интерпретации; культурно-языковые контакты.*

Значительное расширение диапазона культурных и языковых контактов в различных сферах социальной деятельности порождает сложные коммуникативные среды, насыщенные разнообразными культурными и языковыми кодами. В этом контексте становится актуальным исследование областей пересечения культурных тем и языковых систем в перспективе разработки методологического инструментария, обеспечивающего диалог культур и языков при решении общих коммуникативных и социальных задач. **Цель** настоящей статьи состоит в обосновании методологического потенциала когнитивно-прагматического моделирования культурно-языковых контактов как инструмента управления дивергентной коммуникативной средой.

Когнитивно-прагматическое моделирование культурно-языковых контактов выполняется в рамках категориальной триады **КУЛЬТУРА-ЛИЧНОСТЬ-ЯЗЫК** и включает три этапа, которые соотносятся с тремя методологическими задачами:

1. Соизмерение содержания когнитивных баз и диапазона прагматических интерпретаций языковых личностей, аффилированных с контактирующими культурами.

2. Определение общих и дифференциальных параметров когнитивного опыта и прагматического выбора языковых личностей в качестве ориентиров для прогнозирования областей коммуникативной солидарности, с одной стороны, и коммуникативного напряжения, с другой стороны.

3. Разработка векторов согласования когнитивных репрезентаций, языковых актуализаций и прагматических интерпретаций посредством мягкого управления культурными и языковыми различиями.

Первая задача решается в рамках сравнительно-сопоставительного подхода к исследованию языковых явлений с учётом их когнитивных аналогов и прагматических интерпретаций. Сравнительно-сопоставительный анализ содержания культурных концептов раскрывает асимметричность когнитивных переживаний, восходящих к системам культурных (ценностных) ориентаций. Другими словами, наблюдается **альтернативная концептуализация** [3]. Феномен альтернативной концептуализации предписывает необходимость преодоления культурной и языковой асимметрии при разработке стратегического инструментария межкультурной и межъязыковой коммуникации. Таксономия концептуальных различий позволяет правильно определить уровень и диапазон межкультурной и межъязыковой асимметрии, спрогнозировать контактологические риски и грамотно выбрать способы управления поликодовой средой.

В контексте моделирования контактологической среды интересен опыт исследования транскультурного переживания базовых концептов, в частности концепта *home / (родной) дом*. На основе анализа автобиографических феноменологических интервью иммигрантов в [4] дифференцированы три формата переживания концепта *home / (родной) дом* в новых культурных контекстах. **Первый формат** отражает приверженность ценностям родной культуры, что проявляется в стремлении сохранить оригинальный опыт, материальные артефакты и социальные ритуалы. **Второй формат** демонстрирует желание совместить оригинальный и новый (инокультурный) социальные контексты, что открывает возможности для ориентирующего взаимодействия культур и языков. **Третий формат** эсплицирует нацеленность на достижение баланса между внутренним миром и социальной средой [4]. Вариативность сценариев вхождения в пространство культурных и языковых контактов свидетельствует о разности способов переживания бикультурной и билингвальной реальности, что служит обоснованием для включения в разрабатываемую модель личностного фактора.

Соизмерение когнитивных баз и прагматических принципов языковых личностей в условиях культурных и языковых контактов имеет вид извлечения из языковых знаков содержательной и прагматической информации, раскрывающей соразмерность / несоразмерность контактирующих тезаурусов и прагматиконов. Когнитивная обработка актуального опыта вписывает новые значимые смыслы в матрицы оригинальной культуры в режиме коадаптации ментальных структур, языковых знаков и прагматических принципов [2]. Коадаптация языковых личностей, участвующих в межкультурной коммуникации, представляет собой сложный процесс, содержанием которого являются разноуровневые (когнитивные, семантические и прагматические) преобразования в векторе достижения потенциального консенсуса.

Вторая задача — определение общих и дифференциальных параметров когнитивного опыта и прагматического нюансирования — решается посредством таксономического (классифицирующего) описания когнитивных структур и прагматических интерпретаций. Выявление общих (симметричных) линий языковой категоризации и концептуализации очерчивает область потенциальных коллабораций, восходящих к прагматическим принципам кооперации и солидарности. Взаимопересечение когнитивных переживаний содержит в себе потенциал для диалогового взаимодействия и запускает поиск языковых знаков и речевых стратегий, реализующих принципы вежливости и толерантности [1].

Определение дифференциальных показателей, отражающих несовпадение объёмов культурных концептов и прагматического содержания языковых знаков, выполняет ориентирующую функцию: участники межкультурной коммуникации получают представление о потенциальных лакунах, порождающих риски развития конфронтативных сценариев. Экспликация когнитивных и прагматических различий раскрывает особенности иноязычного сознания и поведения, что снижает уровень неопределённости (турбулентности) коммуникативной среды и открывает возможности для целенаправленного управления культурно-языковыми контактами. Извлечение дифференциальных показателей из когнитивных и прагматических структур контактирующих языков и культур очерчивает сферы приложения усилий языковых личностей, ориентированных на преодоление межкультурной и межъязыковой асимметрии.

Третья задача состоит в создании благоприятной коммуникативной среды посредством взаимного ориентирования в областях культурных и прагматических расхождений. Эта задача решается путём конструирования культурологических комментариев в перспективе сближения когнитивных переживаний и прагматических интерпретаций. Комментарии имеют вид:

➤ **феноменологических описаний**, раскрывающих личностный опыт переживания иной культуры: *"It is a matter of cultural sensitivity, I think," she said. "As an American, you are very direct. We Japanese are more polite; we discuss matters indirectly. It is our custom to communicate through mind-reading"* [6];

➤ **формульных высказываний**, отсылающих к системам культурных координат: *One of our most important rules is that the individual may never disturb the wa —the harmony of the group, remember* [5];

➤ **экспертных оценок**: *The concept of freedom is shaped by culture and history, and it is a part of the shared cultural heritage* [7].

Заключение. Когнитивно-прагматическое моделирование культурных и языковых контактов решает ряд задач: 1) конструирование области разделяемого опыта на основе экспликации общих принципов жизнеобеспечения; 2) снижение рисков развития конфронтативного сценария посредством ориентирования языковых личностей в инокультурных системах координат; 3) расширение функционального диапазона языковой личности за счет включения в ее содержание нового культурологического знания. Тем самым обосновывается его значимость как методологического инструмента межкультурной и межъязыковой коммуникации.

Список литературы

1. Казыдуб Н.Н. Бесконфликтный дискурс: концепты, стратегии, сценарии // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 3 (20). С. 96.
2. Казыдуб Н.Н. Кодаптация языковых личностей в межкультурной коммуникации // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2018. № 4 (46). С. 147.
3. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении: пер. с англ. И.Б.Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 399.
4. Clavell J. SHOGUN: A Novel of Japan. New York: Dell publishing Co., Inc., 1975. P. 642.
5. Creuzer M., Mühlbacher H., von Wallpac S. Home in the re-making: Immigrants' transcultural experiencing of home // Journal of Business Research. 2018. V. 91. P. 337-339.
6. Lustig M.V., Koester J. Intercultural Competence: interpersonal communication across cultures. 6th ed. Boston: Pearson Education Inc., 2010. P. 108.
7. Wierzbicka A. Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. New York; Oxford: Oxford University Press, 1997. P. 7.

10.02.19

Л.А. Савельева

Башкирский государственный университет,
факультет романо-германской филологии,
кафедра немецкой и французской филологии,
Уфа, sav-mila@yandex.ru

**РОЛЬ ЧАСТИЦ В ФОРМИРОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ:
ОБРАЗ МАСТЕРА И ПОЭТА БЕЗДОМНОГО В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА
«МАСТЕР И МАРГАРИТА»**

В статье приводятся результаты анализа функционального потенциала частица русского языка в формировании художественных образов Мастера и поэта Бездомного в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита». В результате проведенного анализа выявляются частицы – маркеры речевых портретов данных персонажей. Также автором выделяется особый вид частиц – «плавающие» частицы, которые вносят вклад в изображение ситуации взаимопонимания литературных героев.

Ключевые слова: *частицы, художественный образ, речевой портрет, речевая ситуация, «плавающие» частицы.*

В рамках сопоставительного изучения частиц в английском, русском и немецком языках, нами проводится анализ функционального потенциала частиц. Как было отмечено ранее, высокий функциональный потенциал изучаемого класса раскрывается в художественной литературе, где частицы способны выступать в качестве маркеров художественных образов и вносить вклад в формирование речевого портрета персонажа [4].

Для подтверждения выдвинутого тезиса относительно функционального потенциала частиц в русском языке нами были рассмотрены художественные образы героев в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» [1]: редактора литературного журнала Берлиоза, поэта Бездомного, Мастера, Воланда и его свиты [4]. В данной статье приводятся основные выводы относительно роли частиц в формировании образов Мастера и поэта Бездомного.

Художественный образ Мастера является одним из центральных образов романа. Впервые читатель знакомится с ним в больнице для душевнобольных, в которую попадает и поэт Иван, известный под псевдонимом Бездомный. Когда Мастер впервые появляется в палате поэта, Бездомный удивляется: «– *Как же вы сюда попали? – повинусь сухому грозящему пальцу, шепотом спросил Иван, – ведь балконные-то решетки на замках?*». Уже в первом вопросе, заданном поэтом, присутствует экспрессивная частица *же*, выделенная нами ранее как частица-маркер художественного образа данного героя, которая в данном вопросе выражает удивление говорящего. Затем, для обоснования заданного вопроса, поэт приводит аргумент, представляя его с помощью лексической единицы *ведь*. Следует указать на поликатегориальный статус лексической единицы *ведь*, который подтверждается лексикографическими данными: *ведь* определяется как частица (употребляется для усиления основного содержания всего высказывания или выделения, подчёркивания отдельного слова), а также как союз [8]. Однако, важным для изучения функционального потенциала частиц представляется вопрос первичности перечисленных категориальных значений [2]. Лексикографическая практика позволяет считать первичным категориальным значением *ведь* значение частицы. В приведенном выше примере частица обладает усилительным значением. Присоединение выделительной энклитической частицы –*то* к прилагательному *балконные* подчеркивает экспрессивность вопроса. Кроме данной функции, частица –*то* выступает также в качестве регулятора смыслового акцента. Формально, частица –*то* присоединена к прилагательному *балконные*, однако смысловой акцент вопроса находится в

слове *решетки*. Данный пример раскрывает функциональный потенциал частиц, реализующийся в указании на смысловой акцент высказывания. Интерес представляет также то, что в ответе Мастера, который повторяет выражение Бездомного, частица *то* переходит к существительному, вербализуя тем самым смысловой акцент: «– *Решетки-то* на замках, – подтвердил гость».

Многие художественные образы в романе «Мастер и Маргарита» можно рассматривать как противоположные по своему речевому поведению (например, художественные образы Берлиоза и Бездомного). Речь Мастера также можно рассматривать как контрастирующую с речевым портретом поэта Бездомного. Смысловый и формальный анализ высказываний Мастера показывает, что речь героя изображается автором как тщательно продуманная. Бережное отношение Мастера к своей речи и речи окружающих его персонажей является чертой, характеризующей Мастера как писателя. Его возмущает небрежность речи поэта: «– *Безобразие, – осудил гость Ивана и добавил: – А кроме того, что это вы так выражаетесь: по морде засветил? Ведь неизвестно, что именно имеется у человека, морда или лицо. И, пожалуй, ведь все-таки лицо. Так что, знаете ли, кулаками...*». Приведенный фрагмент содержит 9 лексических единиц, которые могут быть классифицированы как частицы. Особый интерес представляет лексическая единица *это*, первичным категориальным значением которой считается значение указательного местоимения. Однако, лексикографические данные [3; 7] содержат указание на функционирование единицы *это* в качестве усилительной частицы, которая сосредотачивает внимание собеседника на основном смысловом компоненте сообщения (усиливает вопросительное местоимение или наречие, а также другие отдельные слова в предложении [7]). Следует обратить внимание, что словарная статья по данному употреблению частицы *это* содержит пометку – «обычно в вопросе с оттенком недовольства (разг.)» [3]. Таким образом, предполагаем возможным классификацию лексической единицы *это* в качестве частицы в приведенном фрагменте высказывания Мастера для выражения недовольства речью Бездомного. Усилительная частица *это* также встречается далее в речи Мастера для подчеркивания предмета дискуссии.

В приведенном фрагменте дважды повторяется частица *ведь*, представляющая контраргументы собеседника. Подчеркнем, что частица *ведь* способствует изображению дискуссии: в значении частицы *ведь* заложена пресуппозиция о том, что говорящий учитывает позицию, мнение собеседника, однако придерживается иной точки зрения. Тем самым, частица *ведь* изображает умеренную, сдержанную дискуссию. Повтор частицы *ведь* указывает на желание Мастера привлечь внимание к приведенному им аргументу, убедить собеседника в своей правоте. Частицу *ведь* можно выделить в качестве частотной в речевом портрете Мастера, которая указывает на подчеркнутую аргументированность его высказываний (*вы меня опять-таки извините, ведь, я не ошибаюсь, вы человек невежественный? ...ведь даже лицо, которое вы описывали...*).

Частица *именно* выполняет выделительную функцию и способствует выражению смыслового акцента: в приведенном фрагменте в центре ее действия находится местоимение *что*, которое, в свою очередь указывает на существительные *морда или лицо*. Тем самым, говорящий удерживает внимание слушателя до самого конца предложения, в котором находится наиболее важная, по его мнению, информация. В завершающем предложении приведенного фрагмента присутствует частица *уж*, которая является маркером скрытого противопоставления. Частица *уж* присутствует в речевом портрете Мастера («*Уж кому-кому, но не вам это говорить*», «*А что натворит, это уж будьте благонадежны*») и способствует выражению его отношения к собеседнику и ситуации: в пресуппозиции частицы *уж* присутствует сравнение с некоторым идеалом, нормой и указание на отклонение от них. Частица *же*, рассматриваемая нами как маркер художественного образа поэта Бездомного, также является частотной в анализируемой речевой ситуации и способствует выражению заинтересованности поэта в диалоге («*А вам, что же, мои стихи не нравятся? – А как же вы говорите? – Да кто же он, наконец, такой?*»). Однако, следует отметить, что

частица *же* также присутствует и в менее экспрессивной речи Мастера. Появление частицы *же* в речи Мастера во время диалога с поэтом можно рассматривать как изображение желания литературного героя подстроиться к манере речи собеседника для установления контакта и взаимопонимания: *Так из-за чего же вы попали сюда?* В сочетании с частицей *так*, говорящий обращается к собеседнику и выражает интерес к его ответу. Таким образом, в контексте анализа художественных образов Мастера и поэта Бездомного частицу *же* представляется возможным назвать «плавающей» частицей, так как она переходит от одного речевого портрета к другому, раскрывая при этом различные оттенки смыслов и реализуя различные функции. Следует также подчеркнуть, что ранее приведенный пример с частицей *–то* (переход частицы от прилагательного *балконные* к существительному *решетки*) также позволяет классифицировать частицу *–то* в качестве «плавающей» в рассматриваемом диалоге. Таким образом, наличие «плавающих» частиц, а также повторов выражений Бездомного способствует изображению взаимопонимания собеседников.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы относительно роли частиц в формировании художественных образов Мастера и поэта Ивана Бездомного:

1. Значительную роль в формировании художественного образа Мастера как писателя играет его речевой портрет, выполненный преимущественно в сдержанном стиле, что способствует изображению бережного отношения Мастера к речи (что подтверждается наличием таких частиц как *ведь, именно, все-таки* и др.).

2. В рамках речевой ситуации возможно выделить «плавающие» частицы - частицы, переходящие из речи одного литературного героя к другому, изображающие ситуацию взаимопонимания собеседников.

Статья подготовлена с использованием гранта Республики Башкортостан молодым ученым, предоставленного ГБНУ «Академия наук Республики Башкортостан».

Список литературы

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М.: Эксмо, 2018 – 640 с.
2. Мурясов Р.З. Грамматические особенности частиц // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. № 2. С. 515 – 521.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование, Оникс, 2011. — 736 с.
4. Савельева Л.А. Частицы русского языка как маркеры художественных образов (на материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Казанская наука. 2019. № 2. С. 127 – 129.
5. Стародумова Е.А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 292 с.
6. Соколов Б.В. Булгаковская энциклопедия. – М.: Локид: Миф, 2000. – 586 с.
7. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб., М.: Норинт; Рипол классик, 2008. — 1534 с.

10.02.19

**Е.Б. Савельева канд. филол. наук, Е.Г. Котова канд. педагог. наук,
Е.А. Линева канд. филол. наук, Т.Г. Юсупова канд. педагог. наук**

Государственный гуманитарно-технологический университет,
факультет иностранных языков,
кафедра романо-германской филологии,
кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево, lenaandrei2007@rambler.ru

ДЕЙКСИС В КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОМ КОНТЕКСТЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В данной статье речь идет о контексте автобиографического дискурса, включающем в себя дейктически маркированные координаты лица, места и времени в когнитивно-коммуникативной парадигме. Описываются видовые формы дейксиса, прежде всего контекстуального в соотношении с понятием «дискурс» в его современной интерпретации.

Ключевые слова: *контекст, дискурс, дейксис, когнитивный, коммуникативный, автобиографический.*

Смысл, содержание и понимание высказывания проявляется в использовании различного рода языковых указательных элементов в соотношении с экстралингвистической ситуацией и объективной действительностью контекстуально. Лингвистическое окружение языковой единицы или *контекст* оказывает влияние на выбор необходимых для ее маркированности средств языка: лексики, морфологических форм, синтаксических структур, при этом и широкий и узкий контексты взаимосвязаны и способствуют адекватному пониманию целостного смысла транслируемой информации.

Как отмечает в своей диссертации «Параметры дейктической процедуры в англоязычной научной коммуникации» И.В. Коровина, «контекст обладает фиксированными в вербальной форме информационными координатами, которые позволяют более детально рассмотреть параметры системы дейктических координат и дают возможность анализировать дейктическую процедуру без обращения к физическим координатам коммуникативного акта» [5, с. 57].

Необходимо отметить, что дейксис одна из самых часто встречаемых и дискутируемых в научном мире категорий грамматики в процессе понимания, анализа и интерпретации художественного текста. В соответствии с общепринятой классификацией выделяют три основных дейктических средства: личностный, денотативный и ситуативный (пространственный и темпоральный), которые взаимодействуют в зависимости от роли говорящего и слушающего, а также функционально-смыслового типа речи.

Описывая сферу дейксиса, прежде всего, внимание лингвистов обращено на местоименные указания, которые используются с достаточной регулярностью, что обусловлено их функциональным потенциалом и возможностями. Указание на участников художественной коммуникации – адресанта и адресата, (или *Я-дейксис* и *Ты/Вы-дейксис*) соотносят локуторов в режиме диалога в большей степени для выражения личного мнения говорящего, его непосредственного отношения к предмету сообщения [3, с. 170].

Контекст-продукт является определяющей языковой формой в изучении дейксиса *контекстуального* типа, проявляющего в нем свои когнитивно-коммуникативные свойства и реализующего свою основную функцию – функцию указания. Исходя из чего, можно считать, что обсуждаемая типовая разновидность художественного текста, к которой причисляется автобиографический текст, всецело призван обладать коммуникативно-дискурсивным контекстом, представленным в письменной форме, имея в своем составе лингвистические и экстралингвистические сведения.

В этой связи, *личностный* дейксис, способный осуществлять вербальное указание на лицо, и которому приписаны текстообраующие функции, выступает как ключевой маркер дейктического поля референции, выражаемый в когнитивном творческом акте через призму субъективно-коммуникативного события. Таким образом, автобиографический текст (АТ) является базовым компонентом автобиографического дискурса (АД) – основы художественной когниции и коммуникации.

Безусловно, субъективированная направленность АД обеспечивается, прежде всего, наличием прономинатива первого лица единственного числа – местоимением Я, которое можно определить как Я-биографическое, выступающее в качестве языкового средства развертывания синтаксической и семантической связности текста жанра автобиографии, его порождения и установления смыслового содержания. Как маркер дейктической природы местоимение подтверждает достоверность предоставленных в авторской речевой партии информации о событиях и фактах произошедшего или происходящего в действительности. Дейктические сигналы авторского присутствия в автобиографическом дискурсе становятся его важнейшими компонентами и обеспечивают установление соотношения, прежде всего во времени и пространстве, между самим автором и его окружением [6].

Говоря о сущности автобиографического дискурса, следует подчеркнуть, что в нем доминирует личностное начало: система авторского мировоззрения, персонально субъективные жизнеописания, оценки и самооценки, авторская идентичность, презентация авторской когниции и саморефлексии в коммуникативных рамках художественного повествования. Общеизвестно, что автобиография является сложным литературным жанром, в котором рассказчик, объективирует свои предметные знания, интерпретирует мир и реальность, одновременно передавая свое личное отношение имеющимися в его арсенале языковыми средствами.

АТ состоит из ряда дейктических полей, в свою очередь включающих в себя набор языковых единиц и выражений, цель которых актуализировать внимание на позиции автора как главного лица художественного автобиографического события и коммуникации [8].

С самого начала изучения указаний в качестве самостоятельных лингвистических объектов исследования их связывали с рассмотрением дейктической проблематики в коммуникативно-функциональной, прагматической и когнитивной плоскостях.

По мнению Эмиля Бенвениста, маркированные элементы указания создают особую дискурсивную систему. Помимо категории лица, сюда причислены элементы темпоральности и локализации в пространстве (*ситуативный* дейксис). Обязательные дейктические параметры *я/здесь/сейчас* позволяют говорящему / пишущему определиться по отношению к ситуации высказывания и приписать этой ситуации референциальную значимость и зависимость. Известно, что «коммуникативная установка связывает высказывание с меняющимися участниками коммуникации – субъектом речи и ее получателем, фондом их знаний и мнений, ситуацией (местом и временем), в которой осуществляется речевой акт» [1].

Помимо ситуативного дейксиса, указывающего на элементы когнитивно-коммуникационного высказывания, выделяется также *анафорический* дейксис, также осуществляющий референцию контекстуальных языковых единиц-слагаемых, поэтому контекст в дискурсе, в том числе автобиографическом, играет роль, аналогичную ситуации в процессе устного коммуникативного высказывания.

Продолжая Бенвениста отметим, что дейксис позволяет говорящему преобразовать язык в дискурс и определить в нем свою позицию, благодаря системе особых знаков, составляющих, по определению лингвиста «формальный аппарат высказывания» [7, с. 79] (*Примеч. – перевод авторов*), то есть языковые средства дейктической природы в вербальной форме представляются информационными координатами и коннекторами, позволяющими детально рассмотреть их сущность и функции в системе личностно-маркированных указателей автобиографического текста.

Анализируя контекстуальное употребление языковых элементов дейктической природы, в нашем случае следует остановиться на понимании и использовании термина *дискурс*. С одной стороны, дискурс понимается как речевая практика коммуникантов: адресант – адресат, то есть «интерактивная деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения» [4, с. 5], с другой стороны, дискурс определяется как сложное когнитивное и художественно-творческое явление, не только включающее акт создания текста, но и отражающее зависимость речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств: знаний о мире и окружающей реальности, совокупность определенных мнений, конкретных целей говорящего / пишущего и т.д..

В качестве резюме можно привести точку зрения О.С. Ахмановой, о том, что дискурс – это говорение (деятельность говорящего), та или иная разновидность общения при помощи языка и один из видов синтаксического построения высказывания» [2, с. 386-387].

Следовательно, дискурсивная практика это одновременно и когнитивно-коммуникативный процесс и его результат.

Таким образом, автобиографический дискурс это прочная связь различных элементов контекста, включающем в себя дейктически определенные указания на лицо, а также на время и место протекания автобиографического события. Вне заданной системы координат они утрачивают свою дискурсивную семантику. Их актуализация происходит именно в контексте. Репрезентируя менталитет той или иной личности, «автобиографическая» речевая партия представляет собой вербально знаковую символизацию ее культурного и повседневного опыта, отражение ее индивидуальной картины мира.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М.: 1985. Вып. 16. С. 8-42.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 576 с.
3. Говорухо Р.А. Дейктические личные местоимения в русском и итальянском текстах // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Иркутск, 2014. №2 (27). С.169-175.
4. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.
5. Коровина И.В. Параметры дейктической процедуры в англоязычной научной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2011. 190 с.
6. Савельева Е.Б. Дейксис и анафора как элементы актуализации авторской позиции (на материале автобиографической прозы Андре Жида): дис. ... канд. филол. наук. Москва. 2014. 166 с.
7. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale, 2. Gallimard, Paris, 1974. 288 p.
8. Savelyeva E.B., Lineva E.A. The author in fiction literature communication. Xlinguae Journal, Volume 8 Issue 3, June 2015, Pp. 76-90.

10.02.19

М.В. Самсонова канд. филол. наук, Л.С. Заморщикова, канд. филол. наук

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К.Аммосова,
Институт зарубежной филологии и регионоведения,
Якутск, efimarianne@mail.ru, lszam@mail.ru

АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРА В ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЯКУТИИ

Статья посвящена исследованию особенностей антропоморфной метафоры в формировании топонимов Центральной Якутии. Рассматриваются вопросы этнокультурной специфики в обозначении в якутском языке географических объектов, отсылающей к древним анимистическим верованиям предков якутов.

Ключевые слова: *антропоморфизм в языке, изоморфизм, метафора, соматизмы.*

Восприятие пространства играет большую роль во взаимодействии человека с окружающей средой, являясь необходимым условием ориентировки в ней человека. Оно представляет собой отражение объективно существующего пространства и включает восприятие формы, величины и взаимного расположения объектов, их рельефа, удаленности и направления, в котором они находятся. Взаимодействие человека со средой включает и само тело человека с характерной для него системой координат (Петровский; 277).

В номинации географических объектов одним из продуктивных средств является антропоморфная метафора, отражающая неразрывную связь между географическим объектом и человеком. И для западной и для восточной культур инструментом для категоризации объектов пространства часто выступает тело человека, различные части тела и органы. Использование метафоры, связывающей изображение тела с изображением ландшафта, является основополагающим для западной культуры. В эпоху Возрождения считалось, что земля смоделирована на человеческом теле, таким образом, данная метафора символизировала тесную связь пейзажа и тела (Porteous; 5).

Антропометрический принцип «человек – мера всех вещей» лежит в основе метафорического отождествления частей тела человека с географическими объектами. Для кочевых культур способность ориентироваться в пространстве является жизненно необходимой и особенно актуальной, поскольку большая часть жизни кочевников проходит в постоянных перемещениях в границах обширных кочевых территорий. По мнению М.М. Содномпиловой, изоморфность человеческому телу обнаруживают ключевые объекты ландшафтов освоенного кочевниками пространства – горы и реки, в облике которых присутствуют «брови», «колени», «спина», «рот», «грудь» (Содномпилова; 342).

Проводя анкетирование населения в центральных улусах Республики Саха (Якутия), мы отметили, что соматизмы в пространственной метафоре весьма употребительны в современном якутском языке. Наиболее часто встречаемые в ответах респондентов географические термины мы решили рассмотреть подробнее. Антропоморфная метафоризация наблюдается в названиях частей природных объектов, для обозначения которых в якутском языке используются следующие соматизмы: орой *макушка* (темя), бас *голова*, кэтэх *затылок*, сирэй *лицо* (ньуур *лик*), **харах** *глаз*, хоннох *подмышки*, түөс *грудь*, көхсү *спина*, сис *позвоночник* (хребет), *поясница*, быттык *пах*, быар *печень*, оһоһос *кишки*, үөс *желчный пузырь*, атах *нога*, кутурук *хвост*.

Рассмотрим один из наиболее частотных соматизмов в географической терминологии, лексему **бас** *голова*. Во встретившихся нам терминах народной географии якутского языка, лексема **бас** “голова” обозначает начало разных географических объектов, рассматриваемых в горизонтальной плоскости, начало острова, исток водных объектов, начало горной гряды:

арыы баһа (букв. голова острова) “начало острова”, хайа баһа (букв. голова горы) “начало горы”, үрэх баһа (букв. голова реки) “исток реки”, өрүс баһа (букв. голова реки) “исток реки”, куөл баһа (букв. голова озера) “исток озера”. Таким образом, географический объект рассматривается как лежащее или стоящее на ногах существо, имеющее признаки животного. Например, конец острова называется **кутурук хвост**, при чем голова острова направлена против течения, то есть остров представляется огромным существом, плывущим против течения, что несомненно связано с анимистическим мировоззрением предков якутов.

Изоморфность телу человека или животного в якутском языке часто проявляется в обозначениях водных объектов, где поверхность, гладь воды называется **уу көхсүтэ** (букв. спина воды), как если бы вода представляла собой живое существо, стоящее на своих ногах в глубине земли, а на поверхности была бы видна только его спина. Еще один соматизм **ньуур** поэт. “лик, лицо”, может быть употреблен в таком же значении: **уу ньуура** (букв. лик воды). Но в этом случае, антропоморфная метафора представляет водный объект живым существом, лежащим на спине, с лицом, обращенным к небу.

Такое же отождествление географического объекта с живым существом, воспринимаемым в горизонтальной плоскости, наблюдается в выражении с соматизмом **харах** “глаз”: **уу хараба** дословно переводится “глаз воды” и переводится на русский язык “омут”. Получается, что водный объект представляет собой огромное существо, которое лежа в земле, смотрит в небо своим большим глазом. Нам также встретилось выражение **сир хараба** (букв. глаз земли) «глубокое озеро строго круглой формы».

Место, где малый водный объект соединяется с большим называют **айах** «рот» - **үрэх айаба** (букв. «рот реки»), что значит “устье”. Получается, что малая речка пьет из большой реки или, наоборот, льет свои воды в большую реку.

Соматизм **сис** “1) позвоночник, хребет; 2) поясница”, благодаря своей многозначности, встречается в нескольких выражениях для обозначения горной гряды или середины лесного массива, или леса на возвышенности: **тыа сиһэ** (букв. хребет леса) “середина леса”, **сис хайа** (букв. гора-хребет) «горный хребет», и даже отдельно взятое **сис** (букв. хребет, поясница) может обозначать «лес на возвышенности, лес в гористой местности». И в этих случаях, географический объект воспринимается, как живое существо, животное, стоящее на своих лапах.

Основным занятием якутов-скотоводов в летнее время всегда был и остается сенокос. Обозначение трудных для косябы мест, также отражает антропоморфизм в языке, так **хоннох** букв. *подмышки* обозначает “трудные для косябы узкие места на сенокосном угодье”, а **ыт кэтэбэ** букв. *затылок собаки* говорится про неровное место с кочками и ямками. К этому же разряду терминов, можно отнести выражения с соматизмом **быттык** букв. *пах*, например, **ходуһа, толоон быттыга** букв. *пах сенокосного угодья*, говорится про суженное место, трудное для косябы.

Нам также встретились соматизмы, означающие внутренние органы живых существ. Так, соматизм **быар** *печень*, благодаря расположению в середине тела человека или животного, используется для обозначения средней части горы, склона. Встретившийся несколько раз соматизм **үөс желчь, желчный пузырь** также несет сему **середины, часто выступая в значении “русло; фарватер”** или для обозначения места, близкого к середине *реки, озера*. Этот же соматизм может встречаться в выражении **дойду үөһэ**, что значит букв. **желчный пузырь страны, края** для обозначения центра страны, края.

Один географический термин, используемый на Средней Лене и встретившийся нам в ответах респондентов, не был найден в словарях. Так, соматизмом **оһоҕос** *кишки* обозначают там узкие вытянутой формы острова. Здесь мы видим, что изоморфность приводит к отождествлению реки с живым существом, имеющим, в том числе и внутренние органы. В целом, в якутской культуре водные объекты принято уважительно называть **эбэ** (букв. бабушка), не принято сильно шуметь на воде, на берегу, загрязнять водоемы, чтобы не оскорбить духов природы.

Из обозначений конечностей человека или живого существа нам встретилось только выражение **куол атаҕа** (букв. нога озера), что обозначает «залив озера».

Таким образом, антропоморфная и зооморфная метафоризация географических объектов свидетельствует об отражении в языке анимистических верований предков якутов в силы природы, наделявших значимые для них природные объекты формами и качествами живых существ. Характерное для анимизма антропоморфное отношение к силам природы, растительному миру и животным нашло отражение в языке народа и является его отличительной особенностью.

Список литературы

1. *Вакк Ф.О.* О соматической фразеологии в современном эстонском литературном языке: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Таллин, 1964. С. 4.
2. *Содномпилова М.М.* Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 366 с.
3. *Porteous J. D.*, 1986. Bodyscape: the body-landscape metaphor. *The Canadian Geographer/ Le Géographe canadien* 30, n° 1, p. 2-12.
4. Якутский Онлайн Словарь URL: <https://sakhatyla.ru/> (дата обращения 10.06.2019)

10.02.19

¹М.В. Самсонова канд. филол. наук, К.А. Пестерева,³В.В. Филиппова канд. ист. наук

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К.Аммосова,

¹Институт зарубежной филологии и регионоведения,²Исторический факультет,³Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, efimarianne@mail.ru, yu00ika42@gmail.com, filippovav@mail.ru

МИКРОТОПОНИМИКА ОСТРОВОВ СРЕДНЕЙ ЛЕНЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ УКЛАДА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

В работе представлены результаты изучения инсулонимов Республики Саха (Якутия), рассмотрены принципы номинации в якутском языке, лежащие в основу формирования топонима с учетом историко-культурных процессов, происходивших на территории республики с XVII века.

Ключевые слова: *топонимия, инсулоним, принцип номинации.*

В рамках проекта РНФ «Онтология ландшафта: семантика, семиотика и географическое моделирование» (№ 15-18-20047) было проведено анкетирование с целью выявления особенностей ментальной репрезентации пространства населения Хангаласского улуса – одного из центральных районов Республики Саха (Якутия), имеющего большое значение в становлении якутского народа как этноса. Анкетирование позволило выявить разную степень освоения территории, которое сильно зависело от ландшафтного разнообразия, сочетания различных экологических условий. Расположение в среднем течении р. Лена, крупные острова, долинные участки и тайга способствовали формированию и сосуществованию присваивающего и производящего вида хозяйствования (скотоводство, земледелие).

Коренное якутское население испокон веков жило на островах. Среди основных причин проживания на островах информанты указывают ряд причин, связанных с основной хозяйственной деятельностью якутов – скотоводством. Скотоводство как тип хозяйствования предполагает наличие высокоурожайных обширных пастбищ, лугов для сенокоса и т.д., которых в верхних наслеггах Хангаласского улуса крайне мало. Территории, где расположены поселки Едей и Синск характерны таежным типом ландшафта, аллювиальными песками, где, для полноценного ведения как скотоводства, так и земледелия не было достаточно открытых и ровных пространств. Наличие крупных островов помогло восполнить данный недостаток. До 50-х гг. XX века некоторые села располагались на крупных островах, которые продолжают использоваться и в настоящее время как сенокосные, охотничьи угодья, места для сбора ягод и как места летнего проживания. Формирование новой экономической системы в период становления советского государства в 30-50-е гг. XX в. – расширение освоенной территории, появление новых поселков, укрупнение убыточных колхозов, в целях повышения эффективности, способствовали ликвидации ряда поселков и переселению большого количества семей на новые места проживания, в том числе и с крупных островов, как Харыйалаах. Информанты, помнящие жизнь на островах, отмечают, что ресурсов, имеющихся там, им хватало для полноценной жизни, так как большие острова имеют достаточную площадь для того, чтобы население там имело усадьбы, сенокосные угодья, пастбища для скота и пашни для картофеля и других огородных культур. Остров и сейчас играет огромную хозяйственную роль в жизни местного населения. Все сенокосные угодья, имеющие жизненную важность в этом скотоводческом районе, расположены именно на островах. Остров - место охоты на уток, зайца, горностая,

куницу, ондатру, лисицу, соболя, излюбленное место рыбалки местных жителей, именно здесь растут самые разнообразные виды ягод, грибов. Язык местного населения сохраняет эти особенности, порой вызывая недоумение у приезжих. Так, например, о том, что острова являются бывшим местом постоянного проживания населения, свидетельствует тот факт, что высокие места островов, не затапливаемые водой, местное население называет на якутском *өтөх* «1) место, где ранее стоял дом, следы усадьбы, жилья; 2) заброшенное жильё, заброшенная старинная усадьба (*в Якутии до революции*); развалины здания, жилья», хотя сейчас там практически не осталось следов от старых жилищ, все они были разобраны и перенесены на коренной берег.

Названия островов все имеют якутское происхождение, несмотря на то, что русское население прибывает на территорию Хангаласского улуса, начиная уже с XVIII века, когда на левом берегу Лены основываются ямские станции. На территории, где располагаются поселки Едэй и Синск находились ямские станции, которые были основаны в XVIII веке в качестве ямских станций Иркутско-Якутского тракта.

В основном, наблюдаются следующие принципы номинации в формировании инсулонимов – названий островов Средней Лены:

- По особенностям флоры:

Харыйалаах арыы – “остров, на котором растут ели» от якут. *харыйа* “ель”. Это единственный остров из ряда островов, относящихся к с.Едэй, на котором произрастают ели. На этом большом острове до 1950-х гг. находилась деревня с одноименным названием, которая была переселена на коренной берег с целью укрупнения и образования колхоза.

Хатың арыы “березовый остров” – от якут. *хатын* - береза. По сведениям информантов на этом острове раньше была березовая роша, от которой осталась одна береза. Местные жители приходят посидеть возле нее, загадывают желания, оставляют символические дары, повязывают ленточки. У якутов береза имеет важное хозяйственное и сакральное значение.

Өң арыы (русс. транскр. Енг-Арыы) “плодородный (урожайный) остров” – от якутского *өң* 1. достаток; *өңнө оло*р = жить в достатке; 2. плодородный; урожайный; *өң* почва плодородная почва; *өң дьыл* урожайный год. Остров действительно урожайный, с большим количеством травы.

- По качественным характеристикам объекта:

Дараҕар арыы – “широкий остров”. Следует отметить, что прилагательное *дараҕар* относится больше к человеку, нежели к географическому объекту, в словаре мы находим определение «очень широкий (*о плечах*)». *Этот инсулоним может быть свидетельством антропоморфизма в языке, когда на основе анимистических верований человек наделяет значимый географический объект свойствами живого существа.* На карты нанесен как Даратар.

Намтаҕар (русс. *намтагар*) – “низкий”. В период половодья данный остров почти полностью заливаются водой.

Кэдэгэр (русс. *Кедегер*) “выгнутый назад”. Произошло от особой формы острова.

Хара арыы букв. “черный остров” – по версии респондентов от **хара тыа** а) дремучий лес; б) лиственный лес», которым покрыт данный остров в отличие от других островов.

- По хозяйственной деятельности:

Ходуһалаах - букв. “с покосными местами” от якут. *ходуһа* покосное место, сенокос. Основным занятием якутов-скотоводов является сенокос для обеспечения скота кормом на долгую суровую зиму.

Мастыыр (рус. Мастыр) – “место заготовки дров” от глагола **мастаа** заготавливать дрова «*рубить, колоть*». Для отапливания домов в холодную якутскую зиму требовалось большое количество дров и данный инсулоним отражает эту насущную потребность местного населения.

Ынах арыыта – “коровий остров” от **ынах** “корова”. Каждое лето местные жители перевозят на остров свой скот, где достаточно сочной травы, мест выпаса коров.

Балык арыыта – “остров рыбалки” или “рыбный остров”. **Балык** – рыба. Инсулонимы с зоонимами, мы решили также отнести к хозяйственной деятельности, так как рыболовство является одним из основных видов деятельности населения Средней Лены.

Табысхааннаах – **табысхан** тюрк. белый заяц, заяц-беляк, ушкан. По сведениям информантов, в прошлом на этом острове водилось много зайцев.

- **Верования:**

Абааһыта суох – “где нет злых духов”. **Абааһы** - миф., фольк. “злой дух, злое начало; всё вредное и враждебное человеку”. Остров ежегодно затапливается во время половодья и местное население не строило на нем жилищ. Поэтому на острове не было заброшенных домов и не было, по мнению местных жителей, злых духов.

- По наличию в инсулониме антропонима, этнонима и т.д.:

Дьяам арыыта – “ямщицкий остров” от якут. **дьяам** – ям) “1) станция, станок; 2) содержание яма, станции, станка; 3) гоньба (доставка почты и пассажиров)”. С открытием ямского сообщения в XVIII в. по Иркутско-Якутскому тракту, происходит процесс переселения русских крестьян с целью обоснования поселков на ямских станциях и освоения территории Якутии. По свидетельствам старожилов по данному острову проходил один из участков ямской дороги.

Отдельную группу образуют инсулонимы, содержащие компонент- антропоним, чаще, русское мужское имя. Это объясняется тем, что у каждого жителя был свой надел, и таким образом, сенокосные угодья, маленькие острова, части островов, стали называть по имени человека, за которым они были закреплены. Христианизация населения Якутии началась в XVII-XVIII веках, и русские имена носили не только русские, но и якуты. Русские антропонимы в якутских инсулонимах ассимилированы и произносятся на якутский лад: **Илькэ арыыта** – “остров Ильки”, **Мииккэ арыыта** – “остров Митьки”, **Сүөдэркэ ходуһата** – “угодья Федорки”. Встретились также инсулонимы с якутскими антропонимами: **Муктуку ойооһо** – «остров Муктуку», **Хабар арыыта** – “остров Хабар”.

В целом, принципы номинации островов в якутском языке основываются на учете внешних характеристик (формы, уровня относительно воды, цвета, урожайности), значимости острова для хозяйственной деятельности человека (сенокос, охота, рыбалка, заготовка дров), и содержат в себе свидетельства исторических процессов, происходивших в Якутии.

Список литературы

1. Якутский Онлайн Словарь URL: <https://sakhatyla.ru/> (дата обращения 01.06.2019)

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

С.Ф. Меркушов

МЕТАФИЗИКА АБСУРДА В ПОВЕСТИ ЕГОРА РАДОВА
«ЦАРЬ ДОБР»

Ключевые слова: Е. Радов, «Царь добр», абсурд, субъект, объект.

В статье рассматривается абсурдистский срез художественной специфики повести Е. Радова «Царь добр» в ее соотносительности с важнейшими аспектами древних учений (Упанишад и пр.). В качестве основного аналитического вывода путем установления характерного для абсурда кажущегося нетождества утверждается присущее данному тексту субъектно-объектное образное и повествовательное тождество.

Е.А. Обухова

В.В. НАБОКОВ О ПОЭТИКЕ СТИХА (1920–1930-е гг.)

Ключевые слова: В.В. Набоков, Ю.Н. Тынянов, формализм, мотив, прозаизация стиха.

Литературно-критические статьи Набокова 1920–1930-х гг. являются ценным источником для выяснения взглядов писателя на поэтику стиха. Однако в научной литературе не существует целостного исследования, раскрывающего данную проблематику. В данной работе был проведен мотивный анализ литературно-критических статей Набокова в широком контексте достижений отечественного литературоведения в области поэтики стиха, с учетом эволюции взглядов писателя на проблему взаимодействия поэзии и прозы в его собственном творчестве. Особенный акцент был сделан на изучении мотива прозаизации стиха в литературной критике Набокова в связи с актуальностью этого приема для его поэтической модели. В результате исследования были выявлены теоретические установки Набокова на прозаизацию стиха как на конструктивный прием; определена его позиция в научных и литературно-критических дискуссиях 1920–1930-х гг. по вопросу релевантности прозаизации стиха в эволюции русской поэтической системы. Результаты исследования расширяют существующие представления о теоретических взглядах Набокова на поэтику стиха, в формулировании которых проявляется их формалистский генезис.

Фэн Мин

ОСОБЕННОСТИ «ВЯТСКОГО ТЕКСТА» В РОМАНЕ
«БОРЦЫ» Б. А. ПОРФИРЬЕВА

Ключевые слова: Б. А. Порфирьев, «вятский текст», локус, проза о спортсменах, цирковая борьба.

В статье рассматривается аспект «вятского текста» в романе Б. А. Порфирьева «Борцы». Выявляются мотивы, связанные с локусом Вятки, в котором происходит развитие действия романа, появляется новый герой Никита Сарафанников. Автор рассматривает, как влияют события начала XX в. в Вятке на российский провинциальный цирк и его людей и как они им воспринимаются.

О.Ю. Юрьева

УЧЕНИЕ ОБ ИДЕЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И
ЭЙДОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС СИМВОЛИКИ В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, эйдологический символ, идея, литература XX.

В статье исследуется проблема влияния эйдологической символики Достоевского на русскую литературу начала XX века. Показано, как в мире Достоевского традиционные для российского художественного и мифопоэтического сознания символы «книжного шкапа», «стены» приобретают эйдологический статус, становясь воплощением той или иной идеи, и в этом статусе функционируют в произведениях художников Серебряного века. Анализируются эйдологические символы, представляющие «живой образ» идеи в творчестве Достоевского и художников XX столетия.

S.F. Merkushev

METAPHYSICS OF ABSURDITY IN THE STORY OF EGOR
RADOV "GOOD KING"

Keywords: E. Radov, "Good King", absurdity, subject, object. The article deals with the absurdist section of the artistic specificity of E. Radov's novel "Good King" in its correlation with the most important aspects of the ancient teachings (Upanishads, etc.). As the main analytical conclusion by establishing the seeming and characteristic of the absurdity of non-identity, the inherent in this text subject-object figurative and narrative identity is asserted.

E.A. Obuhova

V.V. NABOKOV ABOUT POETICS
OF VERSE (1920–1930-ies.)

Keywords: V.V. Nabokov, Yu.N. Tynyanov, formalism, motive, prosaization of verse.

Literary-critical articles Nabokov 1920–1930-ies are a valuable source for clarifying the writer's views on the poetics of verse. However, in the scientific literature there is no holistic research that reveals this problem. In this paper, a motivational analysis of literary-critical articles by Nabokov was conducted in the broad context of the achievements of Russian literary criticism in the field of poetry of poetry, taking into account the evolution of the writer's views on the problem of the interaction of poetry and prose in his own work. Particular emphasis was placed on the study of the motivation for the prose of verse in Nabokov's literary criticism in connection with the relevance of this technique for his poetic model. As a result of the study, Nabokov's theoretical attitudes toward the verse prosaization as a constructive device were identified; his position in scientific and literary-critical discussions of the 1920s – 1930s is determined on the issue of the relevance of verse prosaization in the evolution of the Russian poetic system. The research results expand the existing ideas about the theoretical views of Nabokov on the poetics of verse, in the formulation of which their formalist genesis is manifested.

Feng Ming

PECULIARITIES OF "VYATKA TEXT" IN THE NOVEL
"WRESTLERS" BY B. A. PORFIRYEV

Keywords: B. A. Porfir'ev, "Vyatka text", locus, prose about athletes, circus wrestling.

The article deals with the aspect of the "Vyatka text" in B. A. Porfiriev's novel The Fighters. The motifs associated with the Vyatka locus, in which the development of the novel takes place, a new hero Nikita Sarafannikov comes to light. The author examines the impact of the events of the early twentieth century. in Vyatka on the Russian provincial circus and its people and how they are perceived by them.

O.Yu. Yureva

THE DOCTRINE OF IDEA AND IDEOLOGICHESKIE
STATUS SYMBOLS OF F. M. DOSTOEVSKY IN RUSSIAN
LITERATURE THE BEGINNING OF THE TWENTIETH
CENTURY

Keywords: Dostoevsky, ideologicheskies symbol literature of the twentieth, the idea of O. Mandelstam, A. Reittu, A. Platonov, A. White.

The article examines the problem of the influence ideologicheskoi symbolism of Dostoevsky in Russian literature of the early twentieth century. Shows how Dostoevsky in the world of traditional Russian art and mythopoetic consciousness of the characters "a bookcase", "wall" ideologicheskies acquire the status of becoming the embodiment of an idea, and this status is functioning in the works of artists of the Silver age. Analyzed ideologicheskies symbols, representing the "living image" of the idea in Dostoevsky's work and artists of the twentieth century.

С.Г. Аксенов, А.У. Киньябулатов, А.Д. Лифанова,
Р.Н. Зигитбаев, С.А. Батанин, А.Ф. Мухлисов, Ф.Х. Усманова,
Нгуен Тхань Нга, Конг Тхи Хоа
ЗНАЧЕНИЕ ВНУТРИВУЗОВСКОЙ ГАЗЕТЫ ДЛЯ
ПОДГОТОВКИ МОЛОДЫХ ЖУРНАЛИСТОВ

Ключевые слова: *внутривузовская газета, журналистика, Союз журналистов, статья, интервью.*

В каждом вузе России выпускается внутривузовская газета, которая при определенной направленности может стать первой ступенью в журналистике для студентов. В Башкирском государственном медицинском университете созданы хорошие условия для подготовки будущих членов Союза журналистов Республики Башкортостан, где первый этап — публикации статьи во внутривузовской газете.

Р.З. Дарзаманова
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛИЗМ ХУГО ЛЁЧЕРА КАК
СИНТЕЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО В
ШВЕЙЦАРСКОЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА
СТЫКЕ XX И XXI ВЕКОВ

Ключевые слова: *швейцарская немецкоязычная журналистика, швейцарская немецкоязычная литература, синтез документального и художественного, жанровый плюрализм.*

В данной статье проведён комплексный анализ публицистических и художественно-публицистических трудов Х. Лёчера с целью выявить синтез документального и художественного как одну из основных доминант в творчестве автора. Установлено, что в творчестве Х. Лёчера наблюдается эволюция от ярко выраженной информационной аналитической публицистики к синтезу литературы и журналистики, к художественно-публицистическим жанрам.

М.С. Штейман
АГРЕССИВНЫЙ КОМПОНЕНТ НА СОВРЕМЕННОМ ТВ
(РЕДАКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ
ТЕЛЕКОМПАНИЙ)

Ключевые слова: *агрессия, СМИ, аудитория, коммуникация, телеэкран, журналистика.*

В статье рассматривается тенденция увеличения агрессивных элементов в контенте современных телепередач. Затрагивается вопрос специфики интерпретации сотрудниками редакций региональных СМИ транслируемой в эфире информации. Подчеркивается, что осмысление механизмов деструктивного воздействия журналистских материалов необходимо для освобождения медиaprостранства от враждебности и непонимания.

Л.К. Байрамова
КОГНИТИВНАЯ ДЕФИНИЦИЯ И ТРАНСФЕР ЗНАНИЙ В
АКСИОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

Ключевые слова: *аксиологический, дефиниция, когнитивный, концепт, словарь, трансфер знаний, этимология.*

В статье исследуется структура когнитивной дефиниции концептов аксиологического словаря и определяются её новые структурные компоненты, наиболее полно трактующие концепт. Методологической основой исследования является теория познания, а именно: достижение объективной истины.

Т.Ф. Волкова, Л.М. Гриценко, Т.А. Демидова
ОСОБЕННОСТИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ
ЛИЧНОСТИ С СУИЦИДАЛЬНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Ключевые слова: *языковая личность, речевой портрет, суицидальное поведение, идиолект, текст.*

В статье анализируются особенности языковой личности с суицидальным поведением. Материал - тексты, опубликованные в социальной сети «ВКонтакте». Цель - выявление черт речевого портрета, отраженных в высказываниях о себе.

S.G. Aksenov, A.U. Kinyabulatov, A.D. Lifanova,
R.N. Zigitbaev, C.A. Batanin, A.F. Muhlsov, F.H. Usmanova,
Nguyen Thanh Nga, Kong Thi Hoa
THE IMPORTANCE OF INTRAVUZOVSKAYA
NEWSPAPER FOR THE PREPARATION OF YOUNG
JOURNALISTS

Keywords: *vnutrivuzovskaya newspaper, journalism, Union of Journalists, article, interview.*

In each university in Russia, a university newspaper is published, which, with a certain focus, can be the first step in journalism for students. In the Bashkir State Medical University, good conditions have been created for the training of future members of the Union of Journalists of the Republic of Bashkortostan, where the first stage is the publication of an article in an intra-university newspaper.

R.Z. Darzamanova
THE LITERARY JOURNALISM OF HUGO LOETSCHER AS
SYNTHESIS OF NONFICTION AND FICTION IN THE
SWISS GERMAN LITERATURE AT THE TURN OF XX AND
XXI CENTURIES

Keywords: *Swiss German journalism, Swiss German literature, the mix of fiction and nonfiction.*

In the following article you can see the complex analysis of literary and journalistic work of Swiss author Hugo Loetscher in order to find out the synthesis of nonfiction and fiction as one of the main dominant ideas. It was found, that the work of H. Loetscher shows an evolution from salient informative analytical opinion journalism to the mix of nonfiction and fiction, with plurality of genres.

M.S. Shteyman
THE AGGRESSIVE COMPONENT ON MODERN TV
(EDITORIAL POLICY OF REGIONAL TELEVISION
STATIONS)

Keywords: *aggression, media, audience, communication, television screen, journalism.*

The article considers the tendency of increasing aggressive elements in the content of modern TV programs. Address the question of the specificity of the interpretation by the staff of the editorial offices of regional media broadcast in the broadcast information. It is emphasized that the understanding of the mechanisms of destructive impact of journalistic materials is necessary for the liberation of the media space from hostility and misunderstanding.

L.K. Bairamova
THE COGNITIVE DEFINITION AND TRANSFER OF
KNOWLEDGE IN THE AXIOLOGICAL DICTIONARY

Keywords: *axiological, concept, cognitive, definition, questionnaire, dictionary, transfer of knowledge.*

The article examines the structure of the cognitive definition of concepts of the axiological dictionary. The goal is to characterize the structure of the axiological dictionary of concepts and to determine the structural components of the cognitive definition of the concept. The methodological basis of the research is the theory of knowledge, the goal of which is considered to be the achievement of objective truth.

T.F. Volkova, L.M. Gritsenko, T.A. Demidova
FEATURES OF LANGUAGE PERSON SELF-
PRESENTATION WITH SUICIDAL BEHAVIOR

Keywords: *language personality, speech portrait, suicidal behavior, idiolect, text.*

The article analyzes the features of a language personality with suicidal behavior. Material - texts published in the social network VKontakte. The purpose is to identify the features of the speech portrait reflected in the statements about yourself.

К.В. Еленская

КУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ НАСИЛИЯ/НЕНАСИЛИЯ

Ключевые слова: насилие, культура, эксплицитная и имплицитная семантика слова.

В статье на материале некоторых толковых словарей русского языка рассмотрены вопросы дуального понимания насилия, обоснованного принадлежностью людей к той или иной социальной или культурной группе. Эти вопросы рассматриваются на примере лексем, входящих в следующие лексико-тематические группы: 1) религия; 2) военное дело; 3) профессии; 4) обряды и традиции.

Т.Б. Курбаская, Н.П. Ячина, С.Г. Доброворская, В.С. Минкин
ФОРМИРОВАНИЕ КРОССКУЛЬТУРНОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ В УСЛОВИЯХ СЛОЖНОГО
ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: кросс-культурная компетентность, общество эмпатия, культура.

В статье рассматриваются проблемы формирования кросс-культурной компетентности в сложном обществе. Процессы глобализации привели к тому, что изменился качественный состав общества.

Г.И. Мансурова, В.С. Маркелов
ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ ФИЛОСОФИИ
В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

Ключевые слова: язык философии, коммуникативно-речевые блоки научного стиля речи, когнитивные стратегии.

Предлагаемый технологический подход стимулирует речемыслительную деятельность обучаемых на иностранном языке в учебно-профессиональной среде.

Супиан
ФУНКЦИИ ФОРМ ИМПЕРАТИВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В
ЗАВИСИМОСТИ ОТ ДИСКУРСА

Ключевые слова: императив, каузативное значение, дискурс, транспозитное значение императива.

В статье описаны функции и прагматика форм повелительного наклонения в зависимости от дискурса. Анализ случаев употребления императива для разных видов дискурса проведен по двум критериям. Первый критерий - востребованность императива в том или ином дискурсе для выражения каузативной семантики. Второй критерий - частота употребления форм императива в прямом и транспозиционном значении.

М.Т. Фахрутдинова
ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ
СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Ключевые слова: словообразование, аффиксация, морфологический способ, семантический способ.

Проблема развития словарного состава русского литературного языка занимает весьма значимое место в современной лингвистике. Существует два универсальных способа пополнения словарного запаса: формирование слов на базе ресурсов самого языка по словообразовательным моделям и заимствование. В данной работе анализируются различные подходы и классификации способов образования слов, а также приводятся наиболее продуктивные модели словообразования в современном русском языке.

О.П. Емельянова
ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАТЬИ АКАДЕМИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА

Ключевые слова: жанр, академический дискурс, институциональность.

Работа посвящена структурно-композиционным, лексико-грамматическим и стилистическим особенностям жанра научной статьи. Анализ текстовой организации и языкового оформления считается актуальным, поскольку навыков написания

K.V. Elenskaia

CULTURAL DETERMINATION OF
VIOLENCE/NONVIOLENCE

Keywords: violence, culture, explicit and implicit semantics of the word.

In this article, based on the material taken from explanatory dictionaries of the Russian language, the author reflects on the dual understanding of violence, observed in the interpretations by people from different social and cultural groups. The phenomenon is explored on the basis of lexemes divided in the following lexical-thematic groups: 1) religion; 2) military affairs; 3) professions; 4) rites and traditions.

T.B. Kurbatskaya, N.P. Yachina, S.G. Dobrotvorskaya,
V.S. Minkin
FORMATION OF CROSCULTURAL COMPETENCE IN
CONDITIONS OF COMPLEX SOCIETY

Keywords: cross-cultural competence, society empathy, culture. The article deals with the problems of developing cross-cultural competence in a complex society. The processes of globalization have led to a change in the qualitative composition of society.

G.I. Mansurova, V.S. Markelov
TEACHING LANGUAGE OF PHILOSOPHY
TECHNOLOGIES IN FOREIGN LANGUAGE AUDIENCE

Keywords: language of philosophy, communicative speech blocks of scientific style of speech, cognitive strategies.

The proposed technological approach stimulates the foreign language verbal activity of trainees in the educational and professional environment.

Supian
PRAGMATICS OF THE IMPERATIVE MOOD DEPENDING
ON A DISCOURSE TYPE

Keywords: imperative mood, causal semantics, imperative mood trans-positional meaning.

The article deals with the functions and pragmatics of the imperative mood depending on their discourse types. A detailed analysis was conducted according to two criteria. The first one is relevance of the imperative mood for conveying causal semantics in different discourses. The second one is frequency of use of the imperative mood, namely direct and trans-positional meaning.

M.T. Fakhrutdinova
THE PROCESSES IN THE MODERN RUSSIAN WORD
FORMATION

Keywords: word formation, affixation, morphological method, semantic method.

The problem of the development of the vocabulary of the Russian literary language occupies a very important place in modern linguistics. There are two universal ways to replenish the vocabulary: the formation of words on the basis of the resources of the language itself by word-formation models and borrowing. In this paper, various approaches and classifications of word formation methods are analyzed, and the most productive models of word formation in the modern Russian language are presented.

O.P. Emelyanova
GENRE CHARACTERISTICS OF ACADEMIC PAPER

Keywords: genre, academic discourse, institutionality.

The article describes structural, lexico-grammatical and stylistic features particularly characteristic of a paper as a genre. Analysis of textual composition and language peculiarities is considered actual due to the fact that writing a paper constitutes the main skill of a researcher and provides scientific achievements to be successfully shared within modern academic

академической статьи составляет важнейшую компетенцию ученого и служит условием успешной реализации результатов исследовательской деятельности в современном научном сообществе. Анализ языкового материала позволяет сделать вывод о наиболее ярких характеристиках данной жанровой формы.

Н.В. Жарёнова
ГЕЛЬВЕТИЗМЫ В ПЕЧАТНЫХ СМИ

Ключевые слова: швейцарский вариант немецкого языка, гельветизмы, печатные СМИ.

В статье представлены результаты исследования, целью которого стало изучение использования гельветизмов в печатных СМИ Швейцарии. Наибольшее количество гельветизмов отмечается в написанных для швейцарцев статьях, освещающих актуальные события в стране. Преимущественно используются гельветизмы, обозначающие швейцарские реалии.

Ю.Н. Зинцова, И.В. Матвеева
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ МЕЛИОРАТИВОВ В
СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, мелиоративы, мелиоративная лексика, структура поля, ядро, периферия.

В статье рассмотрены возможности систематизации лексики с мелиоративным значением в современном немецком языке. Данное исследование осуществляется с позиций лексико-семантического поля, характеризующегося усложненной структурой. Особое внимание уделяется структурно-системной организации элементов ядерной, окооядерной, промежуточной и периферийных частей исследуемого языкового поля.

М.А. Кузина, К.Р. Багдасаров
К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ТЕРМИНА «ЭКЗОТИЧЕСКАЯ
ЛЕКСИКА» К ЗАИМСТВОВАНИЯМ В АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
ИЗ ЕВРОПЕЙСКИХ И НЕЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Ключевые слова: экзотизм, ассимиляция, итальянизм, африканизм.

В настоящей статье доказываемся, что заимствования из европейских языков и заимствования из неевропейских языков относятся к разным подтипам «экзотической лексики», соответственно к «узультным экзотизмам» и к «собственно экзотизмам».

В.Ю. Кузнецова (Барбазюк), А.Е. Воробьев
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ
ВОЕННЫХ АББРЕВИАТУР

Ключевые слова: перевод, военная лексика, военные аббревиатуры, семантическое значение.

Целью представленной статьи является рассмотрение англоязычных сокращений военной тематики, которые могут вызвать сложности в процессе перевода и требуют специального переводческого комментария.

Авторами изучены понятия «перевод» и «военные аббревиатуры», а также подробно рассмотрены лексические трудности перевода современных англоязычных аббревиатур военной тематики. Перевод примеров на русский язык и комментирование были выполнены авторами статьи.

М.Н. Кузнецова, У.А. Казакова, В.А. Тубальцева
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНО-
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ПЕДАГОГОВ ВУЗОВ
К МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Ключевые слова: английский язык, педагоги вузов, международная образовательная среда.

В статье представлены результаты теоретического анализа интегративной роли английского языка в процессе вхождения преподавателей вузов в международное образовательное пространство. Авторами рассмотрены оптимальный комплекс

community. Examples showed allow to draw some important conclusions on distinctive aspects of a paper.

N.V. Zharyonova
HELVETISMS IN THE PRINT MEDIA

Keywords: Swiss German, Helvetisms, print media.

The article presents the research results of Helvetic vocabulary use in Swiss print media. The most Helvetisms are used in articles for the Swiss about the latest events in the country. Helvetisms are mostly used to denote Swiss nationally based units.

Yu.N. Zintsova, I.V. Matveeva
LEXICAL SEMANTIC FIELD OF MELIORATIVES IN
MODERN GERMAN LANGUAGE

Keywords: lexical semantic field, melioratives, ameliorative vocabulary, field structure, core, periphery.

Under the analysis are the opportunities of the vocabulary systematization with the ameliorative meaning in the modern German language. This research is carried out in the context of lexical semantic field characterized by complicated structure. Special attention is paid to structural and systemic organization of elements of nuclear, nuclear-related, interim and peripheral parts of the analyzed language field.

M.A. Kuzina, K.R. Bagdasarov
ON DEFINING LOANWORDS FROM EUROPEAN
LANGUAGES AND LOANWORDS FROM NON-EUROPEAN
LANGUAGES INTO ENGLISH AS
“EXOTIC VOCABULARY”

Keywords: exoticism, assimilation/adaptation, Italian loanword, African loanword.

The article aims at proving that loanwords from European languages and from non-European languages can be allocated to different types of “exotic vocabulary”: respectively, to “usual/frequent exoticisms” and to “exoticisms proper”.

V.Y. Kuznetsova (Barbazyuk), A.E. Vorobyev
PROBLEM ASPECTS OF TRANSLATION OF ENGLISH
MILITARY ABBREVIATURES

Keywords: translation, military vocabulary, military abbreviations, semantic meaning.

The purpose of this article is to consider English military abbreviations that may cause difficulties in the translation process and require special translation commentary.

The authors have studied the concepts of “translation” and “military abbreviations”, and also examined in detail the lexical difficulties of translating modern English-language abbreviations of military subjects. Translation of examples into Russian and commenting were done by the authors of the article.

M.N. Kuznetsova, U.A. Kazakova, V.A. Tubaltseva
ENGLISH LANGUAGE AS A MEANS OF SOCIAL AND
PROFESSIONAL ADAPTATION OF TEACHERS OF
UNIVERSITIES TO THE INTERNATIONAL EDUCATIONAL
ENVIRONMENT

Keywords: English, university pedagogy, international educational environment.

The article presents the results of a theoretical analysis of the integrative role of the English language in the process of entry of university teachers into the international educational space. The

активных методов обучения иностранным языкам педагогов высшей школы.

Н.А. Левковская

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА АНГЛОЯЗЫЧНОГО
МЕДИАДИСКУРСА. ПРОБЛЕМА СКРЫТЫХ ОЦЕНОК

Ключевые слова: прагматика, медиадискурс, скрытые смыслы, контраст, декодирование.

Статья посвящена проблеме декодирования скрытых смыслов в политическом тексте английской газеты *The Economist*. В качестве основного инструмента, способствующего интерпретации, выступает прием контраста, который помогает выявить прагматическую направленность текста. Контраст рассматривается как многоплановое явление, представляющее собой содержательно-логический и стилистический планы изложения. Результаты исследования дают возможность дальнейшего изучения текста СМИ с точки зрения заложенных в нем скрытых смыслов, и предоставляет возможность студентам анализировать импликации и подтекст.

Д.Ш. Мухамедзянова

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НАРЕЧИЙ
ЧАСТОТНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: наречия, частотность, английский язык, испанский язык.

В настоящей статье речь идет об использовании наречий частотности для выражения повторяемости действия в английском и испанском языках. Многие наречия частотности в английском языке образуются с помощью суффикса *-ly*. Автором выполняется поиск эквивалентов английских наречий с суффиксом *-ly* в испанском языке.

Д.А. Романов

НЕДОСТАТКИ ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА
РУССКИЙ ЯЗЫК ИНФИНИТИВНОГО СОЧЕТАНИЯ
"VERB + OBJECT + BARE / TO-INFINITIVE (CLAUSE)"

Ключевые слова: английский язык, инфинитив, инфинитивная группа, дополнение, перевод.

При переводе студентами магистратуры с английского языка на русский язык сочетания "verb + object + bare / to-infinitive" с инфинитивом в роли дополнения недостатки могут проявляться при выборе: порядка перевода компонентов сложного дополнения; значения глаголов *cause* и *make*, за которыми следует сочетание "object + bare / to-infinitive".

Т.С. Рыжкова, Н.Г. Хилалова, П.В. Янькова

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СУБСТАНТИВА FLOWER В
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова и фразы: этимологический анализ, диахронический анализ, лексема, значение, существительное.

В данной статье представлен этимологический анализ номинатива современного английского языка *flower*. Выявлено, что данный субстантив был образован от глагола и в современном толковании сохранил все семантические признаки, имевшие место в процессе исторического развития анализируемой лексемы.

Н.В. Сабурова

КАТЕГОРИЯ АВТОРСТВА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ
СМИ

Ключевые слова: категория авторства, жанр, информационная аналитика, тематика.

Статья представляет собой обзорный анализ способов проявления категории авторства в англоязычных текстах средств массовой информации. Категория авторства в рамках работы трактуется как свойственная прежде всего информационно-аналитическим и художественно-публицистическим жанрам текстов СМИ. Реализация данной категории анализируется в статье на трех уровнях текста: тематическом, структурном и речевом.

authors considered the optimal set of active methods of teaching foreign languages to higher school teachers.

N.A. Levkovskaya

SEMANTICS AND PRAGMATICS OF THE ENGLISH
MEDIA DISCOURSE. THE PROBLEM OF HIDDEN
MEANINGS

Keywords: Pragmatics, media, implications, contrast, coding, decoding.

The article is devoted to the problem of decoding implications in the political text of the British newspaper *Economist*. The main tool of the analysis is the device of contrast, which helps to reveal the pragmatic aspect of the text. Contrast is treated as a multifacet phenomenon which boasts both the semantic-logical and stylistic aspects. The results of the research could be used by students at their newspaper class.

D.S. Mukhamedzyanova

THE USE OF FREQUENCY ADVERBS TO EXPRESS
REPEATED ACTION IN ENGLISH AND SPANISH

Keywords: adverbs, frequency English, Spanish.

The present article refers to the use of frequency adverbs in English and Spanish in order to repeated action. Lots of frequency adverbs in English are formed with suffix *-ly*. The author searches for their equivalents in the Spanish language.

D.A. Romanov

WEAK POINTS OF TRANSLATING THE INFINITIVE
COMBINATION "VERB + OBJECT + BARE / TO-
INFINITIVE (CLAUSE)" FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Keywords: English, infinitive, infinitive clause, object, translation

In case of translating the combination "verb + object + bare / to-infinitive" involving an infinitive as an object by Master's degree students from English into Russian, weak points can take place in choosing: the order of translating object and infinitive as the components of the so-called complex object; the meaning of "cause" and "make" followed by "object + bare / to-infinitive".

T.S. Ryzhkova, N.G. Hilalova, P.V. Yan'kova

THE DIACHRONIC ANALYSIS OF THE SUBSTANTIVE
FLOWER IN THE ENGLISH LANGUAGE

Keywords and phrases: etymological analysis, diachronic analysis, lexeme, meaning, noun.

The paper outlines an etymological research of the noun of the Modern English language *flower*. It is identified that the noun was formed from the verb and a modern interpretation has the same semantic features, which took place in the historical development of the analyzed lexeme.

N.V. Saburova

CATEGORY OF AUTHOR IN ENGLISH-LANGUAGE
MEDIA TEXTS

Keywords: category of author, genre, opinion articles, themes.

The article focuses on the review of the analysis of the way in which author's category is manifested in the English-language media texts. The category in question is viewed here as one of the key characteristic of opinion and feature articles. Realization of author's category is analyzed on the three levels of text: thematic, structural and language.

Л.В. Ахметшина

СИСТЕМО-АСПЕКТУАЛЬНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ЯЗЫКЕ*Ключевые слова:* термины; терминология; компьютерная терминология, освоение заимствованных терминов.

В данной статье рассматриваются основные критерии и закономерности освоения компьютерной терминологии в языке. Значительное внимание уделяется анализу примеров из учебных пособий, обучающих сайтов. На основе анализа примеров аргументируется появление такого явления как компьютерная терминология, способы ее освоения, процентное соотношение использования того или иного способа освоения. Приводится список самых активно используемых слов по теме «Компьютерная наука», «Программное обеспечение».

К.Н. Бурнакова, Т.Н. Боргоякова
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОШЕДШЕГО

НЕОПРЕДЕЛЕННОГО ВРЕМЕНИ В ТЕКСТАХ СКАЗКИ

Ключевые слова: форма глагола, время, текст сказки, функция, семантика.

В статье представлено новое актуальное научное направление – система временной формы на -чан, которая не подвергалась детальному изучению в тексте сказки. На основе сравнительно-сопоставительного анализа доказано, что эта форма является центром функционально-семантического поля прошедшего времени и занимает доминирующее положение в описании событий в хакасских сказках.

А.С. Габышева, Л.И. Заморщикова

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ С СОМАТИЗМОМ «ГЛАЗ» В ЯКУТСКОМ И
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ*Ключевые слова:* антропоцентризм, сопоставительная фразеология, соматизм, якутский язык, семантика, фразеологическая картина мира.

Фразеологические единицы с соматическим компонентом наиболее полно отражают антропоцентрический принцип в лингвистике. Статья посвящена сопоставлению и выявлению общих и специфических значений фразеологических единиц с соматическим компонентом «харах / eye» («глаз») в рамках якутской и английской лингвокультур. Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ свидетельствует как о сходстве, так и о различиях в семантике изучаемых единиц в якутском и английском языках.

Д.З. Гайнутдинова, А.Т. Галиахметова, М.И. Андреева
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ФИКСАЦИЯ АРХИТЕКТУРНЫХ
И СТРОИТЕЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ – МЕТАФОР
В ДВУЯЗЫЧНОМ СЛОВАРЕ*Ключевые слова:* словарь, термин, метафора, словарная статья.

В данной статье описывается построение Англо-русского словаря архитектурных и строительных терминов-метафор. Термины в Словаре представлены в соответствии с алфавитно-гнездовым принципом. Подробно описывается микроструктура Словаря, содержащая шесть зон.

К.А. Давыдова

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ АНГЛИЙСКОЙ
АРИСТОКРАТИИ В РОМАНЕ ДЖОНА ГОЛСВОРСИ
«ПАТРИЦИЙ»*Ключевые слова:* высший класс, британское общество, Голсуорси, роман, образ, аристократия.

В статье затронута тема социального деления британского общества. Описание социальных классов в английской художественной литературе предоставляет информацию о взаимоотношениях как между разными классами, так и внутри одного социального класса. Выявление социолингвистических характеристик образов аристократии, созданных в романе Д. Голсуорси «Патриций», позволяет создать представление об их устоях в определенный исторический период и сравнить с сегодняшним днем.

L.V. Akhmetshina

SYSTEM-ASPECTUAL FUNCTIONING OF COMPUTER
TERMINOLOGY IN THE LANGUAGE*Keywords:* terms; terminology; computer terminology, the development of borrowed terms.

This article presents the main criteria and patterns of mastering computer terminology in the language. Much attention is given to the analysis of examples from textbooks, training sites. Further the author reports the analysis of examples, the emergence of such a phenomenon as computer terminology, methods of its development, and the percentage ratio of the particular method of development usage. The list of the most actively used words on the subject "Computer Science", "Software" was showed in detail.

K.N. Burnakova, T.N. Borgoyakova

THE USE OF THE PAST INDEFINITE TENSE
IN THE FAIRY TALE TEXT*Keywords:* verb form, time, fairy tale text, function, semantics.

The article presents a new relevant scientific direction – the system of -gan past tense form, which was not subjected to detailed study in the text. On the basis of comparative analysis it is proved that this form is the center of the functional-semantic field of the past time and occupies a dominant position in the description of events in the Khakass tales.

A.S. Gabysheva, L.I. Zamorshchikova

COMPARATIVE ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS
WITH SOMATISM "XAPAX/EYE" IN THE YAKUT AND
ENGLISH LANGUAGES

Keywords: anthropocentrism, comparative phraseology, somatism, Yakut language, semantics, phraseological worldview. Phraseological units with a somatic component most fully reflect the anthropocentric principle prevailing in linguistics. The article is devoted to the comparison and identification of common and specific meanings of phraseological units with the somatic component "xapax/eye" in the framework of the Yakut and English linguistic cultures. The comparative analysis reveals both similarities and differences in the semantics of the units under study in the Yakut and English languages.

D.Z. Gaynutdinova, A.T. Galiakhmetova, M.I. Andreeva
LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION OF
METAPHORICAL TERMS OF ARCHITECTURE AND
CONSTRUCTION IN THE BILINGUAL DICTIONARY*Keywords:* dictionary, term, metaphor, dictionary entry.

In this article structure of English-Russian dictionary of architectural and building metaphorical terms is considered. Alphabetical and run-on layout of dictionary entries is used. Microstructure of compiled Dictionary, containing six zones, is described in detail.

K.A. Davydova

SOCIOLINGUISTIC IMAGE OF THE ENGLISH
ARISTOCRACY IN THE NOVEL "PATRICIAN" BY JOHN
GALSWORTHY*Keywords:* upper class, British society, character, Galsworthy, novel, image, aristocracy.

The article devoted to studying the social differences of British society. The division into classes gives information about the relationship and interaction of British society. In this regard, the representation of the social system of Great Britain in fiction is considered on the example of images created in the novel "Patrician" by J. Galsworthy, through sociolinguistic characteristics.

Н.Н. Казыдуб

**КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ**

Ключевые слова: моделирование; когнитивные репрезентации; прагматические интерпретации; культурно-языковые контакты.

В работе представлены результаты моделирования когнитивных и прагматических параметров культурных и языковых контактов в рамках методологической триады КУЛЬТУРА-ЛИЧНОСТЬ-ЯЗЫК. Обозначены этапы когнитивно-прагматического моделирования. Конкретизирована его роль как способа преодоления языковой асимметрии.

Л.А. Савельева

**РОЛЬ ЧАСТИЦ В ФОРМИРОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ОБРАЗОВ: ОБРАЗ МАСТЕРА И ПОЭТА БЕЗДОМНОГО В
РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»**

Ключевые слова: частицы, художественный образ, речевой портрет, речевая ситуация, «плавающие» частицы.

В статье приводятся результаты анализа функционального потенциала частица русского языка в формировании художественных образов Мастера и поэта Бездомного в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита». В результате проведенного анализа выявляются частицы – маркеры речевых портретов данных персонажей. Также автором выделяется особый вид частиц – «плавающие» частицы, которые вносят вклад в изображение ситуации взаимопонимания литературных героев.

**Е.Б. Савельева, Е.Г. Котова, Е.А. Линева, Т.Г. Юсупова
ДЕЙКСИС В КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОМ
КОНТЕКСТЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

Ключевые слова: контекст, дискурс, дейксис, когнитивный, коммуникативный, автобиографический.

В данной статье речь идет о контексте автобиографического дискурса, включающем в себя дейктически маркированные координаты лица, места и времени в когнитивно-коммуникативной парадигме. Описываются видовые формы дейксиса, прежде всего контекстуального в соотношении с понятием «дискурс» в его современной интерпретации.

М.В. Самсонова, Л.С. Заморщикова

**АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРА В ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЯКУТИИ**

Ключевые слова: антропоморфизм в языке, изоморфизм, метафора, соматизмы.

Статья посвящена исследованию особенностей антропоморфной метафоры в формировании топонимов Центральной Якутии. Рассматриваются вопросы этнокультурной специфики в обозначении в якутском языке географических объектов, отсылающей к древним анимистическим верованиям предков якутов.

**М.В. Самсонова, К.А. Пестерева, В.В. Филиппова
МИКРОТОПОНИМИКА ОСТРОВОВ СРЕДНЕЙ ЛЕНЫ
КАК ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ УКЛАДА ЖИЗНИ
НАСЕЛЕНИЯ**

Ключевые слова: топонимия, инсулоним, принцип номинации.

В работе представлены результаты изучения инсулонимов Республики Саха (Якутия), рассмотрены принципы номинации в якутском языке, лежащие в основу формирования топонима с учетом историко-культурных процессов, происходивших на территории республики с XVII века.

N.N. Kazydub

**COGNITIVE-PRAGMATIC MODELLING OF CULTURAL
AND LINGUISTIC CONTACTS**

Keywords: modelling; cognitive representations; pragmatic interpretations; cultural and linguistic contacts.

This paper presents the results of cognitive-pragmatic modelling of cultural and linguistic contacts within the framework CULTURE-PERSONALITY-LANGUAGE. The stages of cognitive-pragmatic modelling are differentiated. Its role as a tool of overcoming linguistic asymmetry is specified.

L.A. Savelyeva

**THE ROLE OF PARTICLES IN BUILDING WORD
PICTURES: WORD PICTURES OF THE MASTER AND
POET HOMELESS IN THE NOVEL "THE MASTER AND
MARGARITA" BY M.A. BULGAKOV**

Keywords: particles, word pictures, speech portrait, speech situation, "floating" particles

The article summarizes the results of study of particles' functions in the Russian language in building word pictures of the Master and a poet Homeless in the novel M.A. Bulgakov "The Master and Margarita". As a result, group of particles functioning as markers of word pictures were identified. It is proposed to identify a separate type of particles – "floating" particles that contribute to picturing situation of mutual understanding of literature heroes.

**E.B. Saveleva, E.G. Kotova, E.A. Lineva, T.G. Yusupova
DEIKSIS IN THE COGNITIVE-COMMUNICATIVE
CONTEXT OF AUTOBIOGRAPHIC DISCOURSE**

Keywords: context, discourse, deixis, cognitive, communicative, autobiographical.

This article deals with the context of autobiographical discourse, which includes the deictically marked coordinates of a person, place and time in the cognitive-communicative paradigm. The specific forms of deixis are described, primarily contextual in relation to the notion of "discourse" in its modern interpretation.

M.V. Samsonova, L.S. Zamorshchikova

**ANTHROPOMORPHIC METAPHOR IN GEOGRAPHIC
TERMINOLOGY OF CENTRAL YAKUTIA**

Keywords: anthropomorphism in language, isomorphism, metaphor, somatisms.

This paper presents the results of the study of the features of the anthropomorphic metaphor in the formation of the geographical terms of Central Yakutia. Issues of ethnocultural specificity are considered in the designation of geographical objects in the Yakut language, referring to the ancient animistic beliefs of the ancestors of the Yakuts.

**M.V. Samsonova, K.A. Pestereva, V.V. Filippova
MICROTOPONIMICS OF ISLANDS OF MIDDLE LENA
RIVER AS REFLECTION OF PECULIARITIES OF
POPULATION LIFE STAND**

Keywords: toponymy, isles place-names, principle of nomination. The paper presents the results of the study of insulonyms of the Republic of Sakha (Yakutia), discusses the principles of nomination in the Yakut language, which formed the basis for the formation of the toponym, taking into account the historical and cultural processes that took place in the republic since the seventeenth century.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№6 2019

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 11.07.2019

Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 11.07.2019

11,2 усл.печ.л. 13,5 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 2810.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Цена - договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»